

Светлана Багдерина

ЦИКЛ «ГЕРОИ НЕ УМИРАЮТ»

Книга первая

ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ

- ...Вот ты и попался, Симарон! Ты и твои прихвостни! Сдавайтесь, и мы сохраним вам жизнь!

Ренегаты внизу, не ждавшие быть обнаруженными так скоро, замерли – но быстро опомнившись, потянулись за оружием.

- Фалько, ты чокнулся, что ли? Вас двое, а нас – шестеро! Проваливай отсюда вместе со своим трусливым принцем, пока цел! – долетел до края карьера ответ единственного безоружного среди них – рыжего коренастого здоровяка, но Фалько и Аник, перескакивая с уступа на уступ, уже спускались к обнажившим мечи злодеям, и глаза их сверкали адским пламенем неминуемого сражения.

- А-а-а, провались земля и небо – я на кочках проживу!.. – захлебываясь адреналином и жаждой схватки, азартно проорал Фалько, и ликующее эхо, вторя ему, птицей заметалось в песчаниковых стенах.

- Вы думаете, что вы – герои? – язвительно поинтересовался Симарон, уперев толстые руки в бока и задрав голову. – Вы – шуты балаганные! Песья кость! Вороний корм!

- А вот мы сейчас и поглядим, кто тут из нас – вороний корм! – воинственно выкрикнул Аник, не забывая при этом не опережать друга, неистово летевшего навстречу пяти мечам. – Смерть и слава! И сам ты – чучело огородное!

- А ты вообще помалкивай, королевский сынок! Мы тебя первого повесим! – долетели персональные слова приветствия и Анику.

Тот их расслышал, побледнел и, несмотря на тот факт, что ни в карьере, ни вокруг него не было ни единого столба, не говоря уж о дереве, пригодном для такого ритуала, приотстал еще больше. Потому что уж он-то точно знал, кто из них двоих с Фалько герой, а кто – песий корм и балаганный шут.

Ренегаты заметили демарш коротышки, захлопали себя по ляжкам и расхохотались, издевательски гундося и прихрюкивая. Но им было простительно, потому что для злосчастных отступников это был последний повод для веселья. Как обвал, как лавина, как безумный цунами обрушился на их головы растрепанный, запыхавшийся Фалько, и его легкие клинки замелькали в воздухе, словно лезвия сенокосилки, не давая солдатам колдуна даже опомниться.

Через минуту всё было кончено. Пятеро приспешников Симарона лежали, корчась в предсмертных муках, а Фалько, опустив мечи, стоял перед Симароном, в страхе прижавшимся к пыльной стене карьера.

- По-хорошему, мне стоило бы отправить сейчас на тот свет и тебя, - горделиво откинув со лба слипшуюся от пота челку, усмехнулся капитан гвардии кронпринца. – Но принц Амза хочет получить тебя живым, не знаю, зачем. Поэтому...

- Найз, Найз! Ты там, внизу? Найз!!! – пронзительный девчоночий крик тревожно забился среди почти отвесных стен, и Фалько, прервавшись на полуслове, повернулся к захваченному колдуну спиной, задрал голову, засунул оба меча подмышку и приложил ладони рупором ко рту.

- Да здесь я, здесь! А что?

- Мама тебя ищет!!!

- М-м-м... - тихо поморщился как от зубной боли мальчишка. – Ну, как всегда...

- Может, дома случилось чего, Фалько? – озабоченно предположил один из ренегатов, оживших чудесным образом.

- Да знаю я ее «случилось»... - недовольно пробурчал мальчик. – То гусей с пруда пригони, то крупу перебери...

- Спроси, - сочувственно поглядел на приятеля парень, изображавший колдуна Симарона. – Может, не срочно.

Найз вздохнул, пожал плечами, но совету последовал.

- А что случилось-то, Фила?..

- Дяде Лимбе... совсем... плохо стало!.. – взлетел до самой высокой ноты и вдруг оборвался голос сестры.

Она не сказала самого страшного слова, но и невысказанное, оно материализовалось в мозгу Найза, распухло, набрякло тяжелым ужасом и запульсировало, словно живое.

Пока живое.

Дядя Лимба.

Умирает.

- Что?..

Мечи с тупым стуком упали на землю, заглушая почти беззвучный рваный выдох. А голос девочки, уже набравшись сил, летал и звенел над застывшими в растерянности друзьями:

- Иди скорей! Мама говорит, тебе нужно к доктору сбегать, а потом, если чего пропишет, и денег на это хватит – то к аптекарю, а если нет – то к бабке-лечухе, она меньше берет, хоть и пользы нету!..

- Нет... нет... не может быть... ему же еще вчера было совсем почти хорошо, он ведь даже вставал сам! Он не может... - повторял снова и снова, как

заклинание, Найз, точно суеверный крестьянин с южных окраин Эрегора, веривший, что если о худом не говорить, то оно не может и случиться.

- Он в горячке свалился час назад, без памяти, и всё тебя зовет! Ну, как ты себя называешь, то есть! Фалько, кричит, Фалько, ты где, вернись, Фалько!..

На ощупь Найз быстро подобрал мечи, выстроганные ему когда-то стариком. Торопливо наугад попытался засунуть их в ножны за спиной – тоже сделанные дядей Лимбой, крест-накрест, как у Фалько – не попал. Нетерпеливо мотнул головой, стиснул их в левой руке, окинул быстрым взглядом почти невидимую тропинку, ведущую вверх, на край выработки, и помчался по ней с такой скоростью, будто от этого зависела жизнь не только брата мамы, но и всей Песчаной слободы, и города, и даже королевства.

Дядя Лимба умирает...

Да кто такой был этот старик Лимба, спрашивали друг друга его соседи, и сами же отвечали на свой вопрос, хотя всем известно, что на риторические вопросы ответов не бывает.

Старый одинокий сумасшедший, брезгливо говорили одни. Одноногий пьяница, с неодобрением уточняли другие. Врун и трепач, усмехаясь, настаивали третьи. Бесстыжий самозванец, с осуждением припоминали четвертые. И всё это было правдой, все они были правы, потому что против правды не поспоришь, как говаривал, бывало, сам Лимба, рассеянно улыбаясь в длинные усы, жесткие и желтые, как песчаник в карьере за их околицей. Но для Найза дядя Лимба с первого дня их знакомства и всегда был только другом Фалько, оруженосцем Фалько и человеком, сражавшимся рядом с Фалько в том самом последнем бою.

* * *

День за днем, год за годом, судьбоносное сражение в Лесном замке уходило вдаль и становилось историей. Не такой уж далекой, но уже и не близкой.

Достаточно реальной, чтобы раны, нанесенные тем страшным временем, еще болели, но уже слегка тускнеющей, чтобы не кровоточили.

Сотни баллад и пьес, стихов и романов, полотен и монументов было посвящено двум мучительно-бесконечным годам, когда придворный маг Симарон, убив доверчивого короля Рица, захватил власть над страной. Но детям монарха удалось спастись благодаря Фалько, молодому капитану королевской гвардии. Три принца и две принцессы, едва опережая преследователей, без оглядки разлетелись по разным концам большой страны в сопровождении последних гвардейцев, оставшихся верными короне.

Используя магию смерти и крови, колдун принялся готовить армию для завоевания континента. Как паук из мухи, вытягивал он из Эрегора все соки. Деньги, товары – всё летело в топку амбиций Симарона, но больше всего страдали люди. Пустели мастерские и поля, когда рекрутёры забирали их хозяев в исполинскую армию нового правителя, увеличивавшуюся не по дням, а по часам. На оставшихся людей ложилась непосильным бременем утроенная, учетверенная доля труда и налогов.

Пророчество слепого отшельника, вскоре после гибели старого доброго Рица облетевшее страну, гласило, что только отпрыск королевской крови сможет уничтожить колдуна.

Страна стонала под пятой новой власти, но стон иного рода вырывался из сотен тысяч грудей каждый раз, когда проносился слух о гибели наследников: младшего сына Рица, потом, через несколько месяцев, среднего, еще через полгода – двух дочерей, одной за другой...

Преследуемому каждый день, каждую минуту кронпринцу Амзе так и не удалось собрать полноценное войско, чтобы сразиться с Симароном в открытом бою. Три тысячи – это всё, что у него было, когда под покровом ночи пятеро смельчаков из его отряда хитростью проникли в Лесной замок – резиденцию

колдуна с гарнизоном в восемь тысяч и, перебив стражу на воротах, впустили жалкое подобие армии принца навстречу судьбе.

На смерть и славу.

Неожиданность, ночь и обман сделали свое дело, но всё же защитников замка было несравнимо больше, и всю затею можно было назвать глупой и безнадежной, если бы не единственный и последний шанс повстанцев прорваться в Звездную башню в отсутствие Симарона и уничтожить талисман, дававший ему волшебную силу.

Каждый ребенок в королевстве знал, чем закончилась эта битва. Амза пробился в заветную башню и сокрушил волшебным посохом отшельника Шар Судьбы. Разъяренный Симарон вернулся на крыльях бури, но ничего поделать уже не смог, и ему оставалось только вступить в поединок с застигнутым на месте преступления юношей...

Когда взошло солнце, замок и его окрестности были тихи и безмолвны. Погибли отважные повстанцы. Полегла гвардия колдуна. В последней схватке, поразив друг друга, пали Амза и Симарон... «Смерть и слава» - клич кучки храбрецов, презревших смерть и вошедших в вечность, расправив плечи и гордо подняв головы, остался в истории.

Когда через день окрестные жители набрались смелости и подошли к древней обители королей Эрегора, то из живых обнаружили лишь горстку раненых с обеих сторон, чудом до сих пор не истекших кровью.

Что стало с ранеными приспешниками мага, история стыдливо умалчивала. Имена же выживших бунтарей по приказу нового короля – дальнего родственника бедолаги Рица – были занесены огромными золотыми буквами на стену замка рядом с отлитыми в платине именами кронпринца и капитана его гвардии. Ибо каждый эрегорец теперь знал, почему из пяти наследников Рица в живых остался только Амза, кто доставил ему посох слепого отшельника – ведь магический талисман мог уничтожить только маг или простой смертный при помощи другого

талисмана, кто планировал безумный налет на оплот Симарона, кто проник в замок во главе четверки бесстрашных в ту судьбоносную ночь, чтобы открыть ворота, и кто в одиночку удерживал в дверях Звездной башни натиск отборной гвардии чародея, чтобы принц мог без помех отыскать проклятый шар и разбить его...

Амза, кронпринц династии Агравов, и Фалько, граф са Камбреа. Их имена, одно рядом с другим, возглавляли сияющий список из сорока трех имен героев, переживших своих военачальников.

Имени Лимбы в этом списке не было.

Сам старик, снисходительно усмехаясь в усы и потирая культю чуть выше колена, объяснял это тем, что имя его там было раньше, в самом низу, последнее, да только, когда нужда в деньгах пришла большая, отковырял он его со стены и продал по буковке. Его имя – что хочу, то и делаю. Хочу – на забор вешаю, хочу – лавочникам продаю. Кто против?

Кроме Найза, ему не верила ни одна живая душа, но Лимбу, который редко бывал абсолютно трезвым и еще реже прислушивался к мнению обитателей Песчаной слободы, это ничуть не волновало.

Могила кронпринца Амзы и капитана королевской гвардии Фалько – ослепительно-мраморная стела, взмывавшая в небо – теперь служила объектом поклонения каждый День Освобождения на главной площади столицы. Остальные герои разделили последнее место упокоения одно на всех, без имен, родов и рангов. Ведь еще одна вещь, о которой история конфузливо умалчивает – сколько времени нужно в разгар декабрьской жары нескольким десяткам человек, чтобы похоронить одиннадцать тысяч...

* * *

Но это было давно, по меркам тринадцатилетнего мальчишки – эры и эпохи назад, а дядя Лимба умирал сейчас, сегодня, когда до двадцатого, юбилейного празднования Дня Освобождения оставалось всего два дня.

Уже съехались высокие гости со всех держав континента, уже начали украшать площадь для торжественного парада Бессмертных – как окрестили их поэты, уже выгнали с центральных улиц накопившихся на них за прошедший год попрошаек и проституток...

Конечно, как всегда, за три часа до начала парада дядя Лимба нарядился бы в самое лучшее свое платье, побрился бы и причесался на пробор, как старший приказчик в лавке. Закончив прихорашиваться, сел бы на шаткий табурет у окошка – ждать, пока за ним приедут из дворца королевские гвардейцы и заберут любоваться парадом с трибуны для почетных гостей. Он опять отправил бы Найза и его друзей на площадь занимать самые лучшие места, поближе к ограждению, чтобы посмотреть всё, с начала до конца, до самой последней глупой и восхитительной мелочи, и наказал бы глядеть в оба, чтобы не пропустить, как он будет махать ему шляпой из ложи. И, как обычно, расстроенный Найз, так и не приметив заветного сигнала с раззолоченных подмостков, с горчинкой в праздничном настроении побежал бы домой, в слободу. Но как бы рано он ни вернулся, дядю Лимбу, как всегда, заботливые королевские гвардейцы привезли бы с парада первым, и он, веселый и пьяный, как год, как пять лет назад, гонялся бы на костылях за соседскими курами по пыльной улице, а при виде племянника начал бы упрекать, зачем тот не помахал ему в ответ...

Только торжество через два дня будет, а дяди Лимбы...

* * *

Зажимая в потном кулаке два медяка, выданные матерью на лекарство, Найз мчался по обжигающему булыжнику мостовой, по улицам, выцветшим под

белым эрегорским солнцем, мимо сливавшихся в одну слепую ленту белесых домов – к захудалой аптеке за Ласточкиным мостом, на другой конец города. Конечно, в Рэйтаде были аптеки и ближе, и новее, и аккуратнее, но не было дешевле – так сказал доктор Синни, и это знали все обитатели столицы и окраин. Особенно окраин. Если снадобья были вам не по карману в этой аптеке, они были вам не по карману вообще.

Тщательно оштукатуренные строения незаметно сменились желтыми, сложенными из песчаника, да так и оставленными, открытые лавки – заброшенными, жилые дома – покинутыми. Широкие улицы сначала похудели до переулков, потом рассыпались проездами, проходными дворами и тупиками...

Ласточкина Горка.

А вот, наконец, и она – заветная аптека с покосившейся выцветшей вывеской, изображавшей косоглазого лекаря с огромной бутылкой без этикетки в одной руке, и с большим скальпелем или с маленьким ножом мясника – в другой.

- Мне... это... лекарство... вот... тут написано... - задыхаясь и кашляя уличной пылью, прохрипел он с самого порога румяному толстяку за стойкой, больше похожему на кабатчика, чем на фармацевта, и шлепнул на покрытую лаком поверхность кусок пергамента с непонятными словами на древнем языке. – На жабьем камне... и обязательно со слезой аксолотля... Доктор Синни так сказал.

- Доктор Синни? – аптекарь оторвался от созерцания пламени спиртовки и рассеянно глянул поверх очков на маленького оборванца. – Доктор Синни – так доктор Синни... Подождешь – через час будет готово.

Наиз облегченно перевел дыхание, губы, сведенные в тонкую напряженную линию, расслабились и дрогнули в слабом подобии улыбки.

- Подожду, обязательно.

- Вот и славненько, - кивнул аптекарь, повернулся было к полкам, уставленным всеми видами пробирок, реторт, бутылей, бутылок, бутылочек,

бутыльков и прочих колб самых причудливых и пугающих очертаний и размеров, но, вдруг вспомнив что-то, снова обернулся на клиента и как бы невзначай поинтересовался:

- А деньги-то у тебя есть?

- Да, конечно! – торопливо отозвался парнишка и разжал кулак, с гордостью демонстрируя толстяку обе монеты.

Аптекарь недоуменно нахмурился, перевел взгляд с медяков на их подателя, потом обратно, потом еще раз на мальчика, и медленно и четко, словно говорил с тугодумом, произнес:

- Я имею в виду деньги. Деньги, понимаешь? Такое зелье на одном только жабьем камне стоит две серебряных монеты. Два тигра, понимаешь? А со слезой аксолотля – пять. А у тебя – всего две башни. Этого мало. Понимаешь? Пять тигров надо, мальчик. Пять. Тигров.

- С...сколько?.. – перехватило горло мальчишки. – С...сколько?..

- Пять серебряных монет, бестолковый, - уже гораздо более сурово повторил толстяк. – Чего тут непонятного? Пять. Или две, если нет пяти. За лекарство без слезы, но на камне. А если у тебя и двух не имеется, ступай домой и не мешай мне работать.

- Но... но пожалуйста!.. Дядя Лимба!.. Он умирает!

- Очень жаль, - пожал плечами аптекарь. – Но кроме жабьего камня и слезы аксолотля в эту микстуру входит еще семнадцать компонентов, которые я перечислять тебе не стану, потому что ты все равно не поймешь и не запомнишь... Так вот, обрати внимание: их мне бесплатно никто не дает, мальчик, и если я буду всем за два медяка продавать снадобья, которые мне самому стоили...

Плоско звякнув коровьим колокольчиком под притолокой, дверь аптеки закрылась за Найзом.

* * *

Не разбирая дороги, мальчик брел по раскаленной зноем полупустынной улице сквозь редких прохожих и дрожащее марево, поднимавшееся от готового расплавиться и закипеть булыжника.

Пять тигров – это очень много. Пять тигров – это целое состояние. Даже два тигра – это громадные деньги. А пять тигров... Столько не заработать. Столько не выпросить. Столько не украсть.

Обжигающая волна стыда словно кипятком плеснула ему в лицо, и он сбился с шага, споткнулся и остановился. Фалько никогда бы не стал ни попрошайничать, ни воровать! И тут же другая мысль заставила его упрямо сжать губы и кулаки. Фалько никогда бы не позволил умереть своему другу из-за того, что у него не было каких-то дурацких пяти тигров!

Значит, надо попробовать заработать.

* * *

К четырем часам вечера, когда стало понемногу темнеть, к активу Найза прибавилось десять мозолей, шесть заноз, пять синяков, два ожога и четыре медяка. Сколько еще оставалось хотя бы до двух тигров – думать отчаянно не хотелось: головная боль была хоть и всего одна, но зато огромная, пульсирующая и отупляющая. День тяжелой работы с непокрытой головой под палящим солнцем не прошел даром.

Едва переступая ногами, натертыми и обожженными о булыжники, горячие, как свежеиспеченные кирпичи, Найз доплелся до знакомой аптеки.

Хозяин оторвался от созерцания пламени горелки и устремил на вошедшего сладкий подбострастный взгляд, при виде мальчика моментально сменившийся разочарованием и неприязнью.

- Деньги принес? – чтобы покончить с назойливым клиентом, сразу выпалил он.

- Да... То есть, у меня только шесть башен... Но я хочу сказать, что я заработаю и принесу потом, честное слово, принесу! Я буду искать работу каждый день, с утра до ночи, я ведь сегодня нашел, я доски разгружал, и картошку в кабаке чистил, я распла...

- Пошел вон!!! - свирепо рявкнул толстяк, грохнув кулаками по стойке, и мальчик от неожиданности подпрыгнул и прикусил язык. – Ты своей рваниной и грязью мне всех покупателей распугиваешь! Убирайся, и без денег больше не показывайся! Я нищим не подаю!

Ах, так! Нищим! Вот как!..

Фалько бы сейчас выволок этого зарвавшегося хама из-за стойки и проучил его так, что тот до конца жизни обращался бы к последнему попрошайке только на «вы» и снимал при этом шляпу!

Найз же лишь молча развернулся, вышел в вечернюю липкую жару, опустился на обжигающие ступеньки крыльца и уронил голову на колени. Идти куда-либо у него больше не было ни сил, ни желания. Если за целый день каторжной работы можно было получить только четыре башни и ни медяком больше, с этим ничего не смог бы поделаться даже сам Фалько...

* * *

- Эй, малый! – донесся нетерпеливый оклик откуда-то свыше.

Найз сконфуженно поднял голову, ожидая увидеть то ли небесных посланников Святого Радетеля, то ли великана, но вместо этого перед его глазами предстал роскошно одетый по чужеземной моде дворянин лет тридцати с замысловато подстриженной черной бородкой, короткими щегольскими усиками и холодными голубыми глазами. Восседал он с видом небожителя на тонконогом

гнедом жеребце с короткой лоснящейся шерстью. Затерявшись в невеселых размышлениях, Найз, должно быть, не услышал стука копыт. Но и иностранец чувствовал себя в Ласточкиной Горке неуютно.

Прежде, чем спешиться, он оглянулся пару раз – через плечо и полностью повернув коня – будто готовый при первом же признаке неведомой опасности пришпорить своего скакуна и унести, сломя голову, к ближайшей границе. Загороженные ставнями окна заброшенных домов напротив аптеки и заколоченные двери соседних лавок удостоились его самого пристального внимания. Трое прохожих нервно шарахнулись и перешли на другую сторону улицы под его сверлящим взглядом. Пегая трехногая собака, не спеша ковылявшая по своим делам, только глянув на него, поджала хвост и ускорила шаг.

Больше никого и ничего вокруг не было.

- Вроде, всё спокойно... - оставшись довольным результатом осмотра, пробормотал фронт едва слышно себе под нос и снова воззрился на Найза. – Подержи коня, оборванец, пока я зайду в эту аптеку по делу.

- Пять тигров, - даже не успев изумиться собственному нахальству, выпалил Найз.

Щеголь походя кивнул – то ли соглашаясь, то ли осматривая носки сапог, в последний раз оглянулся, взбежал по истертым каменным ступенькам и захлопнул за собой дверь.

Поддавшись тревожному настроению иноземца, Найз тоже заозирался, пытаясь угадать, какую угрозу тот ожидал встретить здесь, на улочке настолько сонной и тихой, что сюда не залетали даже мухи. Но, как ни приглядывался, не заметил никого, кроме одинокого прохожего в старой бесформенной шляпе и залатанном легком плаще поверх сутулой спины – по виду то ли приказчика из бедной лавки, то ли обнищавшего мастерового. И тогда, наконец, с восхищением, обожанием и чистой совестью посвятил всё внимание коню. Настоящему такканскому скакуну – сухощавому, выносливому, с маленькой изящной головой

и огромными умными глазами, скакуну, готовому в любую минуту нести своего хозяина хоть на охоту, хоть в битву, хоть в дальний путь.

Такому, какой был у Фалько...

И какой когда-нибудь обязательно будет у него.

* * *

Десять минут спустя дверь аптеки за его спиной распахнулась, и вышел хозяин коня, кутаясь в розовый летний плащ.

- Пожалуйста, ваша светлость, - любезно улыбаясь, Найз протянул ему поводья.

Не удостоив мальчика ни взглядом, ни словом, дворянин перекинул их через голову скакуна и сунул ногу в стремя – мысли его явно были где-то далеко.

- Извините, ваше сиятельство... ваша светлость?.. – мгновение поколебавшись, Найз осторожно взялся за край его плаща.

- Что? – словно впервые заметив, что рядом есть еще кто-то, дворянин остановился и брезгливо уставился на босоногого мальчишку под локтем.

- Вы обещали, если я подержу вашего коня...

- Я обещал? – аристократ удивленно вскинул брови. – Что я обещал?

Чувствуя, как краска стыда заливает ему щеки, мальчик прошептал:

- Пять... тигров...

- Чего?! Отвали, болван!

Отброшенный сильным ударом, Найз кубарем отлетел к стене дома и распластался в вездесущей желтой пыли. Оглушенный, он попытался приподняться, но улица раскачивалась перед глазами, безжалостно роняя его на мостовую снова и снова.

- За что?.. за что?.. что я?..

И тут, как из-под земли, но, скорее всего, из ближайшей подворотни вынырнул тот самый сутулый прохожий в бесформенной шляпе, похожий на приказчика.

- Немедленно извинись перед ребенком, трусливый мерин! – не терпящим возражений тоном повелел он дворянину.

Тот застыл с поднятой в стремя ногой, словно не веря ни глазам, ни ушам, и всерьез обдумывая, уж не галлюцинация ли это перегретого мозга.

- Ну, чего вытаращился? Ежа проглотил? – доброжелательно поинтересовался приказчик и заговорщицки подмигнул Найзу.

И тут благородного хама прорвало.

- Что ты сказал?! Да как ты посмел, скотина?! Как ты меня назвал, крысиное отродье, повтори?!

- Трусливым меринком, - любезно напомнил незнакомец. – С мушиными мозгами и совестью макаки.

- Что?!.. Что?!.. Что?!.. Да я тебе язык отрежу, мерзавец!!! Вместе с твоей тупой вонючей башкой!!! – побелевший от гнева аристократ соскочил с коня и вырвал из ножен меч.

- И что же тебе мешает? – оскалил в издевательской усмешке белые зубы приказчик и, к величайшему изумлению как дворянина, так и сумевшего приподняться Найза, сорвал плащ, и одним текучим движением выхватил меч из заплечных ножен, принятых Найзом за горб.

Нелепая шляпа с обвисшими, как уши спаниеля, полями то ли свалилась, то ли была сброшена с головы приказчика, и участник и единственный зритель назревавшей дуэли впервые увидели загорелое волевое лицо незнакомца, безжалостный прищур зеленых глаз, и старые шрамы, рассекавшие лоб и правую щеку. На вид новому участнику драмы можно было дать не больше сорока пяти.

- Ты?.. Ты?.. Это ты?.. – при виде противника заносчивый дворянин отчего-то побелел еще больше, и рука его с оружием невольно опустилась.

- Да уж не боишься ли ты меня? – насмешливо вскинул брови незнакомец. – Доблестный рыцарь в расцвете лет, герой карательных набегов, гроза дикарей, первый фехтовальщик при дворе его величества, так? Или всё врут подхалимы?

- Ты не уйдешь отсюда! – свирепо прорычал дворянин и без предупреждения кинулся на врага.

Что произошло дальше, Найз понять не успел: брызнули в лучах заходящего солнца клинки, зазвенела сталь, метнулись навстречу друг другу фигуры бойцов... И совершенно неожиданно одна из них отчего-то застыла на месте, накренилась, сложилась пополам, кулем повалилась на мостовую и осталась лежать.

Мальчик вздрогнул и сжался, дурное предчувствие охватило его и залило ледяной ртутью желудок...

- Честно говоря, я ожидал от тебя большего, - разочарованно произнес оставшийся в живых противник, вытирая клинок о плащ того, кому он больше не понадобится, и Найз глупо захихикал от радости.

Горячие булжники поливал горячей кровью голубоглазый дворянин.

Покончив с эпитафией, незнакомец встал перед усопшим на одно колено, расстегнул камзол на его груди, пошарил и выудил маленький синий флакончик на шнурке. Вытянув пробку, он осторожно поднес пузырек к лицу и помахал ладонью, подгоняя к носу волны запаха, поднимавшиеся из узкого горлышка. Мальчик не понял, огорчил или утешил его результат, потому что зеленоглазый сначала поморщился, потом удовлетворенно кивнул и снова закрыл сосуд.

- Хм... так и думал... - пробормотал он, оборвал шнурок и спрятал флакон в карман.

Найз уже стоял за плечом незнакомца и с боязливым недоверием разглядывал распростершегося на дороге аристократа, такого самоуверенного и надменного еще несколько минут назад.

- Он... этот дворянин... совсем?.. В смысле, вы... вы его?..

- Похоже, да, - равнодушно отозвался незнакомец и снова засунул руку за отворот камзол своего противника. – Но главное, малый, что сейчас он наконец-то сможет с тобой расплатиться. Где-то тут он любил прятать кошелек... боялся воров... Ага. Вот. Держи, и ни в чем себе не отказывай.

Но кошель убитого не принес Найзу ничего, кроме огорчения.

- Он пустой! – вытряхнул он на ладонь два золотых кольца с большими красными прозрачными камнями и похожую брошь.

- Наверное, отдал всё за зелье, - предположил больше для себя, чем для обиженного слушателя незнакомец и одобрительно глянул на Найза. – Правильно. Связываться с продажей украшений или коня не советую: слишком легко отследить. Что в вашем благословенном городе делают с мальчишками, ворующими коней, или убивающими приезжих герцогов ради их драгоценностей?

Мальчик в ужасе подскочил.

- Но это ведь не я его!.. Это...

- Верно, это я, но кому будет охота возиться и доказывать? Есть краденое, есть продавец... Тут и сказочке конец. Поэтому отдай камни мне. И с рук перстни надо снять.

- Так вы... грабитель? – удивленно вытаращил глаза мальчик.

Незнакомец хохотнул:

- Берегись, иногда я могу быть очень обидчивым! Палкой в глаз! Принять меня за вульгарного любителя легкой поживы! Никогда еще в глазах окружающих я не падал так низко, малый!.. Нет. Я прихвачу их с собой и выброшу в реку с вашего замечательного моста. Пусть остальные думают, что его убили из-за побрякушек. Тем более что, в каком-то смысле, это действительно так.

- А зачем же тогда вы его... по-настоящему... убили? – Найз смог, в конце концов, выговорить холодное колючее слово.

- Много будешь знать – вечно будешь спать, - отшутился зеленоглазый, сноровисто скручивая с большого пальца дворянина последнее кольцо – в форме

головы тигра с оскаленной пастью, вырезанное из цельного желто-оранжевого камня с косыми черными полосами.

- Он – ваш враг? – не унимался мальчишка.

Зеленоглазый проигнорировал вопрос, спрятал трофейные драгоценности, и извлек из кармана поношенных холщовых штанов свой кошелек.

- Ну что ж, - пожал он плечами. – Если бедный самонадеянный Танар с тобой так и не пожелал рассчитаться, то это сделаю я.

- Но вы-то мне ничего не должны!

- Да как это не должен? – усмехнулся незнакомец. – Ты дал мне хороший повод, самый лучший лет за семь, как минимум, а это чего-нибудь да стоит. За сколько вы с ним сговаривались?

- Пять тигров, - со стыдом мальчик вдруг осознал, что за последние несколько минут напрочь забыл и про дядю Лимбу, и про не купленное лекарство, и про бездушного аптекаря...

- Ско-олько?!.. – с веселым изумлением вытаращил глаза незнакомец. – Ну у тебя и расценочки, малый! Зачем тебе такая груда денег? Будешь давать в рост?

- Нет, вы меня не так поняли... Я не такой... Я вовсе не жадный... Просто мне очень надо... – Найз смутился, густо покраснел и стал сбивчиво оправдываться перед зеленоглазым. – Мне нужно снадобье заказать... для дяди... для моего дяди! Он сильно болен!

- Ну, раз для дяди, - незнакомец насмешливо хмыкнул, будто не поверил ни единому его слову, и принялся развязывать кошелек. – Эх, провались земля и небо!.. На, держи свои пять серебряных, да поспеши – аптекари тоже люди и спать хотят.

Дважды повторять этот совет Найзу было не нужно – не успел зеленоглазый договорить, как мальчик уже вскочил на ноги и скрылся в дверях аптеки.

Ее хозяин, как предсказал незнакомец, впервые за весь день и впрямь демонстрировал человеческие черты. Зевая во весь рот, он гасил пламя горелки, и при виде третьего явления Найза едва не подавился собственным языком.

- Это опять ты?! – возмущенно упер он руки в бока. – Ты что – тупой?! Не понял, что я тебе...

- Я деньги принес. Все. Пять тигров, - сурово проговорил мальчик и столбиком выложил серебряные монеты перед носом толстяка. – Лекарство должно быть готово через час.

- Тигров? – переспросил аптекарь, подхватил верхнюю монету двумя пальцами, поднес к лампе и принялся вертеть ее так и сяк. – Это не тигры, парень, а какая-то гелтанская денга... но серебро настоящее, не волнуйся. Я такие сегодня уже видел. С этого и надо было начинать. А сейчас иди, погуляй. Через час будет готово.

* * *

За окошком уже почти стемнело, и Найз зажег светильник, неказистый и дышавший на ладан, как и вся немудрящая обстановка, сам дом и его хозяин.

Снадобье помогло, и старик спокойно лежал теперь на небрежно расправленной кровати, дыша хоть и слабо, но ровно.

- Спасибо тебе... малый... - прошептал он, не открывая глаз и не поворачивая головы.

- Я думал, вы спите, дядя Лимба.

- Нет... успею скоро... выплюсь... Не жилец я на этом свете, парень... Заждался меня Святой Радетель... Или Долдык, что скорее... Почитай, двадцать лет уж как ждут...

- Да что вы, дядя Лимба! С таким-то лекарством вы еще послезавтра на парад съездите! И на следующий! И еще! Я вас сам в карету посажу, и провожу

до площади, если вы боитесь, что голова закружится! И если меня гвардейцы внутрь пустят...

- Съезжу... - горько усмехнулся старик. – Съезжу... Прости меня, Найз... Прости старого обманщика... напоследок...

- Обманщика?..

- Да... Ведь не был я ни на каком параде... никогда... И из дворца за мной... ни разу... не приезжали... никакие гвардейцы... Кому я там нужен... Там на руках носят только тех, кто выжил... по праву... тогда... чьи имена... на стене...

Старик отвернулся к окошку, умолк и замер, будто, наконец, и впрямь заснул.

Найз после минуты потрясенного молчания потер виски, мотнул головой, будто отгоняя страшный морок, натужно сглотнул, откашлялся пересохшим вдруг горлом и тихо, еще тише, чем говорил до этого Лимба, прошептал:

- Значит... вы никогда... не были... там?.. И Фалько не знали? И всё, что рассказывали... это...

Голова Лимбы повернулась к мальчику, словно ее дернули за невидимую нить, глаза распахнулись, и старая боль брызнула из них в пропитанную дешевым вином, снадобьями и нищетой комнатушку.

- Нет!!!.. Это всё правда!.. Клянусь тебе!.. Ты должен мне верить... в этом... Только это и есть правда, Найз... И я хотел сказать... что я... не должен был выжить тогда... что это несправедливо... что я жив... а он – нет...

- Но вы ведь в этом не виноваты! Ведь там же был бой, дядя Лимба, настоящая резня! - охваченный головокружительным облегчением, что всё, чем он жил эти пять лет, не было ложью, мальчик яростно принялся защищать старика от него самого. – А в бою невозможно...

- Это я виноват... я... только я... - словно не слыша племянника, больной упрямо продолжал шевелить пересохшими губами. – Если бы ты знал... Найз...

Фалько... был человеком... каких рождается один на миллион... раз в сто лет... благородный... добрый... верный... отважный... честный... справедливый... с огромной и чистой душой... Если он твой друг... он умрет за тебя... всё отдаст... Он рядом... и ты чувствуешь... с тобой ничего не может случиться... как за каменной стеной... А если бы не я... Найз... если бы не я, может... он был бы жив...

- Но при чем тут вы, дядя Лимба?! Их же было восемь тысяч, а вас...
Постойте, это ведь не вы его убили?! – встревожился мальчишка.

- Нет... что ты... с ума сошел... Я бы скорее себя убил... Но я виноват... Я никогда и никому об этом не рассказывал... но теперь... уже всё равно скоро... будет... Я признаться должен... рассказать тебе... хоть кому-то... не могут так жить... и умереть...

- Вы бредите, у вас, наверное, снова жар поднялся, я сейчас полотенце водичкой холодненькой намочу и на лоб приложу, погодите... - мальчик попытался увести его от мучительной темы и потянулся встать, чтобы выйти во двор, но старик с неожиданной силой и ловкостью ухватил его за запястье и усадил обратно.

- Палкой в глаз, Найз!.. Выслушай... потом побежишь!.. Прошу тебя... ты должен... должен выслушать меня... Я всё расскажу... если кто и должен это знать... так это ты...

В душной комнате повисла тяжелая неловкая тишина, и старик, сбиваясь и кашляя, начал исповедь.

- В ту ночь в замке было жарко... Никто не думал, что выйдет из той мясорубки живым... Но, видать, раз в сто лет и монета подброшенная на ребро становится... Когда гарнизон глаза продрал и понял, что вокруг них творится, они злые стали... набросились на нас, как бешеные... Такое началось... Но Фалько с отрядом в пятьдесят человек ни во что не ввязывался... Они должны были принца до башни довести... живым... закоулками шли... по крышам... через заборы...

Там ведь не замок – маленькая крепость... пока доберешься... Нас Радетель сначала миловал... но потом уж, как к башне приблизились, дальше некуда стало огородами-то пробираться... Отряд там стоял... человек двести... может, больше... может, меньше... темно... да и считать ведь их не будешь... Да про это я тебе уж раз сто рассказывал...

- Но...

- Тихо, не перебивай, мальй... дай сказать... пока могу... Заварушка там пошла – врагу не пожелаешь... Мы ко входу когда пробилась, оставалось нас трое, и принц... Амза... раненый уже был... Он вошел... а мы остались... Третьего-то почти сразу скосили... А Фалько... да я, дурак... держались... Потом меня в грудь да в ногу зараз как ударило... Охнуть не успел... Очнулся – словно Долдык меня заживо в корыте изрубил да посолил... Глаза разлепил – кругом тихо... даже не стонет никто... и светло. Утро наступило... У меня первая мысль: кто победил? А спросить не у кого... И тут вторая мысль: Фалько где? Стал подниматься... от крови скользко... трупы кругом... нога не слушается... вздохнуть не могу – в груди булькает, словно кипятком... Дополз до входа в башню... Где симароновых падальщиков больше навалено – там он должен быть, рассудил... С грехом пополам растащил... тех...

Лимба умолк на несколько тягостных минут, то ли собираясь с мыслями, то ли заново переживая то жуткое солнечное утро в мертвом замке.

- Я его не сразу узнал, Найз... поверишь ли... Кровищи на нем было... не одно ведро, наверное... своя, чужая... кто разберет... Лицо рассечено... лоб... нагрудник изрублен... шлем потерялся... руки... голова... казалось, места нет живого... Дотронулся я до его щеки – хотел кровь стереть... на прощанье на него посмотреть, как есть... и вдруг чувствую – щека теплая! Живой он, сердешный! Живой!!!.. И вот тут я испугался... По-настоящему... Думаю, если колдунов верх вышел, то ведь лучше бы нас с ним вчера прикончили... Это только сейчас вокруг тихо... а ежели появится он с минуты на минуту?.. Ну тут у меня словно второе

рождение приключилось... Подхватил я его подмышки... и потащил... Сам не знал, куда – лишь бы оттуда... Как вынес я его из замка – не помню... всё как во сне кошмарном... сам падаю... его роняю... снова встаю... тащу... Нога подламывается... в груди – словно чугун плавят... пыль, жара... перед глазами круги алые да черные мельтешат... в голове пустота звенит... а я тащу... хоть не вижу ничего перед собой... словно помешался... А потом всё пропало вдруг...

Старик снова замолчал, хлебнул теплой безвкусной воды из кружки у кровати и продолжил, глядя слезящимися глазами в потолок, будто разглядывая на нем события двадцатилетней давности:

- В себя когда следующий раз пришел, гляжу – стены вокруг меня бревенчатые, незнакомые... Старуха надо мной склоняется... смотрит так долго... будто первый раз видит... и говорит что-то... а я как младенец лежу, на нее таращусь – не помню, ни кто я, ни где я, ни как попал туда... И опять всё уплыло в темень... Потом, когда снова в память вернулся, узнал, что так едва не с месяц пролежал... У деревенской знахарки с мужем оказался я... вот что... Грудь залечила она мне маленько... Ногу раненую муж ее, костоправ... ну и костолом... когда понадобится... через неделю после того, как меня нашли, отхватил. Чернеть стала, сказали... Да это всё ерунда, Найз, чепуха... Главное спросил я у них – со мной второй был, где он? А они отвечают, что один, мол, я лежал... Прямо на дороге через их лес... дистантах в пяти от замка... Может, говорят, твоего второго раньше кто подобрал, а тебя за покойника принял... вот и оставил... Они-то меня тоже сперва за мертвеца посчитали... только когда карманы обшаривать начали, поняли, что поторопились... Они про то, что второго не было, как сказали... я и обрадовался... Лежу без ноги и улыбаюсь, как дурачок на ярмарке... жив Фалько... живой... выжил... А потом их деревенские из города вернулись... про похороны наших рассказали... про закладку монумента... И что выжившие-то были, да только все не те... Стало быть, Фалько мертвого на дороге люди нашли... подняли... и в город отвезли... А меня бросили... кто я такой...

таких, как я там было... тысячи... всех не соберешь... И вот тогда я понял, что своими руками... сделал то... что Симарон не смог... Если бы я оставил его в замке... его бы свои вовремя подобрали... и спасли...

Лимба продолжал говорить еще что-то, путаясь, сбиваясь, повторяя по нескольку раз одни и те же фразы, но Найз его уже не слышал. Широко распахнутыми невидящими глазами смотрел он в стену, едва осмеливаясь дышать, а в мозгу его ворочалась, расправляла крылья, и стремительно росла и набирала силы одна невозможная еще несколько минут назад крамольная сумасшедшая мысль.

Фалько может быть жив.

Может, это не он похоронен рядом с кронпринцем.

Ведь он не погиб в бою, как считалось до сих пор.

Оруженосец потерял его в лесу.

А это значит...

Что это могло означать – Найз даже подумать боялся, но радостно затрепетавшее сердце, не дожидаясь резолюции осторожных мыслей, уже скакало и заходило от восторга и надежд. Если нашли, подобрали и вылечили Лимбу, то почему никто не мог найти, подобрать и вылечить Фалько?!

Это так легко представить – по лесной дороге едет повозка, человек в ней видит два неподвижных тела, и вдруг одно из них шевельнулось! Он жив! Наверное, его еще можно спасти! И он бережно переносит раненого в телегу и нахлестывает ленивую лошадь, чтобы скорее добраться туда, где истекающему кровью воину окажут помощь!..

Но почему тогда Фалько не объявился, когда выздоровел?

А что, если он умер позже?..

Нет!

Не для того дядя Лимба тащил его пять дистантов, не для того его спасали неизвестные добрые люди, чтобы он после всего этого умер у них на руках!!!

Это было бы хуже всего.

Это было бы неправильно.

Это было бы несправедливо.

Но почему же тогда о нем больше никто и никогда не слышал? Может, ему пришлось покинуть Эрегор и уплыть в дальние края? Или он потерял память? Такое, говорят, бывает, хоть и редко... Или его раненого увезли в другую страну, и он...

- На-айз... А, Найз?.. – вывел его из блаженного ступора ворчливый голос старика.

- Что?.. – сконфуженно встрепенулся мальчик. – Вам что-нибудь надо, дядя Лимба?

- Надо, надо... Ты обещал рассказать... как ты добыл это зелье...

- Добыл?.. – растерянно переспросил парнишка, и события дня моментально обрушились на него жарким водопадом. – Купил в аптеке, как еще...

- Я стар, Найз... Но не настолько, чтобы выжить из ума и не помнить, сколько стоит эликсир на жабьем камне со слезой аксолотля... Ты ограбил герцога? Убил ростовщика? Нашел клад?

Мальчик невольно улыбнулся тому, насколько близка к истине оказалась ироничная догадка его дяди.

- Я не убивал герцога, дядя Лимба. Это сделал другой... незнакомый человек... но у него это ужасно ловко вышло!

- Во что ты опять влип, постреленок? – встревожился старик, но Найз лишь отмахнулся от его страхов:

- Всё вышло, как в какой-нибудь балладе, дядя Лимба! Вот послушайте...

* * *

- ...и тогда этот гелътанец сам дал мне пять тигров, и я побежал к аптекарю. Вот и всё, - Найз закончил свое полное восклицаний, восхищения и превосходных степеней повествование и довольно умолк в ожидании реакции старика.

Лимба молча лежал с закрытыми глазами, будто глубоко задумался или заснул. Предположив второе, мальчик смущенно прикрыл рот рукой, коря себя за эгоизм и невнимание, и осторожно поднялся уходить, как вдруг старый оруженосец повернул голову в его сторону. В свете еле живого огонька коптилки странным блеском сверкнули огромные запавшие глаза.

- Спасибо тебе, парень... За всё, что ты для меня сегодня сделал... спасибо... Тебе и тому гелътанцу... Надеюсь, ты поблагодарил его, увалень?

- Поблагодарил?.. Я?.. – Найз виновато потупился, втянул голову в плечи и густо покраснел до корней волос, потому что такая мысль первый раз пришла в его голову только сейчас, с подсказки дяди. – Н-ну...

Тот всё понял и укоризненно усмехнулся.

- Ну ты и невежа, Найз... Вот Фалько – тот никогда не забывал благодарить... даже последнего золотаря... если было за что... А пять тигров – это не самый пустяковый повод сказать «спасибо»... Лучше сказать на одно «спасибо» больше, чем на одно меньше, говаривал мой отец.

- Но я запомнил его лицо, дядя Лимба! – увидел выход из щекотливой ситуации мальчик. – И если во время парада я увижу его где-нибудь, то обязательно, обязательно поблагодарю! Честное слово!

- Ты его точно запомнил? – с сомнением прищурился старик. – Не спутаешь?

- Да вот, пожалуйста! Сейчас я вам его только так опишу! – азартно воскликнул мальчишка и принялся старательно перечислять, загибая пальцы:

- С виду он старый, ему лет ему сорок, наверное, или даже сорок пять. Смуглый, как эрегорцы – на гелътанца мало похож. И говорит на наш манер, не на гелътанский. Ни усов не носит, ни бороды. А волосы – черные с проседью,

короткие. Назад зачесаны. Глаза у него зеленые. Нос... нос прямой. Но с горбинкой вот здесь. Два шрама на лице. Один наискосок через лоб к правому уху, другой... почти вдоль него... на правой... щеке... На подбородке... на подбородке... ямочка... ямоч...ка... на подбород...ке... ямочка...

- Найз? – забеспокоился старик. – Найз, что с тобой? Что случилось?.. Найз?..

Но Найз не отзывался.

Невидящими глазами смотрел он куда-то внутрь себя, в глубину своих воспоминаний, в далекое детство, когда ему, семилетнему мальчишке, незнакомый тогда одноногий старик, недавно поселившийся в кособокой хибаре напротив их домишки, впервые рассказал о капитане королевской гвардии, принце Амзе и битве в Лесном замке. «Глаза зеленые, как сосновый бор в грозу», - неспешно отвечал оруженосец на вопрос Найза, каков из себя был Фалько, - «нос благородный, с горбинкой. А на подбородке – ямочка». Вспомнил, как потом он, Найз, специально делал на подбородке складку и часами сжимал ее пальцами, а после украдкой гляделся в крошечное круглое зеркальце матери: не появилась ли там ямочка, как у Фалько...

А шрамы... шрамы...

Шрамы!!!

Дядя Лимба ведь только что говорил, что когда он нашел Фалько утром после схватки, у того были рассечены лоб и лицо!!! А у зеленоглазого гелтанца, который, если разобраться, вовсе не похож на гелтанца, были такие же шрамы! А как он уложил этого Танара?! Никто глазом не успел моргнуть! А мечи?! У него же были за спиной два меча, крест-накрест, как носил Фалько и как сделал мне дядя Лимба!.. А что он произнес, когда отдавал мне пять тигров?!

Болван!!!.. Болван и тупой идиот – правильно обозвал меня аптекарь, сто раз правильно!

Он сказал – а я при виде такой кучи серебра рот разинул и забыл – «провались земля и небо»!!! Дядя Лимба не раз ведь говорил, что это любимая присказка рода Фалько – са Камбреа, что она едва ли не их девизом была, и что лишь напыщенные рифмоплеты могут всерьез думать, что в последнее сражение настоящий, а не придуманный ими Фалько шел с дурацким кличем «смерть и слава»!

- Найз, Найз, тебе плохо? Ты заболел?

- А?.. Да?.. Что?.. Я?..

Мальчик вздрогнул, растерянно и несколько разочарованно оглянулся по сторонам и заморгал, словно его разбудили от чудесного волшебного сна.

- Дядя Лимба, - устремил он мечтательно-восторженный взгляд на старика и помимо воли расплылся в широчайшей и счастливейшей улыбке, какая только посещала его чумазое лицо за все тринадцать лет жизни. – У него ведь ямочка... на подбородке. И он сказал «провались земля и небо». Я только сейчас вспомнил.

- Что? – недоуменно уставился на него старик. – Кто?

- Дядя Лимба, вы знаете, где останавливаются высокородные гельтанцы, когда приезжают в Рэйтаду на праздники или по делам?! – мальчик возбужденно вскочил, готовый бежать не только в центр города – на край света!

- Гельтанцы?.. – недоуменно нахмурился старый оруженосец. – При чем тут гельтанцы, Найз?

- Ну так знаете, или нет?!

- Да это всем известно... Герцог Мараф предоставляет им в полное владение один из своих городских дворцов, тот, что на площади Созвездий. У него жена – какая-то там племянница теперешнего гельтанского короля, и поэтому... Да почему ты спрашиваешь-то?

- Дядечка Лимба! - дрожа от нетерпения и радостного предвкушения, Найз склонился над стариком и крепко сжал его плечи, словно хотел передать овладевавшее им все сильнее и сильнее головокружительное ощущение экстаза. –

Лекарство на тумбочке, вот тут! Воду я сейчас подвину! Я вернусь! Не беспокойтесь! Ждите меня! Я обязательно вернусь! И не один!

- погоди, малый, постой!.. – старик приподнялся на локте и попытался удержать взбудораженного мальчишку. – Куда ты среди ночи-то? И кого это ты хочешь привести? К Долдыку криворожему всех! Никого я не хочу вид...

- Я – на площадь Созвездий, во дворец Марафа! И я думаю... Нет, я уверен, что Фалько жив! Сегодня днем я видел его!!!

- Эй, подожди, Найз... Этого... этого не может быть... не может... быть... Найз... он погиб... и я этому вин...

- Может, дядя Лимба, может!!!

- Ты с ума спятил, Найз!

- Это точно он!

- Ты... ошибаешься?..

- Нет, и я разыщу его! Немедленно! Клянусь!

- Но... как ты найдешь... этого... человека? Во дворце Марафа, ночью?.. Когда все спят?.. Там же стража! Тебя схватят!

- Не знаю как, дядя Лимба! Но я всё равно отыщу его! Я чувствую, Фалько жив! И этот гелтанец со шрамами – он!

И не успел старик вымолвить больше ни слова, как за мальчиком захлопнулась дверь, и летящий топот босых ног по настилу двора огласил улицу и растворился во тьме.

* * *

Площадь Созвездий, вторую по величине после площади Героев, найти не составило ни малейшего труда: Найз много раз проходил по ней, возвращаясь с ежегодных парадов Бессмертных.

Определить, который из четырех дворцов, окружавших усеянное фонтанами пространство размером с кавалерийский полигон, принадлежит Марафу, было задачей посложней, но и тут он справился: фасад одного из них был украшен синими, зелеными и белыми полотнищами – цветами гелтанского флага.

Проскользнув мимо патруля к парадному в глубокой тени вдоль стены, мальчик при свете фонаря разглядел на геральдическом щите сине-зелено-белый герб с морским орлом, раскинувшим крылья и выпустившим когти. Догадка оказалась верной: гелтанцы остановились здесь. Оставалась самая малость – проникнуть внутрь и отыскать легендарного и таинственного капитана королевской гвардии, необъяснимо пропавшего двадцать лет тому назад.

Где, как и когда он это совершит, и что будет делать, если это окажется не Фалько, мало заботило мальчишку, готового прыгать и смеяться от переполнявшей радости. Нелогичное, иррациональное, неожиданное предчувствие с каждым шагом перерастало в твердокаменную уверенность, что именно в эту ночь сбудется его мечта, свершится предел желаний, и больше на этом свете нечего будет хотеть...

Заслышав издалека мерные шаги, Найз пересидел патруль в залитом тьмой углу. Но едва тройка поблескивающих кирасами и алебардами усачей завернула за угол, мальчик ловко вскарабкался на ограду, спрыгнул вниз на спружинивший под ногами газон и, отряхнув ладони и смахнув волосы с потного лба, углубился в сад.

Тусклый желтушный свет уличных фонарей скоро остался за его спиной, но Найз был готов и к этой помехе. Из кармана штанов он извлек кресало, огарочек свечи в два пальца, найденный недавно во время рейда по задним дворам зажиточных соседей, и через минуту в руках у него загорелось крошечное неровное пламя.

Сад спал.

Спали, зажмурив лепестки, цветы на клумбах. Забыл журчать и играть струями фонтан. Сонно склонили курчавые головы белые статуи на своих пьедесталах. Устало вытянули кривые ножки и откинули спинки теплые еще скамейки. Принакрывшись пышным балдахином, дремали легкомысленные качели. Дорожки из дивного белого песка, переливчато светящегося даже при слабеньком огоньке его свечи, удовлетворено растянулись и прильнули к нагретым дневным солнцем бордюрам. Причудливо постриженные кусты замерли во тьме, на грани видимости, словно принакрывшись общим одеялом-невидимкой. А где-то невдалеке спал, вздыхая кухнями, огромный, как чудо-юдо из древних мифов, дворец.

А во дворце его ждал Фалько.

Конечно, он и сам еще не знал, что ждет кого-то, и тем более, его, Найза и, вероятнее всего, сейчас он досматривал десятый сон, придавив щекой подушку, но это не имело ровно никакого значения. Потому что сейчас Найз задует почти догоревшую свечу и осторожно, перешагивая и обходя ночные сюрпризы, которые мог затаить разбуженный посреди ночи сад, при свете вспомнившего, наконец-то, о своих обязанностях тонкогубого месяца пойдет ему навстречу.

* * *

Оказался ли герцогский сад больше, чем казалось мальчику, или в почти полной темноте он сбился с прямого курса и стал ходить кругами, но по прошествии десяти минут исполинская туша дворца все еще была не найдена. Мальчик уже несколько раз пожалел, что трофейный огарочек был таким маленьким, что на небе висел колючий равнодушный месяц, а не толстая добрая луна, что раньше ему с друзьями не пришло в голову как-нибудь вечерком забраться в сад Марафа, чтобы исследовать его, а также о десятке похожих

вещей, как вдруг сквозь ветки аккуратно подстриженных кустов слева брызнули капли света.

Может, это уже дворец?

Обрадованный, он нырнул под крону очередного произведения садовничьего искусства, постриженного на этот раз в форме пирамиды, и оказался на клумбе перед высокой беседкой из белого мрамора. Купол ее терялся где-то в ночном небе, а проемы между колоннами загораживали шпалеры, увитые плющом. Ко входу вела дорожка из вездесущего светящегося песка.

Интересно, кому это в такую позднь не спится? А, может, эти полуночники подскажут, где во дворце герцога Марафа искать гельтанскую свиту их короля? Или, если повезет, они знают самого... человека со шрамом и ямочкой на подбородке?.. Самого... Фалько? Надеяться на это, конечно, не стоило, но...

Беззвучно переступая по мягкой прохладной клумбе, Найз подобрался к беседке слева от входа, осторожно раздвинул бархатистые листья плюща и приник к пахнущему полднем и солнцем дереву шпалеры, пытаясь рассмотреть, что происходит внутри.

А внутри шел то ли затянувшийся ужин, то ли ранний завтрак. Посреди беседки, украшенной мраморными бюстами и серебряными подсвечниками у зеркал в простенках, стоял большой круглый стол. На ослепительно-белоснежной скатерти многоцветной россыпью расположились вина, заморские фрукты, экзотические закуски, каким мальчик отродясь не знал и названия, но на голодный желудок произведшие слишком предсказуемый эффект.

Тихонько икнув и сглотив непрошенную слюну, Найз с усилием отвел взгляд от еды и принялся разглядывать тех, кому она была сервирована.

Вокруг стола, с напряженно-постными лицами, с какими приходят на поминки, на которые их не звали, молча сидели шесть человек. Судя по одежде – все гельтанцы. Красивая, но чем-то недовольная дама в черном, смуглый мускулистый парень лет шестнадцати, толстый лысый старик, важный военный в

расшитом золотом зеленом мундире, высокий рыжеволосый офицер с капризно искривленными губами и в мундире попроще и здоровяк в голубом костюме то и дело бросали раздраженно-нетерпеливые взгляды на вход и не обращали ни малейшего внимания на вкусности, наваленные перед ними и буквально кричавшие: «съешь меня!».

Кого бы они ни ждали, здраво рассудил мальчик, это наверняка не он, на вопросы они отвечать явно не настроены, и поэтому не будем задерживаться, все равно не накормят, а потихоньку-полегоньку...

Он хотел уже было опустить плющ и продолжить поиски заблудившегося дворца, как вдруг звук знакомого голоса заставил его радостно вздрогнуть, сердце – счастливо затрепетать, а пальцы – сильнее вцепиться в шпалеру.

- А я уж думал, вы меня не дождетесь...

При виде закутанной в длинный розовый плащ фигуры, внезапно возникшей на пороге из шороха сада и темноты, полуночники приподнялись и вытянули шеи. В отличие от Найза, они голос гостя не узнали.

- Танар? – строго сдвинув густые, изогнутые как два лука, брови, привсталла женщина в черном. – Где ты так долго...

- Это не Танар, – тревожно нахмурился юноша, сидевший рядом с ней, и рука его выразительно легла на рукоять меча.

- Ты кто? – резко поднялся здоровяк в голубом, и кресло за ним отлетело к стене, как игрушечное.

Клинки трех остальных мужчин как по команде прыгнули им в руки, и Фалько, картинно застывшему в проходе, теперь противостояло шестеро недобро сверлящих его враждебными взглядами противников.

- Я думаю, вы сами назовете мое имя, - негромко и почти дружелюбно проговорил он, сделал шаг вперед, смахнул нависший над лицом широкий капюшон и размахистым театральным жестом отбросил плащ на тускло светящуюся в темноте дорожку.

Собравшиеся тихо ахнули.

- Тигр?..

- Долдык и все его мурги!..

- Это негодяй Танар нас...

- О, нет. Смею заверить вас, что решительный, но глупый наследник рода Таманасов тут совсем не причем, - с издевательским сожалением склонил голову Фалько. – Но, кстати, если бы он был жив, то, наверняка, попросил бы передать вам вот это.

И с насмешливым полупоклоном он выудил из кармана штанов уже знакомый Найзу флакончик синего стекла и аккуратно поставил его на край стола.

- Но, поскольку он имел несчастье скоропостижно скончаться сегодня вечером, то этот яд передает вам с наилучшими пожеланиями его величество законный король Гельтании Сенон Третий.

- И... каково его решение?.. – женщина в черном была бледнее окружавшего ее камня.

- Не будьте наивной, графиня, - раздраженно скривился старик. – Что еще может решить этот мерзкий хорек?

Не обращая внимания на комментарии, Фалько продолжил:

- Кроме вашего заказа, его величество попросил передать вам, что если вы употребите содержимое этого пузырька по прямому назначению здесь и сейчас, то замки ваши будут сровнены с землей, а ваши наследники и родственники первой ступени будут лишены всех владений и титулов и отправлены в пожизненное изгнание. Но, естественно, только после дознания, которое установит их полную непричастность к заговору.

- А если нет? – надменно прищурился рыжий офицер.

- Я бы посоветовал вам принять гуманное предложение его величества, - ровно проговорил Фалько с непроницаемым лицом.

- Да будь ты проклят, пес, вместе со своим гнусным хозяином! – зло выкрикнул военный в богатом мундире и, перескочив через стол, ринулся на Фалько – с мечом в одной руке и стилетом в другой. Его порыв словно послужил сигналом к атаке: вслед за генералом на посланника короля с молчаливым остервенением набросились и все остальные заговорщики.

Найз задохнулся страхом и застыл, не зная, бежать ли ему прочь, звать ли на подмогу, или самому прийти Фалько на помощь, чего бы она ни стоила... Но события в беседке развивались стремительней, чем он успевал соображать.

Откуда-то из рукава рубахи Фалько серебристой молнией вылетел нож и впился в горло генерала. Второй нож нашел сердце самого близкого противника – здоровяка в голубом дублете – едва тот взмахнул оружием. Еще миг – и в руках Фалько как по волшебству оказались два меча из заплочных ножен, и сталь зазвенела о сталь.

Будто прикованный, не в силах двинуться с места даже ради спасения собственной души, Найз вцепился побелевшими пальцами в решетку шпалеры, прижался лицом к теплому занозчатому дереву и судорожно вдохнул сводящий с ума воздух, напоенный пролитым вином, раздавленными листьями плюща, отчаянием и смертью.

Зажимая рану в груди, лысый старик осел у ног неподвижно застывшей женщины в черном.

Смуглый юноша, потеряв где-то меч, полз к выходу, оставляя за собой блестящий красный след.

Кривогубый офицер, уже не смахивая заливающую глаза кровь из раны на лбу, отбивался мечом и креслом от двух сверкающих в воздухе как крылья стальной стрекозы клинков – но недолго.

Взмах – и разлетелся на куски его ненадежный щит.

Выпад – и разрубленная золотая цепь соскользнула на усеянный остатками ужина пол...

Хозяин ее рухнул рядом.

Не удостаивая более поверженного противника вниманием, Фалько повернулся в поисках остальных.

Четверо лежали молча и неподвижно. Женщина в черном, зажав рот обеими руками, прижалась спиной к колонне и с тихим ужасом скользила взглядом по развернувшемуся перед ней побоищу. Юноша уже почти добрался до порога.

Фалько поднял с пола край растоптанной скатерти, вытер об него клинки, неспешно вернул их на место и устремил на беглеца холодный взгляд.

- Э-э, герцог Райн, так не пойдет, - покачал он головой, в несколько шагов пересек разгромленную беседку и преградил ему дорогу. – Вы хотите покинуть этот гостеприимный шатер и отправиться по своим делам, а я вам этого не могу позволить.

- П-прошу... - парень остановился, завалился на бок, поднял голову и устремил на своего палача мутный от боли и ужаса взор. – П-пожалуйста... Услугу... П-прошу...

Найз не мог видеть лица Фалько, но ясно заметил руку с перстнем в виде черно-оранжевой головы тигра, привычно скользнувшую к засапожному ножу.

- Единственная услуга, которую я могу вам оказать, ваша светлость...

- *Фалько, нет!!!..*

Выкрикнул или всего лишь беззвучно просипел внезапно севшим голосом Найз – было поздно: молодой герцог забился, хрипя перерезанным горлом.

Оставалась женщина.

Не глядя на нее, Фалько откопал в грудах битого стекла, ломаной мебели и раздавленных фруктов невредимый синий флакон, отыскал чудом уцелевший, лишь слегка помятый, кубок и нераспечатанную бутылку вина. Крошечная пробка выскочила из пузырька с почти беззвучным хлопком: по сравнению с ним винная наделала шум, подобный праздничному фейерверку. С тихим бульканьем вино полилось в кубок.

- Ваша светлость, - мягко выбирая путь среди обломков, словно огромная хищная кошка, Фалько подошел к герцогине, на ее глазах вылил содержимое флакончика в кубок и протянул ей. – Вы ведь тоже ждете от меня услуги?

Герцогиня словно очнулась ото сна.

- Всё кончено. Они мертвы, - дрожащим голосом проговорила она и впилась умоляющим взглядом в лицо со шрамами. – Дай мне уйти, Тигр. Прошу. Нет, не прошу – умоляю тебя. Дай мне уйти. Я не виновата. Ни в чем. Я не хотела. Это они. Они втянули меня хитростью – наш самовлюбленный честолюбивый Танар и этот мелочный генерал... Они низко использовали меня, связи моего рода, мое имя!.. Позволь мне бежать, и я клянусь, что забуду его до конца своих дней. Я сегодня же оставлю эту страну. Я навсегда покину континент. Я не вернусь никогда! Отпусти меня, пожалуйста... Я исчезну, растворюсь, растаю без следа на другом берегу океана... Помогите мне, Тигр. Ты должен. Вспомни, ведь ты когда-то любил меня... и был готов на всё... Мы могли бы убежать вместе!

- Извините, ваше сиятельство, не получится. Нога, сломанная по вашему приказу пять лет назад влюбленному гладиатору, еще дает о себе знать.

Герцогиня смутилась, на мгновение позабыв и отвратительную резню вокруг, и собственную обреченность.

- Д-да... но тогда ты был беглым рабом, мятежником, чужеземцем, вчерашним гребцом с галеры, ты начинал у нас в качестве мишени для наших гладиаторов, и позже на арене ты единственный сражался не за признание и почести, как наши славные гелланские бойцы, а за деньги...

- То есть, стоял на ступени чуть ниже тех бедных зверюшек, против которых мне иногда приходилось биться, - любезно уточнил Фалько.

- Да... В смысле, нет... Это было давно, Тигр. Так давно... А я тогда была молода, легкомысленна, и моя семья, мой род...

- Не унижайте себя раскаянием, которого не чувствуете, ваша светлость, - сухо прервал ее оправдания Фалько.

Красавица досадливо прикусила губу, смутилась, не находя слов, чтобы возразить, но ненадолго.

- Хорошо, ты больше не любишь меня, - горделиво вскинула она голову. – Это твоё дело. Но я знаю, ты презираешь Сенона так же, как и мы, не скрывай этого! И, тем не менее, ты стал разящим кинжалом в его скрюченной подагрической ручке, его цепным псом, циничным наемным убийцей!

- Я бы назвал мою должность «последний довод короля».

- Но он – негодяй и подлец! Хромой садист! Полное ничтожество! Он бросил тебе этот чин – гардекор-майор, старший телохранитель, как собаке подачку со стола, и теперь ты счастлив махать перед ним хвостом и ходить на задних лапках, выполняя его капризы – капризы маньяка! Мальчишка Райн, которого ты походя прирезал, как барана, был бы лучшим правителем! Зачем ему служишь ты, который...

- Он отлично платит.

- Платит?.. Платит?.. Но я тоже могу отдать тебе всё... всё, что ты пожелаешь... Вот перстни, бриллиантовое кольцо, серьги, браслеты...

- Сожалею, но ваш широкий жест на самом деле ничего не стоит, ваша светлость. Всё это я могу снять с вашего трупа, - галантно склонил голову набок Фалько. – Мое же предложение гораздо более щедрое. Хотя, если быть точным, у меня их даже два.

И он одной рукой протянул герцогине кубок.

Во второй у него был окровавленный нож.

- Вам выбирать. Но помните: решение короля Сенона еще в силе. Подумайте если не о братьях, то о сестре и племянниках.

- Но... ты ведь не посмеешь тронуть меня... – с растерянностью и ужасом женщина отшатнулась. – Ты не имеешь права... Ты не можешь...

- На что поспорим, милая? - Фалько осторожно, почти нежно приложил лезвие к шее герцогини и улыбнулся.

Похожие гримасы безответственные гробовщики изображали на лицах своих клиентов месячной давности.

- Фалько, нет... - беззвучно, занемевшими вдруг губами прошептал Найз вслед за женщиной в черном. – Нет, Фалько, прошу тебя, пожалуйста, нет, ты не имеешь права, ты не можешь...

- Так жри вас Долдык сырыми, подонок!!! Тебя и твоего выродка Сенона!!! – отбросив манеры, ухищрения и кокетство, бешено выплюнула проклятие женщина, вырвала у Фалько кубок с ядом и несколькими крупными захлебывающимися глотками осушила до дна.

Что было дальше, Найз смотреть не смог. Словно обезумевший, не разбирая дороги во тьме и слезах, он понесся назад, сокрушая изящные кусты и клумбы, и только чудом не налетая на статуи. Ветки хлестали его по лицу, раздирали одежду и рвали бесчувственную кожу в кровь. Спотыкаясь о бордюры, он падал, разбивая колени и локти, но тут же вскакивал и очертя голову мчался дальше. Даже дворцовая ограда, внезапно возникшая у него на пути, не смогла замедлить его безумного бега. Глухой и слепой ко всему, кроме своего громадного и тяжелого, как мир, горя, Найз перемахнул через решетку прямо на глазах у изумленного патруля и скрылся в густой липкой декабрьской ночи.

Если бы земля разверзлась у него под ногами, или стражник поразил его насмерть своей алебардой, или настал конец света, он не почувствовал бы, и даже не понял бы, что случилось, потому что самое ужасное, что только могло произойти в его короткой неяркой жизни, уже произошло. И смерть по сравнению с этим была бы благословенным избавлением.

«Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет», - иступленно колотилось сердце в горячей груди, готовой разорваться от огромности внезапной, ошеломляющей, опустошающей потери.

«Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет».

«Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет».

«Нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет».

Нет.

Нет.

Нет.

И не было больше ни слов, ни мыслей, ни чувств, кроме этого пульсирующего, рвущей горячей болью слова, потому что если бы хоть на мгновение отвлекся он от тупого отрицания очевидного, то, наверное, сошел бы с ума, или умер, или разревелся бы, как последняя девчонка...

Нет.

Нет.

Нет.

Фалько никогда не плакал.

Фалько не позволил бы себе...

Фалько!!!..

Мучительный стон вырвался сквозь зубы мальчишки – словно раскаленное железо приложили к ране, и живые, брызжущие болью и кровью образы снова вспыхнули в воспаленной памяти.

...женщина в черном, с полубезумными глазами, зажав рот руками, прижалась спиной к колонне...

...юный Райн, неуклюже ползущий к выходу...

...Фалько, блестящий, превосходный, безупречный Фалько, насмешливо преграждающий путь беспомощному герцогу, едва старше его, Найза...

...сбивчивая мольба Райна...

...сильные, уверенные пальцы, плавно сомкнувшиеся на рукоятке ножа...

...украденное с руки мертвого Танара кольцо...

...кровь, хлещущая из перерезанного горла мальчишки-герцога и заливающая белый мраморный пол ...

...и снова юный Райн, неуклюже ползущий к выходу...

...кровь, заливающая белый пол ...

...окровавленный нож, медленно царапающий белое горло герцогини...

...ворованное кольцо, покрытое кровью Райна...

...женщина в черном с полубезумными глазами...

...мальчишка-герцог...

...кольцо...

...нет...

...нет...

...нет...

НЕТ!!!!!!

Этого не может быть.

Этого не может быть.

Этого просто не может быть!!!..

Не верю.

Фалько никогда бы, ни за что, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае...

Ведь это был Фалько?

Всем сердцем, всем существом своим Найз жаждал, чтобы вдруг случилось чудо, и оказалось, что наглый вор, безжалостный убийца, циничный гардекор, продающий душу свою и меч жестокому правителю, был вовсе не Фалько, не его герой, кумир, идол, за которого он был готов идти в огонь, и в воду, встречей с которым он жил и дышал эти трижды проклятые два часа.

Да если бы у него был миллион жизней, он бы отдал за Фалько их все, сразу и не задумываясь! Ради него он был счастлив пойти на любые испытания, пожертвовать всем, отринуть все блага мира, с радостной улыбкой вытерпеть какие угодно муки!..

Но только не эти.

«...Фалько был человеком, каких рождается один на миллион...»

«...дай мне уйти, Тигр... Прошу...»

«...раз в сто лет...»

«...нет, не прошу – умоляю тебя...»

«...благородный, добрый, верный, отважный...»

«...дай мне уйти... Я не виновата... Ни в чем...»

«...честный, справедливый...»

«...п-прошу... П-пожалуйста... Услугу... П-прошу...»

«...с огромной, чистой душой...»

«...ты стал кинжалом в его скрюченной подагрической ручке...»

«...если он твой друг – он умрет за тебя...»

«...он отлично платит...»

«...он рядом – и ты чувствуешь, что с тобой ничего не может случиться...»

«...единственная услуга, которую я могу тебе оказать, парень...»

«...ты за ним – как за каменной стеной...»

«...на что поспорим, милая ...»

НЕТ!!!..

Задыхаясь от бега и неизбежного, рвущего на части и яростно пожирающего его душу горя, Найз в изнеможении рухнул на землю, не заботясь о том, где он, и не видит ли его кто, уткнулся лицом, мокрым то ли пота, то ли от слез, в горячую сухую траву и застыл.

Фалько, Фалько... Что ты наделал... Как ты можешь так жить... Ты, из всех людей на белом свете! Ты!.. И как жить теперь мне? Ты для меня был всем. Ты – это я... а я – это ты... А теперь... Что же будет теперь со мной? А что я скажу дяде Лимбе?..

При этой мысли сердце Найза в ужасе дернулось и пропустило удар. Подумать только, еще несколько секунд назад он думал, что ничего хуже случиться уже не может!

Зачем я рассказал ему о своих подозрениях, зачем?! Что наделал я?!..

Как легко представить эту сцену...

Вот он заходит в домишко старика. После тьмы на улице свет коптилки кажется ярким, почти ослепительным. Но постепенно глаза привыкают. Разбуженный скрипом разохшихся половиц под ногами, дядя Лимба поворачивается и несколько секунд смотрит перед собой, вспоминая события вечера. Потом осторожно приподнимается на локте, поворачивает худое заросшее лицо к Найзу и, не произнося ни слова, выжидательно смотрит на него, будто оттого, что скажет сейчас он, зависят судьбы всего мира.

А он, Найз, широко улыбается и весело выкладывает: «Дядя Лимба, у меня замечательные новости: Фалько выжил, и живет при дворе гелтанского короля. Чем занимается? Сначала он убивал за деньги на арене, а теперь служит наемным убийцей и грабит трупы. Но, что особенно радует, он отнюдь не растерял своего искусства в обращении с оружием: при мне он перерезал горло раненому шестнадцатилетнему парню, умолявшему его о пощаде, и из мести отравил ни в чем не повинную женщину, хотя вообще-то хотел ее зарезать!»

Что ты наделал, Фалько...

И что наделал я...

* * *

После тьмы на улице свет коптилки кажется ярким, почти ослепительным. Но постепенно глаза привыкли. Разбуженный скрипом разохшихся половиц под ногами, дядя Лимба повернулся и несколько секунд смотрел перед собой, вспоминая события вечера. Потом он осторожно приподнялся на локте, повернул худое заросшее лицо к остановившемуся посреди комнатки Найзу и, не произнося ни слова, устремил на него умоляющий взгляд, будто от того, что скажет сейчас мальчик, зависели судьбы всего мира.

Найз молчал.

Первым сдался Лимба.

- Ну, что?.. – осипшим от волнения голосом прошептал он. – Ты... был во дворце?

- Да, был, - кивнул Найз.

- И... ты нашел того... со шрамами?.. Это... Фалько?

- Да. Я нашел его. И нет, это не Фалько. Фалько погиб смертью героя. Двадцать лет назад.

* * *

Найз выскочил из хибарки дяди Лимбы на улицу. Щеки его пылали, а глаза щипало от слез, спешно вытертых грязными кулаками. Мягкий воздух ночи, чуть приправленный бризом с залива, охладил разгоряченное лицо, проник в легкие, ударил в голову, как дешевая брага, и мальчик без сил опустился у забора, словно дневная усталость и ночная трагедия разом рухнули ему на плечи, придавливая к земле, лишая воли жить и дышать.

- ...Эй, ты чего, спишь, что ли? – недоуменный голос Аника, его друга, сына соседа-каменщика, не сразу прорвался сквозь жалящую круговерть боли.

- Что? – почти беззвучно отозвался Найз, приподнимая голову.

- Я тебя весь вечер ищу, между прочим! Все убежали к Летнему дворцу – на иноземцев смотреть и кастеляну помогать! Где ты был?!

- Я...

Но рыжий мальчишка, не дожидаясь ответа, уже тянул товарища за рукав:

- Бежим скорей! Напрямки еще успеем! В дворцовом парке работники всю ночь нужны будут – хоть что-то заплатят, и то вперед! Да вставай же ты, чего расселся, как старая курица!

- Не пойду я никуда. Уйди, - хмуро дернул плечом Найз.

- Да ты чего, совсем дурак?! – приятель выпустил его рукав и выразительно постучал себе по лбу. – У тебя что, карманы от башен и тигров раздуваются?!..

При слове «тигр» Найз сдавленно охнул, словно в оголенный нерв иглой кольнули, и Аник испуганно смолк.

- Иди сам, - племянник Лимбы хмуро мотнул головой.

- Ты чего, заболел? – встревожился сосед. – Еще тебя не хватало... Мало того, что твой дядька свалился, так еще и ты... Тетка Марика на микстурах вам точно разорится теперь!

Практическая сторона дела заставила Найза закусить губу. Деньги в их маленькой семье лишними никогда не были, если были вообще, а теперь, когда дядя Лимба слег...

«Проклятый слюняй», - обругал он себя сквозь стиснутые зубы. – «Эгоист. Тряпка. Девчонка сопливая. Фалько бы никогда...»

И снова иглой в нерв – только на этот раз раскаленной.

- Фалько может проваливать хоть в свою Гельтанию, хоть к Долдыку на рога! – исступленно выкрикнул он, вскакивая на ноги.

- Ты чего, Фалько?.. – опешил друг.

- Что слышал! – огрызнулся мальчик. – И не называй меня больше этим дурацким именем! Я Найз! Найз меня зовут! Мое имя – Найз! Понял?!

- П-понял... - солгал Аник и тихо качнул головой: – Он точно заболел... или спятил...

- Сам ты – псих! – услышав, яростно прорычал мальчишка и стиснул кулаки. – И вообще, чего ты стоишь?! Время идет! Побежали!

- К-куда? – утвердившись в последнем диагнозе, сосед на всякий случай попятился.

- В Летний дворец, куда еще! У тебя что, деньги лишние? Пошли!..

Постройка Летнего дворца династии Эмерингов – дальних родичей Агравов, вырезанных Симароном, была начата в двадцати дистантах от Рэйтады на следующий год после восшествия Дечебала Первого на престол и закончена три года спустя. Денег новый монарх на удовольствия не жалел, и загородная резиденция стала гордостью молодой династии и первым чудом даже не Эрегора – всего света. Роскошный беломраморный дворец со стрельчатыми окнами и каменным кружевом арок, стройными башенками, золочеными шпилями, пронзающими небо, музыкальными фонтанами, сказочными гротами, прохладными каналами, ажурными мостиками, тенистыми садами, вычурными беседками и Радетель знает, чем еще, моментально превратился в любимое место отдыха монаршего семейства. Важные послы и гостящие правители других держав после официального приема в столице неизменно увозились теперь в Летний и проводили там почти всё время: возвращаться в шумную Рэйтаду, соседку рудников и песчаниковых карьеров, ни высокие гости, ни Эмеринги не спешили.

Вот и сейчас монархи и аристократы соседних и дальних королевств, прибывшие в Эрегор за несколько дней до начала торжества, покончили с протоколом в душной столице и вечером направились в Летний, манящий прохладой и наслаждениями. Кастеляну Радану, распорядителю и организатору высочайших увеселений, в такие дни требовались рабочие руки в тройном, шестерном количестве, и он охотно нанимал для мелких поручений ребятню из почти соседней Песчаной слободы. Чтобы мыть посуду, развешивать гирлянды и фонари, начищать медь, служить курьерами, наводить последние штрихи красоты и ухоженности на клумбы, газоны, рощи и поляны, не требовалось ни знаний, ни силы, а обходился труд песчаных воробьев – как называли их в Рэйтаде – дешево. Если бы не приступ дяди Лимбы, Найз после утренней беготни с приятелями с

ними же отправился бы в Летний наниматься. Но день прошел, пацанва и девчонки – от семи до тринадцати – ушли без него, и лишь один верный Аник остался дожидаться соседа и друга.

* * *

Высокие визитеры и монаршьё семейство добирались до заветных удовольствий Летнего по Королевскому тракту вдоль изогнутой линии залива. Песчаные воробьи, чтобы попасть к месту работы, такой роскошью, как дороги, не пользовались никогда. Быстрее – если и не проще – им было пробежать по пустошам, затем перебраться через заброшенные рудники, миновать пологие, как перевернутые тарелки, холмы – и предстать у задних ворот, где их знали и ждали.

Первая часть пути, через выжженную солнцем пустошь, ночью не казалась такой долгой и томительной, как днем, а звезды и месяц позволяли различить еле заметную тропинку, петлявшую между камней. Полчаса торопливой ходьбы – и темнота впереди сгустилась, загораживая созвездия горизонта: рудники.

- Еще два раза по стольку пройти – и дворец, - оптимистично проговорил Аник, не сбавляя шага.

Ответа не последовало, но мальчика, намолчавшегося за день в одиночестве, это не остановило:

- Где пойдём, Фалько? Поверху или в обход? – оглянулся он.

- Не называя меня так! – тихо, но яростно взорвался Найз. – Я же сказал!!!

- Я думал, ты пошутил... или приснилось чего... - растерянно моргнул Аник. – Ты это серьезно? А что случилось-то?

Поймав в темноте красноречивый взгляд друга, он обиженно выпятил нижнюю губу и отвернулся:

- Ну и не говори... Подумаешь... девчачьи секретки... Очень надо...

- Я... потом тебе всё расскажу. Ладно? – еле слышно выдавил Найз, и сначала подумал, что друг его не расслышал – но к своему облегчению увидел, как рыжая голова чуть наклонилась вперед.

Найз в два шага нагнал его, пристроился рядом, едва не сталкивая с узкой тропы, и забормотал, с трудом подбирая слова:

- Я... ты... Ты сам всё поймешь. Когда расскажу. Если. Не сейчас, конечно, но... Но когда смогу. Попозже. Потом. Когда-нибудь. Обязательно. Наверно. Честно-честно. Только не сердись на меня, хорошо? Если я тебя обидел – прости, пожалуйста. Я не хотел! Но... оно само как-то... и я... Не обращай внимания, ладно? И так на сердце... как свиньи гадили...

На этот раз Аник встретился с ним взглядом, и в округлившись голубых глазах читалось сочувствие:

- Да ладно, чего ты... Бывает. Я подожду. Мне ведь не к спеху. А не хочешь – совсем не говори. Я ж всё понимаю.

«Да ничего ты не понимаешь! Что ты можешь понять!» - снова ударила боль, как ножом, но Найз прикусил рвущиеся с языка слова – жаркие, обидные, горькие – и лишь кивнул. Теперь, когда Аник разрешил ему ничего не говорить – взаправду, не от обиды – он обязательно ему всё расскажет. Но только потом. Попозже. Когда сможет. Как обещал.

И на душе у него стало немного легче.

- Ну, так где идем-то? – сделав вид, что забыл про таинственное происшествие, потрясшее друга, спросил рыжий мальчик.

Найз ненадолго задумался.

- Поверху. Так короче.

* * *

Человека они увидели не сразу.

Сначала Аник, шедший первым по узкой тропинке, услышал впереди стук осыпавшихся камней и остановился, настороженный: кто, кроме них, среди ночи мог бродить по старому руднику? Найз, едва не налетев на товарища, недовольно нахмурился:

- Что т...

- Тс-с-с! – шикнул на него Аник – и вдруг бросился наземь, увлекая за собой друга.

Объяснять, что к чему, было не нужно: тяжелые шаги и рваное дыхание приближались: неизвестный был или очень толст, или тащил что-то тяжелое. Но и толстому неизвестному, и неизвестному тонкому с большой ношей нечего было делать после полуночи в десяти дистантах от города, если он не хотел что-то скрыть. А если хотел, то незванным свидетелям вряд ли был бы рад. Эта простая мысль одновременно пришла мальчишкам в головы, и они, не сговариваясь, прижались к земле и затаились. Конечно, незнакомец мог прогуливаться среди ночи по заброшенному руднику с десятком абсолютно безобидных целей... но вот только назвать хотя бы одну из них друзья не смогли бы даже под страхом смерти.

Налетевший со стороны залива ветерок принес запах теплой пыли, трав, лошадей... и еще чего-то нехорошего, тревожного. Сердце Найза заколотилось, как у пойманной птицы, он задержал дыхание, пытаясь вжаться в камни и отчаянно жалея, что трава чуть выше колена. И тут другая мысль пришла ему в голову, отчего на лбу моментально выступил холодный пот.

А если неизвестный идет прямо на них, а они не видят?

Стараясь не дышать и даже не мигать, Найз осторожно оторвал голову от земли, приподнял, напряженно вслушиваясь... и вздрогнул. Из-за уклона – клозах в пяти от них – из-под земли стала расти жуткая бесформенная фигура. Пару секунд спустя мальчик понял, что это всего лишь взбирающийся по склону человек с громоздкой ношей на плече, но легче от этого не стало. Потому что

ношей этой было ни что иное, как человек другой. Обмякший, неподвижный и безмолвный. И тут же в сердце Найза всколыхнулся новый-старый страх, а все остальные юркнули на задний план и растаяли: человек с трупом шел прямо на них. Еще несколько шагов – и он их заметит, и тогда...

Мальчик почувствовал, как плечо друга, упершееся в его бок, напряглось: наверное, Аник тоже всё видел и понял.

- Бежим? - пискнул рыжий – не громче мышонка.

Найз так спешно, как только смел, повернул к нему голову и прошептал еле слышно:

- На «три»... Ты направо, я налево... встречаемся за...

Человек остановился клозах в трех от них, опустил свою ношу наземь и повернулся в ту сторону, откуда пришел, выглядывая что-то и неторопливо утирая лоб рукавом. Налетевший ветерок набросил на месяц облачко, скрывая мир в неожиданной тьме, Найз зажмурился, приучая глаза ко мраку, а когда открыл, к ужасу своему ощутил, как за шею его ухватила и вжала лицом в землю сильная пятерня. Рядом охнул и рванулся Аник – но, похоже, тоже без результата.

- Ай-яй-яй... И куда только родители смотрят, - насмешливо хмыкнул над ним знакомый до боли – буквально! – голос.

Мальчишка захолодел.

Тигр.

Потому что назвать этого человека «Фалько» он больше не мог даже в мыслях.

Тигр прячет следы преступления.

И моментально всё стало на свои места: и ночные прогулки по руднику, и покойник... Осталось неприкайнным, точно выдворенная из тела душа, лишь одно: что теперь будет с ними?

Хотя особых иллюзий Найз не питал.

Он стиснул зубы, лягнул изо всех сил наугад, рванулся еще, сиюсь вывернуться – и вдруг с неба посыпались звезды...

Когда в голове прояснилось, он почувствовал, что сидит, вытянув ноги и навалившись спиной на кого-то теплого, но костлявого. Связанные руки покоились на коленях. Машинально пошевелив кистями, он ощутил, что веревка чуть подалась. Найз пренебрежительно скривил губу: ослабить такой узел можно за минуту. Какой косорукий неумеха связал его? Аник – и то крепче...

И тут события последних минут вспыхнули в мозгу, как шутиха в ночи.

Это не игра!

Где Тигр?!..

Найз распахнул глаза, звезды на короткий миг снова заплясали на небе – пока их не закрыла темная фигура.

- И отчего этим вечером родители не присмотрели за вами...

Голос гардекора был миролюбив, но тонкий налет безысходного сожаления отозвался морозом по коже. Всё решено, понял Найз. Аник за его спиной – потому что больше некому было обхватить его руками, словно утопающий – спасателя, осознал это тоже.

- Отпустите нас! Пожалуйста! – рванулся он, и в ту же секунду, рассекая тьму, свистнул меч и лег острием на шею мальчишки.

- Не вставай. Я же просил, - с укоризной проговорил Фалько.

Аник судорожно сглотнул и всхлипнул, дрожа:

- Отпустите! Мы никому не расскажем! Никогда! Ни за что! Клянемся Радетелем! Хоть жги нас и пытай! Не скажем! Не видели мы ничего! Чтоб мне наизнанку вывернуться! Чтоб у меня кишки узлом завязались! Чтоб меня...

Найз яростно мотнул головой и почувствовал, что звезды снова закружились у него над головой:

- Прекрати! Не унижайся перед такими... отбросами, - вложив в это слово всё презрение, что копилось последние часы, выплюнул он и попытался встать.

Связанные руки больше мешали, чем помогали, попадая то на камень, то на колючие остатки прошлогоднего ковыля, звезды плыли над головой, чуть раскачивая землю, но мальчик упрямо возился, не сводя глаз с неподвижной фигуры гардекора. Лица его не было видно во тьме – но, может, оно и к лучшему.

- Ну, бей! Ударь меня! Проткни! Или перережь глотку, как тому парню в беседке! – преодолев все препятствия, Найз, наконец, поднялся и вызывающе уставился на Тигра. – Я ни о чем не буду тебя просить, потому что ты – убийца и предатель! Трус! Мясник! Подле...

Легкая пощечина отбросила мальчика на его друга, и оба повалились в сухую траву странно безмолвной кучей-малой.

- Так это ты, - с сожалением покачал головой Фалько, делая шаг к ним. – Парень с больным дядей... А еще ты подсматривал за нами в саду у герцога. Забавно карты тасуются... Расколоть два ореха одним ударом – кажется, так у вас говорят?

- Отпустите... - больше не веря в то, что просил, еле слышно пискнул Аник.

Фалько пожал плечами, и меч в его руке блеснул в скудном лунном свете.

- Простите, ребята, - голос его прозвучал неожиданно глухо и устало. – Мне вправду очень жаль.

- Живодер! - выплюнул Найз, но Тигр, будто не слыша, тихо продолжал:

- Вам не повезло. Если бы дело не касалось безопасности Гельтании, я сделал бы вид, что никого не видел – в обмен на ваше обещание делать такой же вид до конца своих дней. Ну или моих, что почти так же хорошо. Но сейчас вы стали свидетелями того, что должны знать лишь два человека. И эти двое – не вы.

- Мы не расскажем! Почему вы нам не верите?! – жалобно всхлипнул Аник.

- Я не верю никому, и вам бы посоветовал на будущее то же самое... если бы имелся смысл. И будущее, конечно.

Найз вдруг с непереносимой ясностью понял, что умрет сейчас – и не в игре, как умирал десятки раз, а по-настоящему, навсегда. Если бы перехваченное эмоциями горло не отказалось выпустить хотя бы звук, он бы обязательно закричал, позвал на помощь, крикнул Тигру, как он его презирает и ненавидит, и как сожалеет, что тот был его кумиром все эти годы, или просто заплакал... Но голоса не было, сил бежать не было, и единственное, что ему оставалось – молча смотреть в глаза надвигающейся смерти, угрюмо и зло.

- Простите, - медленно и хрипло повторил Фалько, словно в душе воевал с демонами своими. – Проклятье...

Меч свистнул, описывая короткую дугу, рассек рубашку на плече мальчика...

И опустился.

Найз растерянно уставился на прореху, ожидая, что вот-вот покажется кровь и удивляясь, отчего не чувствует боли... Но боли не было. И крови не было. Не было даже царапины.

«Промахнулся? Или пожалел? Но он сам сказал, что не может оставить нас в живых! Как тех, в беседке!»

- Найз?.. – дрожащие пальцы друга вцепились в его плечо. – Найз?.. Ты не помер?..

Мальчик, до конца не веря, что жив, остервенело замотал головой, потом кивнул, потом снова затряс: «Да, не помер» или «Нет, не помер» - как правильно отвечать? Но ответа, кажется, больше не требовалось. Аник, не дожидаясь, вскочил на ноги и умоляюще приложил руки к груди:

- Мы правда никому не скажем, дяденька! Никогда! Клянусь Святым Всемиловитым Раделем, душой и телом, до гроба, навеки и дальше! Найз, клянись! – костлявое колено ткнуло Найза в спину. – Клянись скорее!

Но не успел тот и рта раскрыть, как краешек небосвода на западе неожиданно засветился лимонно-желтым, обрывая невысказанное и приковывая

взгляды. Через пару секунд загадочное сияние пропало так же резко, как и возникло. Гардекор нахмурился, мальчишки удивленно переглянулись – и тут по самому горизонту, еле видные из-за холмов, заскакали бледно-сиреневые сполохи.

- Что это? – Фалько вопросительно прищурился на пацанов.

- Зарницы? Салюты? – неуверенно предположил Аник.

- С-салюты... н-не такие. Яркие. Как з-звезды сыплются. А с-сиреневых зарниц не бывает, - хрипло, словно заговорил впервые за несколько дней, выдохнул Найз, и закашлялся.

- Салюты не такие... - задумчивым эхом повторил гардекор, сжимая и разжимая пальцы на рукояти меча, точно в сомнении – и вдруг преобразился.

Из воплощения нерешительности он превратился в хищника – стремительного, грациозного и уверенного. Отправив меч в ножны, он подбежал к брошенному чуть ранее телу, подхватил его и быстро поволок куда-то во мрак. Через минуту вернулся один, напряженный, как дуга арбалета, и зыркнув на мальчишек, зловеще прорычал:

- Если кто-то в городе проведаст о том, что случилось сегодня ночью – у герцога или здесь, я знаю, кого и где искать!

И не успели друзья сказать ни слова, как он развернулся и бросился прочь.

- Хвала Раделелю Всемилоствому Доброму Всемогущему... Найз... он псих... он настоящий убийца... - оседая на землю, всхлипнул Аник, но тут же встрепенулся: неискоренимое любопытство детства брало верх над пережитым ужасом: – Найз, кто это был? Ты его знаешь? Где ты его... Найз, постой, ты куда?!

- За ним! – бросил на ходу мальчишка, стряхивая с запястий веревки.

- Зачем?! А если он передумает и убьет тебя?!

Но друг его, не отвечая – ибо не мог объяснить даже самому себе, зачем бежал за самым ненавистным человеком на земле – уже несся по еле видной тропинке к воротам рудника.

Когда он догнал гардекора, то увидел карету, запряженную четверкой широкогрудых вороных. Правда, в упряжке их оставалось только трое: на его глазах Тигр вскочил на четвертого, с обрезанными постромками.

- Я с вами!!! – Найз бросился наперерез и, видя, что всадник делает маневр, чтобы объехать его, отчаянно выкрикнул: - Я знаю, как доехать через холмы до Летнего дворца! Мы туда работать бегаем!

Ни говоря ни слова, гардекор ловко наклонился, ухватил мальчика за шкуру, поднял одним рывком и водрузил перед собой.

- Найз!!! Я с тобой!!! – донесся сзади вопль Аника. – Стой!!!

К удивлению Найза, Тигр хмыкнул под нос: «Няньку нашли...» - и повторил трюк с ловлей проводника за воротник – только опустил у себя за спиной.

- Держитесь, за что можете, - коротко приказал он. – Поскачем быстро.

- Но ведь темно! – воскликнул Найз.

Фалько задержался с ответом на несколько секунд, а когда заговорил, голос его изменился – неуловимо, но так, что сердце паренька сжалось в недобром предчувствии.

- Значит, нам повезет, и мы заблудимся или сломаем шеи, - гардекор ударил кобылу пятками в бока. – Пошла, хорошая!..

* * *

Сначала лошадь рысила по еле заметной тропе, которую, как думали песчаные воробьи, кроме них никто не знал. Потом, когда до дворца оставалось совсем немного, рысь замедлилась до шага.

- Куда теперь? – было первыми словами гардекора с тех пор, как они покинули рудник.

Найз судорожно хватанул ртом воздух и засипел в такт лошадиной поступи, изо всех оставшихся сил жалея, что никто ему раньше не сказал всю правду о верховой езде:

- Ле...вее... На... тот... кипарис... держать... Дорога... там... Ворота... дальше...

Фалько молча пришпорил кобылу. Мальчишка охнул, и страдальческим эхом из-за спины гардекора отозвался его друг.

На дорогу, ведущую к задним воротам, они выехали минуты через три и тут же остановились. Лошадь устало склонила голову, тяжело дыша и поводя боками.

- Налево... - просипел мальчик, не зная, сочувствовать ей или радоваться, что не ему одному так плохо от этой поездки.

Гардекор в ответ хмыкнул:

- Приехали, слезайте.

- Но до ворот... еще с полдистанта! – натужно пискнул из-за спины Аник.

- Через ворота ходят господа и рабы, - усмехнулся Фалько. – А войны ночи – через забор.

- Но там же охраны куча! – испугался Найз.

- И это радует, - с неожиданной серьезностью ответил гардекор, бережно ссадил пассажиров и соскочил на землю сам.

Мальчишки, едва оказавшись на твердой поверхности, словно танцоры хорошо отрепетированного балета дружно опустились на землю.

- Кости Радетеля... - простонал Аник, прижимая ладони к пострадавшим местам. – Чтоб я еще сел на это орудие пытки!.. Найз, когда в следующий раз мы будем играть, и ты предложишь мне коня... я тебе отвешу такой пендель... хоть ты и Фалько, а я – Амза...

Тигр и Найз резко обернулись, и под их пронзительными взглядами Аник втянул голову в плечи и прикусил язык.

- Подумать только... В Фалько играют дети, - качая головой, произнес гардекор с таким выражением лица, будто не мог решить, отвратительно это или смешно.

- Он был герой! – задохнувшись от жгучей волны ненависти, прорычал сквозь зубы Найз.

- Он был... - будто не замечая враждебности, начал Фалько, но тут же закончил с кривой усмешкой: – Он был. И этого достаточно. Для всех. А теперь – тс-с-с!

По знаку его руки друзья замерли и прислушались.

Это была далеко не первая их вылазка в Летний во время королевского приема и, как всегда, они ожидали услышать музыку, смех, пение, веселые голоса, грохот фейерверков, кокетливый визг дам, притворявшихся напуганными внезапными громкими звуками и вспышками света... К удивлению их и тревоге из-за ограды сейчас не доносилось ни звука, будто ночь над парком была иная, нежели над всем остальным Эрегором – жирная, жадная, ненасытная, пожравшая все признаки живого, даже птичьи голоса и стрекот цикад, и накрывшая своей отяжелевшей утробой целый дворец – навечно. Внезапно Найз понял, что взрослые подразумевали, говоря «тихий ужас». Именно это. Когда в разгар королевского увеселения тишину нарушал лишь одинокий шелест листвы.

Со стороны парка налетел порыв ветра, и ноздрей их коснулся едва уловимый запах чего-то тошнотворного, будто жгли перья, обвалянные в смоле. Найз, исподтишка не сводивший глаз со своего поверженного кумира, увидел, как лицо Тигра закаменело и стало бледнее лунного света.

«Струсил, струсил, струсил! Кот облезлый! Хвост поджал! Тени испугался!» - с презрением взвыло всё существо мальчика, и неожиданно словно нож в сердце повернули: Фалько – струсил...

И тут же необъяснимо, но с невероятной силой ему захотелось, чтобы из-за забора появилось нечто, разогнавшее королевский праздник, и разорвало

гардекора, или напугало так, чтобы он, спотыкаясь и падая, с воплями побежал в кусты, или заставило броситься на колени, вымаливая пощаду – а уже потом разорвало... Потому что продажный мерзавец Тигр, трус и мародер, занявший место героя, походя укравший его лицо, его привычки, его жизнь, не заслуживал другой участи. Настоящий Фалько пал в той схватке в Лесном замке, изрубленный вражескими мечами. Тот, кто этой ночью убивал беззащитных людей из-за денег и мести, мог быть кем угодно – только не его идеалом, кумиром сотен тысяч эрегорцев. Нет, обожание и восхищение тем Фалько, капитаном Бессмертных, давшим отчаянный бой гвардии Симарона, зная, что обречен, в душе его не угасло ничуть. Но именно поэтому при каждом взгляде на Тигра он заново чувствовал себя брошенным и преданным, и ненависть к нему, человеку, убившему Фалько, вспыхивала с новой силой. А с ней – желание доказать, что подлый гардекор не имел ничего общего с капитаном Бессмертных. Доказать всему миру, Анику, дяде Лимбе, но прежде всего...

- ...себе... Что там... случилось? – пробился сквозь морок обиды и ненависти дрожащий шепот Аника.

- Кажется, праздник отменили, - поморщился Фалько.

Найз сконфуженно моргнул, не понимая, отвлекся ли он на секунду или на несколько минут, и впился неприязненным взглядом в лицо гардекора.

«Страшно, да? Ну, давай, беги отсюда! Просто так беги, что тебе какая-то мелочь под ногами! Хотя ты же любишь пустить пыль в глаза? Значит, соври нам! Наплети чего-нибудь! Сделай вид, что ты герой!»

Гардекор выдохнул, поджимая губы, и глаза его блеснули холодным сосредоточенным светом хищника, выходящего на тропу охоты:

- Мне нужно, чтобы один из вас немедленно скакал в город и нашел капитана королевской гвардии. Второй пойдет со мной в парк проводником. Я отпущу его сразу, как смогу, и буду защищать его... тоже как смогу. Но если вы оба захотите вернуться в Рэйтаду... - Фалько обвел мальчиков серьезным

взглядом, - то будете тысячу раз правы. Более того, я бы советовал вам вернуться. Обоим и прямо сейчас».

«Ага, напугать хочет! Чтобы не видели, как он дожидается гвардейцев, дрожа под кустами! А чего еще ожидать от гелтанского бандита!» - с отвращением скривился Найз и процедил:

- И что мы должны сказать капитану?

- Я знаю... знавал... капитана Дагона, - не отвечая, как показалось друзьям, на вопрос, медленно, будто взвешивая каждое слово, проговорил гардекор. – Он – один из Бессмертных. Кажется, вы их так называете. Скажите ему... Скажите, что из парка Летнего дворца пахнет жжеными перьями и смолой. И что ему нужно спешить.

- Но нас к капитану и близко не подпустят! – жалобно воскликнул Аник. – Кто мы такие! Нас на воротах даже слушать не станут!

- Тогда пострадает много людей, - тихо произнес Фалько.

- Много?.. – побледнел рыжий мальчик.

- Или очень много, - уточнил он и обвел жестким взглядом мальчишек: – Зависит от вас.

- Хорошо, мы найдем! Мы скажем! – пылко закивал Аник. – Мы уже бежим! Скачем, то есть! Мы прорвемся! Найз, ноги в руки, дуем отсюда!

- Значит, оба уходите, – бесстрастно проговорил Фалько, не спрашивая – констатируя факт. – Ну что ж... Садитесь. Так все равно быстрее, чем пешком, и если один свалится, есть, кому поднимать. До рудников возвращайтесь тем же путем, которым ехали сюда. Оттуда до города – лучше по Королевскому тракту. Не останавливайтесь и не разговаривайте ни с кем.

- Помрем, но отыщем капитана! – поклялся Аник с расширенными от возбуждения и страха глазами.

- Да уж постарайтесь лучше не помирать. Бедняга Дагон, увидев перед собой два привидения, такого деру даст – не поймаете, - приглушенно хохотнул гардекор, и физиономия рыжего невольно расплылась в кривобокой улыбке.

Фалько подхватил его, легко, будто куклу, посадил на лошадь, и ободряюще сжал плечо. Аник благодарно кивнул. Следующим был усажен Найз. Наткнувшись на его колючий взгляд сверху вниз, гардекор лишь хмыкнул и шлепнул лошадь по крупу. Та не спеша тронулась с места.

- Радетель в попутчики, - тихо пожелал он по эрегорской традиции, приложив кулак к плечу. – Удачи. И помните, про меня – ни слова. Вы пришли на заработки и увидели, что случилось. Про запах упомяните как бы невзначай, но несколько раз, пока до него не дойдет. Понятно?

- Понятно, - серьезно насупился Аник и, безотчетно подражая Фалько, шепотом скомандовал: - Но, пошла, хорошая!

Кобыла послушно ускорила шаг.

А Фалько, точно моментально забыв про своих гонцов, проверил, как мечи достаются из ножен, пробежался руками по телу, плечам и ногам, будто что-то нащупывая, и мягко ступил на дорогу – как тигр на тропу охоты.

Найз, до последнего исподтишка не сводивший с него взгляда, извернулся, едва не падая и, чувствуя себя обманутым каким-то непонятным способом, возмущенно прошипел:

- А вы это куда?!

- Схожу прогуляться. Когда еще выпадет шанс поглазеть на сборище упившихся в стельку королей и герцогинь, - обернулся Фалько.

Плутовская ухмылка застала мальчика врасплох, палицей ударив под дых, на мгновение выбивая отвращение, досаду, обиды, злость... Не понимая, что делает, а, самое главное, зачем, он не то сполз, не то свалился с лошади и, продираясь напролом через кусты, кинулся к гардекору:

- Я с вами!

* * *

Фалько легко перемахнул через ограду. Его проводник, выдохнув и втянув и без того впалый живот, выбрал участок, свободный от украшений, и принялся протискиваться между прутьями. Преодолев шедевр кузнечного искусства Эрегора, мальчик спрыгнул с каменного фундамента на клумбу и замер: точно в дурном сне, сделав всего один шаг, он очутился не в сонной теплой эрегорской ночи, а в каком-то ее бредовом подобии – удушливом, липком и непроницаемом, как деготь. Он оглянулся в поисках Тигра и увидел, что тот застыл, напряженно вслушиваясь и всматриваясь во мрак. Найз ревниво последовал примеру, и немедленно до слуха его донеслись – или почудились? – отдаленные крики и звон металла о металл. Справа, слева, спереди... Заставая врасплох, за деревьями вспыхнул на долю секунды и пропал лиловый огонь, не успев ни испугать, ни оставить бликов под веками, и тут же налетевший с той стороны ветер бросил в лицо новую порцию смрада – перья, жженые в смоле. Станный запах для королевского празднества...

- Где-то кто-то сражается, – пробормотал он, просто чтобы услышать звук собственного голоса – и едва не подпрыгнул, почувствовав, как на плечо легла тяжелая рука.

- Слушай меня внимательно, Найз, - голос гардекора над его головой прозвучал тихо, но серьезно. – От этого будет зависеть твоя жизнь. И, возможно, моя. Я везде иду первым. Ты – шагах в трех позади. Если дело дойдет до драки – отбеги и спрячься. Защищать одного человека проще, чем двух. Если прикажу – беги и не оглядывайся. Если меня ранят или убьют... или случится что-то еще... постарайся выбраться из парка. Не получится – спрячься и дождись капитана Дагона. И самое главное: говори только шепотом. Чем меньше звуков мы будем издавать – тем лучше.

- Для кого? – насупился Найз, понимая разумность сказанного, но не желая признать из упрямства.

- Для нас, - кратко ответил гардекор и, усмехнувшись, добавил: – И еще. Постарайся забыть о том, что случилось на рудниках. Твой сверлящий взор даже Симарона довел бы до самоубийства, а мне мой рассудок этой ночью еще пригодится.

При упоминании колдуна мальчик нахмурился, пытаясь поймать неуловимую, но близкую догадку, вспомнить что-то, сообразить... Невзначай один из рассказов дяди Лимбы всплыл в памяти, и тут же он ощутил, как в районе желудка зародился и стал подрастать, вымораживая грудь, неровный кусок льда.

- Перья... смола... Магия! Это магия!

Фалько нехотя кивнул:

- Боюсь, ты прав. Сполохи, вспышки, вонь... И еще кое-что. Когда я ехал вдоль берега, видел, как какие-то тени скользили над волнами. Они мне показались игрой лунного света на воде, но если допустить, что причастна магия... Это мог быть корабль, укрытый заклинанием. И не один. Но палкой в глаз и локтем к глотку!.. Кто мог подумать, что маг такой силы ни с того, ни сего свалится нам на головы?! Конечно, вряд ли это сам Симарон выкарабкался из вечной бездны с кипящим льдом, куда отправил его Амза... но, похоже, колдун, поработавший тут, тоже не ученик.

- Но магов... Магов больше нет! По приказу короля убивают всех, у кого обнаружатся хотя бы крошечные способности! И не только в Эрегоре, я слышал! Везде!

- Значит, всё-таки не везде. Как видишь, - возразил гардекор и серьезно глянул на мальчика: - Теперь ты знаешь всё. И если захочешь вернуться...

- Нет! – яростно выплюнул Найз – как вызов Тигру.

Но спорить тот не стал.

- Тогда давай определяться, - он отстегнул плащ и бросил у ограды. Нелепая шляпа полетела следом, обнажая зачесанные назад не по моде коротко стриженные черные волосы с редкой проседью. Рука с небрежным изяществом вытянул меч из заплечных ножен. На среднем пальце в тусклом свете осколка месяца блеснуло оранжево-черное кольцо – тигриная голова, снятое с руки гелтанца, убитого у аптеки.

«Вор», - снова екнуло сердце мальчишки.

Фалько, не обращая внимания на его неприязненный взгляд, деловито выудил кинжал из-за голенища, поправил несколько метательных ножей на своей персоне и обернулся. Белозубая улыбка сверкнула, на мгновение рассеивая тьму и враждебность:

- Мой придворный туалет закончен. Время аудиенции! Сдается мне, фанфары, алый ковер и фрейлины с игристым вином и закусками на золотых подносах нас заждались!

- Скорее, не дождались. Вино стало теплым, как брага, а закуски протухли, - губы Найза невольно растянулись в ответной улыбке, но почти сразу же плотно сжались.

- Придется ограничиться фрейлинами и подносами, я не требовательный, - с шутовской скромностью потупился Фалько, будто не замечая перемены. – И кстати, мы далеко от парадных ворот?

- Парадные дистанта два – два с половиной направо, - мучительно презирая себя за улыбку, процедил Найз. – Потому что от них до задних, говорят, пять дистантов по дороге. А мы до них не доехали.

- А сам дворец?

- Вглубь парка будет. Полдистанта, наверное, от парадных.

Гардекор посерьезнел и кивнул:

- Хорошо. Идем туда.

Как уговаривались, Тигр пошел впереди, неслышно ступая по мягкой траве, вслушиваясь, вглядываясь, а иногда, казалось мальчику, даже впитывая кожей всё, что их окружало. В почти кромешной тьме разглядеть можно было – и то еле-еле – лишь кроны деревьев и горизонт, но гардекор, то спешно, то медленно, всё шел и шел, лишь изредка оглядываясь, чтобы задать вопрос о направлении. Пару раз он неожиданно останавливался – так, что Найз едва не утыкался в его спину, и после что-то обходил нешироким полукругом. На третий раз любопытство мальчика взяло верх над осторожностью, и он, вместо того, чтобы следовать за Тигром, быстро шагнул к обходимому пространству... и споткнулся.

- Палкой в глаз... - ругнулся он, падая на непонятный предмет – и сдавленно ойкнул.

В ноздри ударил железистый запах крови.

Фалько мгновенно обернулся, но не сделал и попытки помочь. Выглянувший из-за тучи осколок месяца осветил его бесстрастное лицо, прогалину в рощице – и неподвижное тело стражника в парадной кирасе королевской гвардии.

- Илис!.. – задохнулся ужасом Найз, и впервые за весь вечер происходящее обрело для него реальность – холодную, жуткую реальность смерти и жизни. Смерти тех, кого знал, и жизни – его. – Он на воротах нас встречал! Улыбался! Он из нашей слободы!..

Дождавшись, пока его проводник поднимется, трясаясь и держа перед собой запачканные кровью руки, словно те стали чужими, Фалько протянул ему носовой платок.

- Теперь твое любопытство удовлетворено? – тихо спросил гардекор, наблюдая, как парнишка исступленно оттирает ладони и пальцы.

- Вы могли мне сказать! – шепотом, сорвавшимся на всхлип, выкрикнул мальчик.

- Я думал, ты догадаешься, - отвернулся Фалько – и застыл.

За кустами послышались шаги, и через несколько секунд ветки затрещали под тяжестью тел, пробивавшегося сквозь них. Найз попятился, растерянный и испуганный – и тут брякнула, поднимаясь, заслонка потайного фонаря. Свет, тусклый, но неожиданно-яркий после ночного мрака, ударил в глаза, слепя. Мальчик отпрянул, вскидывая руки к лицу, потерял равновесие... Падая, он услышал яростный звон стали о сталь.

Перекатившись наугад, он попытался вскочить, наткнулся на что-то, снова упал, метнулся в другую сторону, и вдруг почувствовал, как за плечо ухватила чья-то сильная рука. Он в ужасе рванулся, кое-как разлепляя слезящиеся глаза...

Первым, что он увидел, было встревоженное лицо гардекора, склонившегося над ним.

- Всё в порядке?

Найз кивнул, торопливо поднялся на дрожащие ноги, и взгляд его забегал по поляне, замечая перевернувшийся, но не погасший фонарь, пару мечей на притоптанной траве, Илиса и огромного бородатого воина в зеленой кольчуге на голое тело, уткнувшегося рядом в траву.

- К-кто это?

- Барзоанец, - угрюмо сообщил Фалько.

Мальчик ахнул:

- К-к...что?! Не может быть... Острова Барзоа – в тысячах дистантов от нас! Между нами – два моря! Береговые крепости! Королевский флот! Если бы пираты напали и разгромили их всех, в Рэйтиде уже знали бы! Наверное?..

- Похоже, всё перечисленное находится в добром здравии и порядке, - гардекор задумчиво потер подбородок. – Ставлю на то, что маг провел их

корабли под вуалью невидимости мимо носа у всех. Значит, это их я видел в заливе...

- Но что им тут делать?!

- Захватить это сборище полупьяных королей, конечно. Они такими набегамы живут, и весьма неплохо. Представь только, какой можно получить выкуп за десяток монархов, да еще с женами!

Найз представил. И представил еще раз. И снова.

- Н-наверное... очень... большой?..

- Прибавь к этой цифре еще сто раз по столько же – и на том пока остановимся, - хмыкнул Фалько.

- И короли отдадут эти деньги пиратам?! – поразился Найз.

Гардекор презрительно фыркнул:

- Это лучше, чем профукать их на фаворитов или спустить на турниры, украшения и бега. Барзоанцы купят на них продовольствия в Истаре и Далайне, те потратят их еще на что-нибудь еще полезное, хотя бы на закупки меди или кож в Эрегоре и Гельтании, к примеру... В результате, все получают свои капиталы обратно, да еще с пользой для страны. Забавно, правда?

- Но барзоанцы – грабители и убийцы! – мальчик не увидел – и не хотел видеть – в ситуации ничего забавного.

- Поневоле. На их камнях ничего не растет, кроме корабельного леса и умелых воинов, а на голодный желудок добрым быть сложно.

«Собака с собакой погрызется, а вор вора поймет», - невольно вспомнилась поговорка, и обида снова наполнила сердце Найза:

- Какая разница, по воле или неволе, голодные или сытые?! Они всё равно остаются бандитами! И ведь зачем-то вы же полезли в парк! Зачем, если не хотели ничего...

- Чтобы проверить, всё ли в порядке со стариком Сеноном, - пожал плечами гардекор, словно не мог взять в толк, как такой очевидный факт может

быть кому-то непонятен. – Теперь я знаю, что его жизни ничего не грозит, а значит, можно успокоиться.

- Успокоиться? *Успокоиться?!* – голос Найза зазвенел от возмущения. – Не грозит королям – но зато грозит всем остальным! Что будет с теми, кто не король и не граф, и за кого некому заплатить богатый выкуп?! Что будет с нашими слободскими, с прислугой, с артистами, со стражниками, наконец?!

- Полагаю, что их продадут в рабство, - медленно проговорил Фалько, словно мысли его в единый миг умчались куда-то далеко.

- И вы говорите об этом вот так?! Как будто так и должно быть?!

- Да, а что? – глаза Тигра снова блеснули иронией. – Неплохая школа жизни, рабство. Для тех, кто выживет.

- Но наши не выживут! Самым младшим и восьми нет! Нужно что-то делать! Мы не можем стоять тут!.. – Найз, не находя больше слов для убеждения, яростно взмахнул кулаками.

- Ты сейчас нас обоих имел в виду? – заботливо уточнил гардекор.

Мальчишка сконфузился.

- Нет... я... не себя, конечно... я... только вас...

- И что же, по-твоему, я должен сделать? – Тигр насмешливо приподнял брови.

- Пробраться, найти, где их заперли, освободить...

Гардекор, нарушая свои же правила конспирации, расхохотался:

- Пробраться среди орды пиратов, найти, где держат несколько сотен рабов, и освободить их – совершенно незаметно! Или ты ожидаешь, что заодно я перебею всех барзоанцев? Так, от нечего делать, пока больше нечем заняться. За кого ты меня принимаешь, парень? За полк королевской гвардии?

Горечь, унижение и ненависть, копившиеся в душе мальчишки бесконечно-долгие часы, внезапно и в одно мгновение вскипели, вспыхнули, как проклятый

огонь, сжигая под собой мосты из рассудительности и осторожности, и вырвались в лицо Тигру:

- За Фалько!!! Я принимаю тебя за Фалько, капитана Бессмертных! Хотя настоящий Фалько умер двадцать лет назад, а ты – всего лишь убийца, предатель и мародер с его именем и лицом!

- Что?.. – гардекор задохнулся от изумления.

- Я всё про тебя знаю! Всё! – яростно выкрикивал Найз, словно швыряя камни. – И когда понял, что это ты, побежал тебя искать! Как дурак! Думал, что... думал...

Горло мальчишки перехватило, и он, не в силах вымолвить больше ни слова, с полустоном-полурычанием сжал кулаки и подался вперед, точно готов был наброситься на свое падшее божество, бить его, топтать и убить – за то, что пало.

- Ты меня узнал? Узнал? Какого... Что за... Как... Откуда... Сколько тебе... Кто... - обрывки мыслей и догадок, сталкиваясь и опережая друг друга, беспорядочно срывались с языка Тигра, а по лицу его пробегала одна волна эмоций за другой: потрясение, недоверие, ненависть, подозрение, ярость, и пальцы стискивали рукоять кинжала до судороги, до белизны...

Любой человек в здравом уме сейчас опрометью бросился б прочь, но Найз, точно замороженный, стоял, впившись взглядом в лицо своего недавнего кумира, не в силах двинуться с места.

«Кому сейчас больнее – мне или тебе?..»

Внезапно ему стало жаль Тигра. Когда его в последний раз называли по имени? По настоящему имени, не по кличке, придуманной им или кем-то еще? И почти тут же он осознал без малейшего сомнения, точно кто-то шепнул ему на ухо: двадцать лет назад. Перед тем, как капитан Бессмертных потерял сознание в финальном сражении. После – какая бы судьба ни зашвырнула Фалько из Эрегора в невероятно далекую Гельтанию – он не мог назваться именем героя. Особенно

считавшегося доблестно павшим. Особенно если сам стал рабом или презренным гладиатором. Кто-то на его месте, может, и смог бы, и кричал бы о своем прошлом геройстве на каждом углу, пока кто-нибудь из случайных эрегорцев не услышал бы и не сообщил королю. Или пока назойливого сумасшедшего не забил бы насмерть надсмотрщик или товарищи по несчастью, что скорее.

Кто-то.

Но не Фалько.

Фалько – это имя человека на белом коне во главе отряда Бессмертных, а не замордованного ничтожества с галеры, и уж тем более не ручного убийцы подлого чужого короля.

Фалько не стал бандитом.

Фалько умер.

И снова, как несколько часов назад, горе раскаленным копьем пронзило сердце мальчугана, но на этот раз разрывалось оно от жалости не к себе, а к человеку, скатившемуся из героев в подонки. Человеку, забывшему свое имя.

- Откуда ты меня знаешь?! – сильные руки схватили его за грудки, вырывая из краткого забытья, и рубаха затрещала под натиском. – Говори!

- Дядя рассказывал, - карие глаза, полные боли, встретились с глазами зелеными, пылающими отчаянным гневом.

- Какой еще дядя?! – казалось, еще чуть-чуть, и пальцы Фалько сожмут не ветхую ткань, а горло мальчишки.

- Лимба, - тихо и просто ответил пацан.

- Что?.. – голос гардекора сорвался, а пальцы разжались. – Что ты сказал?

Лимба? Лимба?.. *Лимба?!..* Тот самый? Живой?.. Он жив?!

Найз молча кивнул.

- Так это ты для него?..

Новый кивок.

- Он знает?..

Мальчик отвел взгляд.

- Я сказал... что это был... не ты, - еле слышно прошептал он. – Что я ошибся. Что Фалько... на самом деле погиб. Тогда. У стен Звездной башни.

Зеленые глаза опустились.

- Ты... правильно ему сказал, - медленно выдохнул гардекор. – Горящая задница Долдыка... Ты...

Не договорив, он отвернулся.

«Вот и всё, - устало подумал Найз. – Он знает, что я знаю. Думал, убьет меня... Да если бы даже и убил – какая теперь разница...»

Ненависти больше не было. Не было ни злости, ни обиды, а лишь огромная, всепоглощающая усталость, опустошение и горечь, отравлявшая, как полынная настойка, душу до самых ее дальних уголков, так, что уж лучше бы и впрямь убил его Тигр – и покончил с этой бесконечной мукой длиною в ночь. Ведь как ни старался Найз убедить себя, что капитан Бессмертных погиб у Звездной башни, всё существо его кричало, не давая забыть ни на мгновение, о том, что Тигр и Фалько едины, и разделить их может только смерть – настоящая смерть человека, носившего эти имена.

«Лучше бы он меня убил...» - мальчик теребил воротник, машинально вытягивая из обрыскавшегося края нитку за ниткой. – «Потому что я дурак, осёл и болван... Я злился на него, а сам всё это время надеялся, что он окажется не таким, что он другой, отважный, бескорыстный, самоотверженный, каких рождается один на миллион, как говорил дядя Лимба... Ведь он не убил нас на руднике... и в парк полез... И у него такой взгляд... и улыбка... Такой человек, как он, не имеет права улыбаться *так!*.. А он... он... Теперь он сам подтвердил, что...» - Найз сглотнул пересохшим горлом, сунул руку в карман штанов и нащупал там заскорузлый комок материи. Платок Фалько! Полдня назад он жизнь бы отдал и еще немного больше, чтобы завладеть таким сокровищем, а сейчас...

Чувствуя, что усмешка его больше похожа на гримасу, мальчик скомкал батистовый квадратик, шершавый от засохшей крови Илиса, и бросил в кусты.

Вот и всё.

«Хотя, может, мне не себя надо больше жалеть, а его? – пришла в голову неожиданная мысль. – Ведь Фалько умер для нас обоих. Только у меня не стало героя, а у него – половины себя. И может быть, он этого даже не замечал...»

Найз постоял еще с полминуты, переминаясь с ноги на ногу, потом медленно повернулся и побрел прочь.

- Ты куда? – требовательный хриплый шепот остановил его на полушаге.

- Обратно, - тусклым голосом отозвался он, не оглядываясь и не поднимая головы. – Королям ничего не грозит. А остальным рабство только пойдет на пользу. Тебе тут нечего делать. Вот прискачет отряд капитана Дагона, тогда...

- Тогда барзоанцев и духу тут может не быть, - неожиданно холодно прервал его Фалько.

- Но ты же сам сказал, что они хотят получить выкуп за?.. – обернулся Найз.

- Не будь идиотом, малый, – нетерпеливо фыркнул гардекор. – С колдуном или без, осады целой армии им в вашем кукольном дворце не пережить. Даже если они будут держать королей как заложников, то стоит им отпустить последнего, как они все – покойники.

- Значит, они должны уплыть к себе! – осенило мальчишку.

- Да. Под покровом магии их уже в десятке клозов никто не заметит. Выберутся в Дикие Воды – и тогда ищи каплю в море, как говорят у нас в Гельтании.

Была ли в последних словах издевка, и если да, то над кем, Найз не успел понять, потому что гардекор продолжил, неспешно, но уверенно, четко и емко проговаривая каждое слово, точно гвозди вколачивал:

- Поэтому. Мы. Не должны. Дать. Им уйти.

- Но что мы... то есть ты... можешь сделать?! – сумасшедшая радость, тем безумнее, чем глубже минуту назад было уныние, захлестнула мальчишку, вознося на крыльях ликования. Он внутренне отпрянул, спешно напоминая себе, что глупые надежды – лишь путь к очередному разочарованию, но счастье увидеть перед собой не Тигра, а Фалько, смело на своей дороге всё. – Ты один, а их – орды!

- Это их проблема, - пренебрежительно хмыкнул Фалько, тщательно делая вид, что не видит в своем проводнике никакой перемены. – И одна идея у меня имеется. Ты когда-нибудь слышал про брандеры?

- Про... что? – растерялся Найз.

- Баркасы, шлюпки, ялы – что угодно плавучее, заполненное смолой, маслом и прочими неприятными и – что самое главное – очень горючими веществами. Их прицепляют к вражеским кораблям при помощи кошек, поджигают... и команде приходится искать новую работу. Знаешь о таких?

- Н-нет... да... вроде...

- Ну так вот, - спокойно, точно на плацу перед учениями новобранцев, продолжил Фалько, - с их помощью мы можем уничтожить барзоанский корабль или серьезно испортить его.

- Тогда бежим скорее к морю! – глаза мальчишки загорелись азартом. Он рванулся вперед, нетерпеливо ощупывая взглядом горизонт в поисках ориентиров, и гардекор едва успел ухватить его за воротник.

- Бежим, - согласился он. – И скорее. Только давай для начала определимся с небольшим изъяном нашего плана.

- Каким? – упало сердце Найза.

- У нас нет ни лодки, ни горючих материалов, ни кошек, ни людей, чтобы посадить на весла.

- И... что нам делать? – вытянулась мальчишеская физиономия.

Фалько снисходительно взглянул на него, словно на особо непонятливого рекрута.

- Конечно же, раздобыть всё, чего не хватает.

- Но где?!

- Смолу закажем в Гельтании, кошки привезем из Далайны, масло – из Истара, крепкие лодки строят в Рэйтаде, пара недель – и у нас на руках всё самое лучшее... - поучительно начал гардекор, но, видя нешуточное потрясение на лице мальчика, закатил глаза: - Дырявые штаны Радетеля, Найз! Естественно, мы найдем всё здесь! Масло должно быть на складе. Кошки – сложнее, но на один раз забросить в снасти можно что-то придумать. Лодки... Я слышал, здесь есть каналы...

- Да, самые настоящие! – не дав ему закончить, пылко затараторил мальчишка. – Это была река, она рекой и осталась – выше по течению, а при строительстве парка ее разбили на каналы, чтобы король с гостями мог на кораблицах кататься! И так она теперь в море и впадает, по частям, каналами!

- Значит, на возвышении оказался только дворец, а все развлечения – вниз по склону и на равнине... - задумчиво проговорил гардекор.

- Да! На склоне – рощи и пещеры, но не настоящие, специально выдолбленные, а на равнине – каналы, беседки, гроты, фонтаны всякие, еще рощи...

Фалько, решив что-то для себя, кивнул, выпрямился, расправляя плечи, и вдохнул полной грудью. Найз последовал его примеру, но тут же скривился: запах смолы и жженных перьев стал слабее, но не исчез.

- Божественный аромат приключений и подвигов, - внезапно подмигнул ему Фалько.

- Не думал, что на самом деле они так воняют, - пробормотал мальчик.

- И это еще не самый плохой их букет, - ухмыльнулся гардекор и сделал шаг в темноту.

* * *

Фалько и Найз бежали к задним воротам, прячась по рощам и живыми изгородями, обходя открытые места и беседки. Оттуда то и дело доносились крики, плач и звон оружия: похоже было, что взятие заложников шло еще вовсю. При каждом звуке голосов Найз втягивал голову в плечи, краснел от стыда, будто лишь от его каприза зависело, броситься на помощь или пройти мимо – но стискивал зубы и бежал дальше.

Первый раз, услышав крики и плач на фоне чужой речи, певучей, как звон стали, он остановил Фалько и потребовал освободить пленных, но гардекор только глянул на него с недоумением:

- Перебьем этих пиратов – набегут другие. Или ты хочешь, чтобы я остатки ночи нянчился с каждым встречным придворным пижоном, и Долдык с ним, с кораблем?

Мальчишка, разрываемый противоречием между большой справедливостью слов гардекора и маленькой несправедливостью его бездействия, яростно прикусил губу, шмыгнул носом – но промолчал. Как бы ему ни хотелось, чтобы Тигр ошибся, чтобы нашелся какой-то выход, позволявший спасти несчастных – но выхода не было. Один человек, даже если его имя было не Тигр, а Фалько, оставался всего лишь одним человеком. Это в играх Найз в его роли бросался в одиночку на десятерых противников и побеждал. Здесь и сейчас их роль была другой – скрытность и быстрота.

- Не хочу, - не поднимая глаз, буркнул он.

- Чем скорее мы разберемся с кораблями, тем быстрее появятся шансы у твоих подзащитных, - голос гардекора прозвучал неожиданно мягко, и заскорузлая от мозолей ладонь потрепала его вихры. – Вперед, парень.

Не дожидаясь ответа, он тенью скользнул за живую изгородь. Мальчик с сердцем, колотящимся от бури эмоций, юркнул за ним.

* * *

Хозяйственные строения Летнего дворца были скрыты за плотной линией деревьев, дабы не оскорблять благородные взоры гостящей знати. От территории парка их отделяли двойные ворота, сбитые из зеленого дерева и украшенные коваными латунными петлями и накладками, изображавшими животных и птиц. Каких именно – было не разобрать, потому что все четыре створки валялись теперь на земле, затоптанные ногами и копытами.

- Вот! - задыхаясь от бега и волнения, ткнул пальцем Найз в пространство между столбами. – Муравьиная слободка, как ее прозвали! Там прислуга живет! И склады с мастерскими тоже там!

Фалько глянул на поверженные створки:

- Саранча подкормиться перед обратной дорогой решила...

- А если они и наше масло увезли?! – от коварно закравшейся мысли сердце мальчика пропустило удар.

- Посмотрим, - бросил гардекор и приложил палец к губам, прислушиваясь. Найз тоже наострил уши.

Шелест листвы... скрип ставни... снова ветер...

- Стой тут! - Фалько внезапно сорвался с места и ринулся во тьму.

- Что?.. – растерянно пискнул Найз, и тут до его слуха откуда-то из глубины слободки донесся вскрик не то человека, не то животного.

Стоять тут?! Да как бы не так!!!

И мальчик кинулся вдогонку.

Свет тощего месяца еле пробивался сквозь облака, и если бы главная улица была не такой широкой, одинокую фигуру в густой тени домов увидеть

было бы нелегко. Больше всего Найз боялся, что Тигр свернет в боковой проход и пропадет из виду прежде, чем он его догонит – и опасения его едва не оправдались. Не замедляя бега, гардекор нырнул в проезд слева. Найз, не сводя взгляда с зияющего тьмой проема между складами, поддал ходу.

Кровь стучала в ушах, тяжелое дыхание вырывалось из груди, перестук босых пяток по мостовой отдавался в голове, точно далекие удары молота. Он не слышал, повторился ли крик, и даже боялся подумать, что это мог означать – но неся вперед. Поворот – и впереди замаячил тусклый свет.

Туда!..

Задыхаясь, Найз выскочил на перекресток, завернул направо – и споткнулся о большой медный фонарь. Тот опрокинулся, со звоном роняя заслонку – и неожиданная яркость ударила по глазам, заставляя вскинуть руку к лицу. Единственное, что мальчик успел заметить – лежавшую женщину.

Звон клинков справа заставил его рефлекторно попятиться. Как можно скорее он разлепил глаза – и еле успел отскочить: в нескольких нолах от него пролетела плечистая фигура, шмякнулась о стену и стала тихо сползать на мостовую.

Взгляд мальчишки метнулся на нее, на женщину, на гардекора, опустившего меч...

- Долдык тебя забери, парень!..

...на открытые ворота склада у него за спиной, на что-то, бесшумно шевельнувшееся в темноте...

- ...Я тебе где сказал остава...

- *Сзади!!!*

Не оборачиваясь, Фалько бросился наземь, перекатываясь – и там, где он только что стоял, топор барзоанца ударил о камни, высекая искры. Не встретив ожидаемой цели, пират потерял равновесие – и налетел на выставленный, словно невзначай, меч противника.

Второй барзоанец, высокий и массивный, выскочил из тьмы с топором наготове, и Фалько, не успевая ни высвободить оружие, ни встать, выпустил рукоять и покатился. Пират, неожиданно проворный для своего роста, исступленно ударил по ускользящему врагу: топор зазвенел о мостовую в паре нолов от головы Фалько. Раз, другой, третий... Но каждый раз гардекор оказывался чуть быстрее или удачливей, и лезвие отскакивало от камня, оставляя глубокие щербины.

«Он его убьет!!!»

Эта мысль словно привела мальчика в чувство. Белый, как штукатурка, Найз завопил что-то несвязно и отчаянно, и побежал на пирата. Изумленный барзоанец на секунду поднял взгляд – но этого оказалось достаточно. Фалько сманеврировал, высвобождая руку – и из его пальцев стремительно вырвалась стальная молния. Пират удивленно замер с занесенным над головой топором... и повалился на спину, хрипя. Из горла его торчала рукоятка метательного ножа.

Гардекор вскочил, второй меч наготове – но желающие помериться с ним силой закончились. Три неподвижных тела лежали на теплых камнях Муравьиной слободки, в первый и последний раз не попирая, а обнимая чужую землю.

Не успев добежать какого-то клоза до места схватки, Найз остановился. Чувствуя себя последним дураком, он опустил глаза, краснея от унижения. Тигр в его помощи не нуждался. Да если бы даже у него было достаточно сил и умения, что мальчишка с пустыми руками сделает против топора?..

И вдруг он почувствовал, как сильные пальцы сомкнулись на плече.

- Я... хотел... подумал... я... - начал было он, лихорадочно придумывая – и не находя оправдания своему нелепому порыву – и увидел протянутую к нему руку.

- Спасибо, парень.

- П-пожалуйста! - застигнутый врасплох, мальчишка вскинул взгляд, почувствовал, как в груди его фейерверком взрывается ликование, вцепился в

мозолистую ладонь гардекора и, не соображая, что говорит, выпалил: –
Обращайтесь еще!

Фалько белозубо хохотнул и хлопнул Найза по плечу:

- Будь готов!

После этого, улыбаясь, он подошел к женщине, в оцепенении жавшейся к амбару, и галантно поклонился:

- Мадам, пора вставать, нас ждут великие дела.

- Я... они... Пресвятой Радетель!.. – слова ее спасителя точно прорвали плотину слез: руки служанки метнулись к лицу, закрывая, и плечи затряслись в приступе беззвучного плача.

- Ну же, ну же, ну, милочка, - гардекор присел на корточки рядом и бережно приобнял ее за плечи. – Всё прошло. Вставай. Надо двигаться. Или подождем, пока заявятся новые?

Последние слова сделали невозможное: женщина охнула и принялась торопливо подниматься. Но колени ее дрожали, раз за разом отказывая держать, и Фалько, сокрушенно вздохнув, подхватил ее подмышки и поставил на ноги.

- Эти были последние бандиты? – спросил он.

Женщина кивнула, отнимая трясущиеся ладони от лица. Найз увидел, что ей было лет сорок пять, совсем старушка, и новая волна злости на барзоанцев, посмевших обидеть пожилого человека, всколыхнулась в его душе.

- От своих отстали, - тем временем говорила служанка, сипло и отрывисто, и было слышно, что зубы ее постукивали при каждом слове. – Которые припасы вывозили. Остальных наших угнали. Лерну убили. Марига и Варранту тоже. Они сопротивлялись. Кто это был, господин? Чего им надо?!

- Барзоанцы, - вмешался Найз. – Пираты.

- Радетель Всемилостивый!.. - охнула служанка, в ужасе расширяя заплаканные глаза. Грязные пальцы прижались к губам, точно загоня назад рвущийся крик. - Но как?.. Что?.. Радетель!.. Откуда?..

- Откуда пришли – туда не вернуться. Мы с ними разберемся. А тебе больше бояться нечего, - Фалько взял ее за подбородок, приподнял голову и заглянул ей в глаза. – Веришь мне?

Служанка моргнула, не в силах отвести взгляда, тихо всхлипнула в последний раз, и кивнула.

- Ну вот и хорошо. Ты знаешь, где у вас хранится ламповое масло? – уже мягче спросил гардекор.

- Да, конечно!

- А лодки, на которой вы подвозите припасы к дворцу, они не забрали?

- Нет, лодки на месте! - убежденно замотала головой женщина. – Они в каретах господских всё вывозили. Мешки, бочки, туши, рыбу...

Найз невольно хихикнул, представив картину, и даже Фалько улыбнулся:

- Пропустить такое зрелище! Никогда себе не прощу!

Собрав и тщательно протерев меч и нож, он подошел к служанке и галантно подал ей руку, точно аристократ, приглашавший даму на танец:

- Ведите, моя прекрасная мадам!

Та робко улыбнулась, взяла гардекора за локоть, но тут же отпустила, смутившись.

- Туда нам, - конфузливо ткнула она пальцем в темноту. – Четверть дистанта, наверное, до канала отсюда. И амбар, где масло, тоже в той стороне.

Найз, конечно же, последовал за ними – но не раньше, чем отстегнул от пояса одного из барзоанцев кинжал.

Вот теперь предложение «Мы с ними разберемся» звучало правильно.

* * *

Обследование амбаров, где хранились несъедобные запасы, заставило гардекора нахмуриться: лампового масла обнаружилось всего четыре бочонка по тридцать волмов.

- Даже на один корабль маловато, - задумчиво нахмурился Фалько. – А если их больше... А по закону подлости их обязательно будет больше, вот увидишь...

- Может, что-то еще пойдет? – с надеждой воззрился на него мальчик.

- Растительное масло есть? – гардекор с сомнением глянул на Иладу, служанку. – Смола? Древесный уголь? Дрова, наконец?

Та, посвященная в их замыслы, удрученно покачала головой.

- Растительное всё вывезли, я видела. Угля и дров нет, на кухню все запасы отправили перед праздником. Смоле – откуда у нас взяться? Чай, дворец королевский, не смолокурня...

- А может, хватит на два? Как-нибудь? – с замиранием сердца спросил Найз.

- Если не хватит, попросим остальные поджечь самим, - хмыкнул Фалько и обернулся к служанке: - Сено, надеюсь, они не съели?

Через полчаса торопливого тяжелого труда два брандера были готовы. Бочки с маслом поделены и уложены на сено – всё, что удалось обнаружить в запасе. Распотрошив два последних тюка, Фалько присыпал бочки сверху с тщательной небрежностью, словно нерадивые конюхи накидали впопыхах. Кресала и трут, завернутые в тряпки, заняли место в карманах. Одиннадцать головок с крюками для багров, найденные Иладой в скобяном амбаре, были привязаны к веревкам и тоже зарыты в сено так, что можно было вытащить в первую же секунду, когда они понадобятся. Весла были небрежно брошены на дно. Правда, что с ними делать, мальчик решительно не представлял, но зато бесчисленное количество раз видел в заливе рыбаков и матросов, ловко управлявшихся со своими лодками. Наверное, это не слишком сложно?..

Потирая спину, ноющую от тяжести тюков, Найз с радостным предвкушением оглядел их маскировку. Ни один барзоанец не догадается, что дрейфующие по течению брошенные лодки с сеном – брандеры! Оставалось лишь незамеченными доплыть до места впадения канала в море, открыть замок морских ворот, догрести до врага, прицепить лодки к веревкам, свисающим с носа – он видел такие на всех больших кораблях в порту, и на этих обязательно будут, должны быть, ведь до бортов им крюки не добросить!.. Потом нужно будет выбить пробки из бочек, дожидаться, пока горячая смесь польется – и поджечь.

Им вдвоем.

Добравшись до конца списка действий, мальчик засомневался, нахмурился и по пальцам пересчитал всё снова: доплыть – раз... открыть – два... догрести – три... прицепить – четыре...

С каждым новым пунктом, выполнение которого, по здравому размышлению, было невозможно ни при каких условиях, воодушевление из сердца мальчугана испарялось, как ламповое масло из открытого бочонка, пока не остался один-единственный аргумент в пользу их плана: «Но ведь Тигр так сказал?..»

В это время гардекор привязал нос одной лодки к корме другой и махнул ему:

- Прыгай и ложись, я тебя закидаю. Лежи тихо, и пока не скажу – носа не высовывай. Понял?

Мальчик набрал в грудь воздуха, чтобы спросить, а всё ли верно было рассчитано – но в последний момент передумал. Недостаток вопросов в том, что на них можно получить правдивые ответы, как говаривал дядя Лимба. А Найз не был уверен, что хотел бы сейчас услышать: «Наш план невыполним, мы все погибнем или попадем в рабство», и еще меньше – «Наш план невыполним, я пошутил, давай отсидимся в спокойном месте до подхода Дагона». Уж лучше рабство или полное неведение, и будь, что будет!

Упрямо сжав губы, мальчик прыгнул в первую лодку и лег на дно у борта. Сено, оставленное специально для маскировки, посыпалось на него, обдавая духмяным запахом далеких лугов и заглушая даже ставший уже привычным смрад магии.

К его удивлению он услышал, как Тигр на берегу проговорил:

- Во вторую. Если нас найдут, можно будет попытаться соврать, что ты ничего не знала и просто пряталась.

- Если меня вообще кто-то будет о чем-то спрашивать, - донесся в ответ чуть дрожащий голос.

Найз не видел Иладу, но без сомнения почувствовал, что это был голос человека, которому очень страшно, и который пытается изо всех сил это скрыть. В первую очередь – от себя.

- Ты можешь остаться, - мягко проговорил Фалько. – То, что мы задумали – не женское дело.

- Женское дело ждать, пока придут барзоанцы и с ней расправятся! - сердито фыркнула служанка, но торопливо добавила, точно извиняясь за резкость: - Этой ночью я почти умерла, Тигр, а всем известно, что такие люди живут долго и счастливо. Немного счастья с собой вам не повредит.

Найз не слышал, ответил ли что-то Тигр, но подумал: в два раза больше счастья, чем обычно – это хорошо. Особенно когда двум из троих скоро грозит умереть во второй раз. А одному – в первый.

* * *

Найз лежал тихо, как мышонок под кошачьей подстилкой. Дурмящий запах сена щекотал ноздри, течение мягко покачивало лодку, будто убаюкивало, рукоятка кинжала ободряюще впивалась в ребра, заставляя чувствовать себя сильным и опасным, и если бы не звуки, доносящиеся из парка, можно было бы

даже уснуть. Это стало бы самым мужественным поступком, какой только можно придумать, говорил себе Найз: беззаботно спать перед лицом смерти мог только по-настоящему отважный человек. У него же уснуть не получалось, сколько ни тщился, и от этого мальчик страдал вдвойне: ощущение собственной трусости дополнялось муками совести при каждом крике и мольбе, доносившихся с берега. Но самым большим испытанием стали мысли о том, а всё ли Тигр продумал. Ведь одно дело – смирно лежать в лодке и ждать, пока река принесет тебя к морю. А другое – найти в темноте корабли и подгрести к ним незамеченным. А если их отыскать не удастся? А если лодки обнаружат? А если Тигр не сумеет открыть замок морских ворот? А если они не успеют до рассвета? А если...

Да сколько можно!!! Слабак! Слюнтяй! Размазня!

Рассерженный на самого себя, Найз выбросил из головы все мысли и сосредоточился на долетавших звуках, прикидывая, где они могли проплывать в этот момент.

Разноголосый перестук капель по меди дал ему подсказку: огромный фонтан с мифическим лесным замком высотой в три человеческих роста находился приблизительно в центре парка. Здесь каналы сходились и снова разбегались веером по разным уголкам – к Дворцовому холму, к рощам всех деревьев мира, к живому лабиринту, к поющим качелям – предмету тайного вздыхания всех песчаных воробьев... Куда понесет их течение – было не важно, лишь бы не в речку-вонючку, как называли канал, отведенный в толщу Дворцового холма для кухонных и прочих нужд. Важным было то, что каждая проходящая минута приближала их к цели. А ночь – к утру.

Прижатая рекой, лодка заскребла бортом по гранитным доспехам берега. Наверное, подумал Найз, потащит в крайний левый канал, к Цветочным холмам, где он еще ни разу не был, но мечтал оказаться в полночь хотя бы на пять минут – хоть совсем по другой причине, чем на полуострове качелей.

Лодка плыла теперь медленно, время от времени шершаво трогая боком набережную. Мальчик стискивал кулаки от нетерпения, ногти впивались в ладони, но, возбужденный, он не чувствовал боли: «Быстрее, быстрее, быстрее, лодочка, миленькая, лодка, калоша старая, дырявый башмак! Ну плыви же быстрее, ну чего тебе стоит!..» Хотелось вылезти и подтолкнуть ленивое судно на середину канала, или потащить за веревку, как бурлак, или бросить всё и бежать к морю – ведь с каждой пролетевшей секундой утро становилось ближе, а это означал конец их планам, но самое главное – конец его друзьям, захваченным барзоанцами!

- Быстрее, быстрее, быстрее, - не замечая, он принялся повторять вслух, как заклинание. – Быстрее же!!!..

И поэтому не услышал сразу новый звук. Совсем рядом, над головой, плакал ребенок, повторяя: «Нет, нет, нет, нет, нет...»

Найз судорожно вдохнул, сжимая зубы: «Мы не должны вылезать, не должны, не должны, не должны, не должны...» - и даже почти убедил себя, как вдруг плач прервался, и яростный крик разорвал тишину:

- Пусти меня! Пусти! Гадюка, сви...

Взрыв брани на чужом языке, звук удара и тела, падающего на что-то гулкое, застал Найза врасплох. Не соображая, что делает, он вскочил в облаке сена, рыча что-то яростное, и сиганул на берег через узкую полосу воды, выхватывая на ходу кинжал.

В долю секунды происходящее впечаталось в его память, как будто он рассматривал сцену полдня.

Посреди вымощенной площадки под разными углами торчали непонятные трубы: целый лес деревьев из металла, без коры и ветвей. Вершины одних терялись во мраке, другие были не больше пеньков. Одни толщиной были не меньше старого дуба, вторые – с руку Найза. Ближе к набережной несколько труб беспорядочно валялось на земле. А между ними, изумленные вмешательством то

ли духа сенокоса, то ли странного утопленника, застыли люди – пятеро в зеленых кольчугах на голое тело и трое в красных балахонах. Один балахонщик распростерся у их ног, не шевелясь. Лысый барзоанец, тот, что оказался ближе всех, стоял со сжатыми кулаками, а в нескольких клозах от него лежал кто-то маленький.

Первая мысль Найза была о песчаных воробьях. Кого-то из них убили! И он, вопя, к изумлению своему, «Провались земля и небо!!!», ринулся на громилу.

Его крик точно нарушил заклинание, сковывающее участников драмы: гогот пиратов, схватившихся за бока, оглушил его и заставил вспыхнуть от унижения и ярости. Несколько прыжков – и громада в зеленой кольчуге заполнила весь мир. Огромная рука метнулась к его голове, но он поднырнул под кулак и с исступлением, точно это было последним делом в его жизни, вогнал кинжал в первое, что попало. Пират взвыл от боли, взмахнул другой рукой – и повалился с метательным ножом Фалько в глаз. Удар, способный снести полчерепа, превратился в оплеуху, швырнувшую, тем не менее, паренька наземь.

Лихое и шалое «А-а-а, провались земля и небо!!!» огласило липкую тишь Цветочного холма, и на берег с лодки одним скачком сигануло второе сенное нечто. Только в руках его вместо кинжала сверкали мечи. Четверо оставшихся пиратов сорвались с места одновременно и с барзоанскими ругательствами – обжигающими и тягучими, как кипящая смола, бросились навстречу.

Что происходило дальше, мальчик так и не понял. Он с ужасом и предвкушением невероятного ожидал бешеной схватки, все на одного – но ничего подобного не случилось. Вместо поединка – хотя нападение четверых на одного вряд ли можно было назвать этим словом – Тигр, словно учитель танцев, возглавил какой-то непостижимый хоровод, время от времени переходящий то в прятки, то в догонялки. Хохоча и подмигивая Найзу при каждом удобном случае, он паяцем метался между труб, то пропадая, то внезапно появляясь за спинами пиратов, и тогда один из них падал, чтобы не подняться больше никогда.

Последний барзоанец не сразу понял, что остался один. С двумя мечами наизготовку, он вынырнул из-за самой толстой трубы почти у края набережной и споткнулся о тело своего товарища. Придя к какому-то выводу, похоже, не слишком приятному, он нахмурился, гаркнул что-то, прислушался – но молчание было ему откликом. Повторный выкрик, гневный и растерянный, снова растаял в ночи без ответа. Барзоанец напрягся, принял боевую стойку и стал настороженно озираться, поводя мечами, точно ожидая атаки каждое мгновение. Новая череда слов сорвалась с его губ – на этот раз тихая, вопросительная... И опять тишина.

Пират втянул голову в плечи, медленно попятился, зыря по сторонам, готовый к нападению и защите в любую секунду... и вдруг из-за трубы за его спиной протянулась рука – и дружески похлопала по плечу.

Барзоанец опустил оружие, повернулся, удивленный...

Последнее, что он увидел, был кулак, летящий к его подбородку. Точный и сильный удар развернул его, подбросил... и темные воды канала, жадно плеснув, навечно сомкнулись над чужаком.

- Человек, не умеющий сосчитать до четырех, не достоин смерти от стали,
- с шутовской сокрушенностью развел руками Фалько.

- Но вы... он же мог... у него было... а у вас... - не в силах согнать с лица ошалелую ухмылку, начал было Найз – но спохватился: - А где же балахонщики? И где...

Маленькую неподвижную фигурку он обнаружил чуть поодаль – куда отшвырнул ее удар пирата. Торопливо он склонился над ней, пытаясь в свете далекого фонаря разглядеть лицо и раны. Да и жив ли был воробей?!

Кровь на носу и губах, распухшая как подушка и посиневшая щека, почти полностью закрывшая правый глаз, заставили мальчугана зажмуриться и скривиться в сочувствии. А когда через пару секунд он открыл глаза, то встретился взглядом с мутным, но полным ненависти взором цвета стали.

- Чтоб... ты... сдох... - едва шевеля разбитыми губами, проговорил парнишка.

Найз отмахнулся от пожелания и озабоченно спросил, не признавая в раненом никого из товарищей по играм:

- Ты кто?

- Чтоб... тебе... - снова начал было паренек – и осекся. – Ты...ты... эрегорец? А где?..

- Эрегорец! Конечно! – энергично закивал Найз. – А пиратов отправили к Долдыку на рога! Всех до единого! Ты не бой...

Приближавшиеся шаги нескольких человек заставили его прикусить язык на полуслове. «Надо было первым делом найти себе оружие, болван!» - запоздало обругал он себя. Сжимая кулаки, готовый защищать незнакомца во что бы то ни стало, он оглянулся... но тревога была ложной: из мрака, едва разбавляемого слабым фонарным светом, выступил Тигр, а с ним – один из балахонщиков, одноглазый лысый старик с пегой клочковатой бородой. Завидев Найза, он остановился, всплеснул руками и, отчаянно хромя, побежал к нему с криком «Белка!». И только когда, обогнув его, старик склонился над лежавшим, сбивчиво тараторя что-то ласковое, ощупывая его и глядя, Найз с изумлением понял, что дед не сошел с ума, а обращался к спасенному, что полным именем мальчика было «Эмирабель», и что это был не мальчик, а девочка.

- Кто это? – Найз вопросительно глянул на Тигра, остановившегося в стороне.

- Королевский алхимик. Тот, который не сбежал. Вернее, сбежал, но недалеко.

- Алхимик?!.. – благоговение в голосе мальчишки можно было черпать ведрами. Так вот они какие, таинственные повелители фейерверков на Цветочном холме, авторы прочих чудес, самых невероятных, превзойти которые могла разве одна лишь магия!

- Убитого в балахоне видел? Его сын, - продолжал тем временем гардекор.

- Отец Белки? – спохватился Найз.

Фалько криво усмехнулся:

- Единственный, кто сопротивлялся. Похоже, у барзоанцев приказ сразу отсеивать буйных, чтобы дальше не было проблем.

- А... а... - Найз хотел что-то спросить, но какая-то мысль, зудя в подсознании, не давала сосредоточиться.

- «А какого Долдыка кривоzubого я вылез, отчего мы потеряли кучу времени», ты хотел поинтересоваться? – сухо подсказал Фалько.

Мальчик опустил глаза.

- Нет... да... я хотел... то есть не хотел... оно само меня дернуло... я не понял... я не нарочно... я... я...

- Ты забыл сказать «Я больше не буду», - напомнил гардекор.

Мальчик опустил голову, закусил губу и, исподлобья глядя на него, выдавил:

- Буду.

Тигр быстро закрыл глаза и отвернулся. Плечи его странно задрожали. Если бы не обстоятельства, Найз подумал бы, что он смеялся, но ничего смешного они не встречали уже много часов. Означало ли это, что гардекор плакал?..

- Ладно, забыли, - не давая мысли развиваться, тот обернулся и коротко махнул рукой. Лицо его было преувеличенно нейтрально, хотя уголки губ то и дело подозрительно кривились. – Время теряем. Пойдем.

И тут Найз понял, что не давало ему покоя.

- Тигр? – неуверенно прошептал он. – Отчего... Я думал... ты будешь... вы... биться с ними один на один... как настоящий герой?

Фалько остановился и глянул на мальчишку – неожиданно серьезно.

- Запомни, парень. Настоящий живой герой лучше настоящего мертвого героя. А еще настоящий живой герой умеет считать до четырех и знает, что один

на один и четверо на одного – не одно и то же. Особенно когда у этого героя есть задачи поважнее, чем выпендриваться перед всякой мелюзгой.

И пока ошарашенный Найз раздумывал, обидеться ли на последнюю фразу или принять как должное, гардекор, шкодно подмигнув, взял его за плечо и повлек к лодкам.

Надтреснутый, но всё еще сильный старческий голос прозвучал у них за спинами неожиданно:

- Пойдите!

Гардекор обернулся.

- Куда бы вы не плыли... возьмите нас. Пожалуйста. Ради Белки... Если места мало, меня оставьте – ее спасите! Тут происходит что-то... какая-то мерзость в воздухе... Даже высказать не могу... - старик приложил сухонькие дрожащие ручки к груди.

Фалько покачал головой:

- Тут происходит магия, мастер Горату. А куда мы плывем... Безопаснее вам будет оставаться здесь или отсидеться в укромном месте. Вы знаете парк. Берите девочку и уходите.

- Магия?! – ахнул старик. – Но это невозможно! Магов, подобных Симарону, больше нет, перевернись он в своей могиле, если она у него имеется!

- Под покровом магии они проплыли от Барзоа до Эрегора незамеченными, чтобы захватить королей, - угрюмо произнес Фалько. – Для чего еще они применили ее – не знаю, но воняет ей так, будто вместо освежителя воздуха. Ладно. Удачи вам. А нам нужно успевать до рассвета. Времени мало.

- Что вы задумали? – алхимик хищно подался вперед.

- Уничтожить или повредить корабли, - коротко ответил гардекор. – Как получится.

- Но вдвоем... в одиночку...

- У нас есть подобие брандеров. Надеюсь, это сработает.

- Но у вас наверняка нет ни смолы, ни крови земли, ни серы, ни фосфора!

- Сено и ламповое масло тоже неплохо, - хмыкнул Фалько.

- Но это же... профанация! Дилетантизм в худшем его проявлении! Сено! Ламповое масло! Бумага и старые тряпки, еще скажите! Это... это... Чистой воды идиотизм, вот что это такое!

- Идиотам везет. Главное, чтобы вода была чистая, - подмигнул ему Фалько и зашагал прочь.

Пока они разговаривали, Найз ненадолго отлучался, и теперь, сжимая трофейный кинжал, вприпрыжку обогнал Тигра, прыгнул в лодку и стал поспешно зарываться в сено. Гардекор спрыгнул тоже, нагреб охапку для завершения маскировки своего проводника – и оглянулся, услышав сзади торопливые шаги.

Это был старик.

- Погодите! Я с вами!

- Жечь пиратов? – насмешливо хмыкнул гардекор.

- Есть пироги! – фыркнул алхимик.

Фалько приподнял брови, с сомнением оглядывая щуплую сутуловатую фигуру:

- А вы на веслах хоть раз в жизни ходили?

Мастер Горату остановился, точно налетев на стену, сложил руки на груди и презрительно задрал бороду:

- Умные люди главе гильдии алхимиков всего Эрегора, как правило, находят лучшее применение, нежели ходить по веслам... или как вы там только что изволили живописно выразиться!

* * *

Чтобы погрузить всё, что алхимик считал необходимым, и не утопить при этом их миниатюрный флот, пришлось выбросить на берег почти всё сено, оставив

лишь тонкий, почти символический слой для маскировки. А маскировать было что: не слушая возражений, мастер Горату при поддержке Фалько, Найза, и Илады, уложил в лодки несколько труб и их содержимое. Почесав в опаленной бороде, старик обзрел заготовленное, удовлетворенно кивнул – и повел мальчика и служанку за дальний край площадки, в темноту, где, как выяснилось, под видом невинной пещеры в склоне холма скрывалась небольшая мастерская.

В это время Фалько отнес тело погибшего алхимика с площадки, положил под магнолией, и забросал нарубленными тут же ветками. Эмирабель, бледная, как саван, и столь же молчаливая, стояла рядом, стиснув кулаки и сжав в ниточку губы. Из-под опущенных век тихо, непрерывными дорожками, бежали слезы.

- Ты был плохим бойцом и из тебя получился бы отвратительный раб, но человеком ты был, что надо.

Краткая эпитафия гардекора вывела девочку из забытья. Судорожно всхлипнув, она кинулась на кучу веток, листьев и роскошных кремовых цветов, ставших могильным холмиком самому близкому ее человеку, и замерла так же безмолвно – только плечи мелко дрожали. Фалько, пару раз неловко переступив с ноги на ногу, беззвучно отошел, оставив дочь вести последний разговор с отцом.

Из мастерской отряд помощников вернулся, нагруженный сундуками с пробирками, ретортами, ступками и прочей лабораторной утварью, как невольничий караван.

- Осторожно! Ставь это осторожно! Не стукни! Не трясина! Не клади это рядом с тем, с ума сошел?! Не наклоняй! Да руки у тебя кривые, что ли?!.. – мастер Горату метался между носильщиками, как растревоженная наседка.

- Послушай, дед, зачем нам всё это? – задетая последним замечанием, адресованным ей, Илада хлопнула тяжелый сундучок на камни так, что алхимик одной рукой замахнулся на нее, а другой схватился за сердце.

- Да, в самом деле, - согласился с ней Фалько, слегка ошалело оглядывая принесенное. – Как мы это будем собирать на волнах, под бортом пирата, ты подумал? И не проще ли было смешать здесь, что надо?

- В тот день, когда всякие невежды начнут учить меня, как правильно поджечь какие-то деревянные лоханки... - гневно встопорщил бороду старик, но, поймав предупреждающий взгляд гардекора, сбавил громкость и накал. – Смесь, что я хочу опробовать, субстанция чрезвычайно короткоживущая и неустойчивая. И если мы хотим поджечь пиратов, а не самих себя, готовить ее надо минут за двадцать до применения максимум.

- И корабли загорятся? – с замиранием сердца спросил Найз.

- Д-д...да, - важно кивнул мастер Горату.

Секундное замешательство не ускользнуло от внимания гардекора.

- Ты в этом уверен? – цепко прищурился он.

И снова тот захотел сказать нечто вызывающее, но, встретившись взглядом с Фалько, прикусил губу и вздохнул:

- Уверен. Из стволов мы запустим снаряды и подожжем...

- Корабли? – в предвкушении подсказал мальчишка – и удостоился убийственного взора алхимика.

- Нет. Светящиеся частички достаточно горячи, но крайне короткоживущи, как многие вещества нашей науки. И если только на палубе не будут стоять бочки чего-нибудь горючего, и искры не попадут туда, и не одна-две, а много – ничего не загорится.

- Ну а какого тогда Долдыка?... – вытянулось лицо Илады.

- Заряды должны будут поджечь субстанцию на основе вашего масла, - уничижительно зыркнул на нее алхимик.

- Какой... суп...с танцами? – ошалело воззрилась на него служанка.

Мастер Горату мученически воздел очи горе.

- Вещество. Сиречь жидкость. С плотностью меньше означенного параметра морской воды.

- И где они будут должны ее поджечь? – нетерпеливо напомнил Фалько, не давая Иладе продолжить допрос.

- В воде, - вздохнул старик. – Причем обязательно надо, чтобы она касалась корпусов.

- То есть ее придется разлить по воде вокруг кораблей?

- Да.

- Не вижу ничего сложного.

- Потому что ты – сле... - перехватив красноречивый взор Фалько, алхимик прикусил язык, сглотнул и продолжил – уже с меньшим пылом: - Первая проблема в том, что нам нужно будет развести огонь и потратить не менее получаса на то, чтобы приготовить эту смесь. Вторая – в том, что ее нужно будет распределить по бочкам, подплыть к кораблям и разлить по воде у самых корпусов. Причем успеть всё проделать за двадцать минут. После этого я с берега дам залп фейерверками, или несколько – смотря, сколько кораблей, и...

- И?.. – эхом повторил за ним Найз.

- И кто не спрятался – я не виноват, - театрально развел руками старик.

- Но... - озадачено моргая, выговорил мальчик то, что не давало ему покоя последние несколько минут, - но... но что будет, если за двадцать минут смесь не подожгут?

- Она разложится, и нужно будет начинать сначала. Только масла у нас уже не будет.

- Но если ее поджечь, корабли загорятся точно? – тихо, словно понял еще что-то, мальчику недоступное, спросил Фалько.

Алхимик встретился с ним взглядом, опустил глаза и медленно кивнул.

- В месте соприкосновения ее с деревом – мгновенно. И буде гореть, пока не выгорит вся. Вместе с тем, чего касается, будь это дерево или металл.

Гардекор улыбнулся:

- Ну тогда я не понял, чего мы ждем. Время идет!

Отвлекая деда от разговора, тихо подошла Эмирабель и что-то спросила. Старик моментально насупился и ткнул пальцем в сторону пещеры-мастерской. Девочка попыталась спорить, но мастер Горату был непрекаем. Голоса девочки почти не было слышно, но зато до Найза то и дело доносилось сердитое «одиннадцать лет», «последняя в роду», «не имеешь права губить», «сопливая девчонка» и «безмозглая курица». Возмущенный таким обращением со своей спасенной, мальчик собирался было уже вмешаться, но спор неожиданно кончился. Старый алхимик с пунцовыми от гнева щеками демонстративно отвернулся, а девочка, опустив голову, тихо побрела в темноту.

Когда припасы и бойцы маленького отряда были погружены и забросаны сеном, а Фалько оттолкнул караван от стены канала и уже собирался ложиться сам, на берегу вдруг послышался дробный топот маленьких ног, и в его лодку с разбегу прыгнула Эмирабель. Кинув умоляющий взгляд на гардекора, она приложила палец к губам и мышкой нырнула между труб.

* * *

Найз лежал, прижавшись спиной к борту, положив голову на обитую войлоком шкатулку алхимика, и прислушивался к доносящимся снаружи звукам. Кроме плеска волн и далеких криков – скорее, пиратов, командовавших пленными, чем самих пленных – на этот раз не было слышно ничего. Или всех, кто прогуливался в этой части парка, барзоанцы уже забрали, или так далеко от центра никто из гостей не забредал.

Мальчик почувствовал, что плечо затекает, попытался повернуться на спину – но, притиснутый к обшивке трубой, смог лишь едва пошевелиться. Значит, оставалось только терпеть, надеяться на скорое окончание их речного

вояжа, и думать. Но даже думать о чем-то одном у него не получалось: мысли, как испуганные кузнечики, перескакивали с одной темы на другую.

Отчего Тигр внезапно надумал потопить барзоанские корабли? Как человек, решивший подвергнуться смертельной опасности ради других, мог воровать, служить негодяю и убивать беззащитных? Или наоборот – как вор и наемный убийца мог решиться рисковать собой ради других? И один против четверых, но не лицом к лицу, а хитростью – это честно? Это – по-геройски? А что... а если... а отчего... а когда... а зачем...

Удар носа лодки о что-то твердое заставил мальчика вздрогнуть, и он понял, что задремал. Он напрягся, готовый к любым неожиданностям – и услышал чужой голос, что-то произносивший нараспев. Другой прервал его, не дав договорить. И третий вмешался...

Барзоанцы!

Найз хотел сглотнуть, чтобы смочить пересохшее внезапно горло, но понял, что и во рту не осталось ни капли влаги. Отчаянно жалея, что лег так неудобно и не сможет быстро выбраться, он стиснул до боли в пальцах рукоятку кинжала, готовый продать свою жизнь подороже, и затаился.

Шаги снаружи тем временем приблизились, и голоса, звучавшие лениво и недовольно, возвысились снова. Сено вверху и справа зашуршало, точно его ворошили... и вдруг металл звякнул о металл.

Они протыкали сено копьем, с холодом в желудке понял мальчик, но подумать ничего больше не успел: лодка качнулась на волнах, будто от толчка, и сталь зазвенела о сталь.

Тигр!

Неистово извиваясь, мальчишка вывернулся из-за трубы – и еле успел пригнуться. В нескольких нолах над его головой пролетел человек и шлепнулся в воду, обдавая стеною брызг. Найз отшатнулся, запоздало прикрываясь рукой и отплевываясь... и вдруг лодка накренилась. Мальчик в панике распахнул глаза и

увидел руку, схватившуюся за край борта. Секунда – и к ней присоединилась вторая, и из воды, лоя воздух перекошенным ртом и хрипя, показалась мокрая голова с курчавыми волосами до плеч.

Пират!!!

Глаза их встретились в свете тусклого месяца, и мальчик увидел, что барзоанец вскинул брови и прохрипел что-то умоляющее. Похоже, дальше он сам выбраться не мог: ранен ли был, или доспехи и оружие тянули ко дну...

Найз отпрянул и задохнулся от растерянности и ужаса. Одно дело – убить врага в бою, а другое – на холодную голову, только чтобы он позже не убил тебя! И тем более, этот человек не нападал, а просил о помощи!..

Мальчик занес кинжал, нерешительно целясь то по пальцам, то в лицо, увидел страх на лице пирата, замахнулся... и отбросил оружие.

- На, держи! – протянул он ему руки. – Держись!

Лицо барзоанца озарилось искренней радостью, он отпустил борт, схватился за запястья мальчика... и что было сил рванул на себя. Не успев ничего понять, Найз перелетел через борт и головой вперед, как заправский ныряльщик, встретился с рекой.

Теплые волны моментально сомкнулись над ним, рот раскрылся, запоздало лоя воздух – но ухватил только воду, грязную, чуть соленую от близости моря. Найз закашлялся, судорожно выбрасывая проглоченное, но на вдохе заглатывая еще больше воды. Чувствуя, что голова его, грудь и сердце вот-вот взорвутся, он дернул руками, пытаясь всплыть – но к ним точно гири были привязаны: сильные пальцы пирата намертво сомкнулись на тонких мальчишеских запястьях. Найз, чувствуя, что умирает, взрывается, растворяется в грязной воде, ударил его ногами – но удар вышел больше похожим на предсмертные конвульсии.

Последним проблеском сознания он успел уловить, как над головой что-то рухнуло в воду – и его пожрала тьма.

* * *

- ...посмела!!! Глупая девчонка!!! – смутно знакомый разъяренный голос то взлетал, то затихал совсем рядом.

Найз вяло удивился: он не девчонка. Его с кем-то путают. И кто это может кричать посреди ночи? Сосед? Пьяный прохожий? Всю слободу разбу...

Крепкие руки резко нажали ему на грудь несколько раз, точно стараясь раздавить. Из полуоткрытых губ мальчика вырвалось тихое мычание.

- Живой! – радостно выдохнул женский голос ему в лицо, и Найз застонал в ответ, силясь разъяснить, что конечно же он живой, и вообще, что тут происходит?

- Точно живой. Спасибо, Илада. Ты просто умница, - где-то в головах прозвучал усталый голос Тигра – и тут мальчишка вспомнил всё. Рефлекторно рванувшись, будто мышцы его еще не поняли, что больше не в воде, он ощутил, как ноги его встретились с чем-то костлявым и легким. Грозный голос алхимика сорвался на полуслове, и раздалось приглушенное девчачье хихиканье, тут же сконфуженно смолкшее.

Белка!

Найз разлепил глаза, еле фокусируя взгляд на темных фигурах, еле видных во мраке. Илада в мокрой одежде, склонившаяся над ним с засученными рукавами... тощий сутулый глава гильдии алхимиков, гневно упиравший руки в бока... щуплая фигурка Эмирабель рядом с ним, голова виновато опущена...

- Если тебе уже надоело валяться, парень, - прозвучал нетерпеливый голос Тигра над головой, - то вставай, говори спасибо Эмирабель и Иладе, которая тебя вытащила и откачала, и пойдём. Если не передумал. Морские ворота открыты. Время не ждет.

Найз завозился, силясь подняться – и сильные руки гардекора подхватили его и поставили на ноги.

- Тетя Илада... спасибо... большое... вам... – едва ворочая языком и всё еще ощущая во рту вкус ила и рвоты, проговорил мальчик.

- На здоровье, миленький, - пылко сжала его плечо служанка. – На здоровье. Чтоб ты был жив и здоров еще сотню лет. Побольше таких, как ты – и Эрегор может спать спокойно.

Найз зарделся от похвалы, ничуть не заслуженной с его стороны, как он считал, и вспомнил про еще одну невысказанную благодарность. Медленным, слегка расфокусированным взглядом он отыскал девочку и нахмурился недоуменно:

- А Белке... за что?

- Она прыгнула в воду с твоим ножом и заколола барзоанца, который тебя топил, - словно о чем-то само собой разумеющемся сообщил гардекор.

- Она... что?!

Недоверие, конфуз, зависть, унижение, презрение к самому себе волной захлестнули мальчишку, он покачнулся, и если бы Тигр все еще не поддерживал его, Найз бы упал.

Не обращая больше внимания на деда, девочка подошла к нему, смущенная не меньше, и пожала худенькими плечами:

- Я всё видела, как ты с ним... его... Если бы я оказалась на твоём месте...

Найз ожидал услышать что-то вроде «я бы тоже не смогла», но продолжение повергло его в бездну стыда:

- ...я бы его сразу убила.

Голова мальчика опустилась на грудь, а Белка тихо продолжила:

- Я тебя понимаю. Ты... правильный. И храбрый. И добрый тоже. Как рыцарь из романа. Но... они не зарезали твоего отца у тебя на глазах полчаса назад.

- Я... ты... мне...— не находя слов, мальчишка взмахнул руками, снова едва не падая, но девочка больше его не слушала. Стыдливо прикрыв ладонью распухшую половину лица, она быстро зашагала к краю набережной. Туда, где сливаясь с небом, черный на черном, зиял просвет гостеприимно распахнутых морских ворот.

* * *

Лодки крадучись плыли вдоль берега, и дно их, то и дело, скребло о подводные камни. «Один... два... три...» - отсчитывала Илада морские ворота других каналов, закрытые тяжелыми коваными решетками, и угрюмо налегала на весла. Фалько греб на второй лодке и тоже старательно отсчитывал пройденные устья каналов-рек. «Одно... два... три...»

«Четыре», - выдохнул он, заметив в темноте решетчатый просвет в плотной стене ограды, дождался, пока Илада, пройдя одной ей известную отметку, повернет к пляжу – и последовал ее примеру.

- Где мы находимся по отношению к центральным воротам? – едва ступив на песок, обратился он к служанке.

Та нахмурилась, заводила руками, точно раскладывая что-то, то направо, то налево, то от себя – и через несколько секунд решила:

- Клозах в семистах. Если бы не мыс, можно было бы, наверное, уже и корабли их увидеть. Если они под главными воротами дворца на якорь встали.

- Мыс там?

Фалько кинул быстрый взгляд налево, где монолит скалы разрезал тьму и, не говоря больше ни слова, побежал. Вернулся он довольно скоро, бесшумно выскочив из мрака и заставив подпрыгнуть людей, сбившихся в молчаливую настороженную кучку.

- Три корабля, - быстро заговорил он, сталкивая лодки в воду. – Из-за мыса нас видно не будет. Подгребем поближе, чтобы на себе не тащить – и начнем.

* * *

Пока алхимик раскладывал атрибуты своего ремесла и готовил ингредиенты, Эмирабель помогала ему, а Илада разводила костер, Найз и Фалько закончили разгружать их маленькую флотилию.

- Мастер Горату, трубы как устанавливать? – гардекор тронул старика за плечо.

- Сейчас покажу, - буркнул алхимик, не отрываясь от наблюдения за чашечками весов размером с ладонь. В одном лежало несколько крохотных, словно игрушечных, гирек. Во вторую он медленно сыпал из колбы желтоватые кристаллы, чуть мерцавшие в бледном свете месяца. Когда несколько крупинок упали ему на край балахона, Белка, не дожидаясь команды, проворно смела их маленькой кисточкой на кусок пергамента и аккуратно добавила к кучке на весах. Те покачнулись и встали ровно.

Дед кивнул, то ли хваля, то ли давая понять, что доволен результатом, бережно опустил колбу на песок, и внучка моментально закрыла ее плотно притертой крышкой. И только когда содержимое чашки было высыпано в ступку тонкой струйкой при непрерывном потряхивании, алхимик поднялся:

- Пойдем. Белка, ты пока отмерь звездной пыли в двойном объеме и смешай с кровью земли. Остальное сама знаешь.

Девочка кивнула и уверенно потянулась за непомятым кувшинчиком в груди припасов. Старик нетерпеливо махнул гардектору рукой и зашагал к мысу.

Найз, не раздумывая, увязался за ними, и в первый раз увидел за плавным изгибом скалы барзоанские галеасы. Огромные, больше, чем любой из виденный

им когда-либо кораблей, они едва заметно покачивались на бледной лунной дорожке в полудистанте от берега. С хищно выброшенными вперед длинными носами и чуть выглядывающими из воды таранами, скошенными назад мачтами, с задранными кормами, зазубренными как верхушки городской стены, они не были похожи ни на одно судно, хотя мальчик не слишком-то разбирался во всем, что не ходило по суше.

Увлеченный пугающим, но восхитительным зрелищем, Найз не сразу заметил, что от берега к борту каждого корабля плыли большие лодки, нагруженные бочками, мешками и тюками. У бортов кораблей, едва заметные на фоне темных громад, такие же лодки покачивались на волнах под разгрузкой или отчаливали, пустые. И только надивившись всласть на невиданное, он догадался перевести взгляд на берег.

И ахнул.

Потому что весь пляж – узкая полоска песка и гальки – был усеян награбленными ценностями и продуктами, точно городской рынок перед началом ярмарки, а по узкой тропинке, ведущей с холма к воде, в две цепочки, как муравьи, осторожно двигались люди: сгибавшиеся под тяжестью ноши – вниз, с пустыми руками – вверх. Другие люди стояли по пояс в воде, загружая порожние лодки. Тут и там между трофеями горели воткнутые в песок факелы, и новые люди – вооруженные и с кнутами – подгоняли тех, кто двигался слишком вяло, выкрикивая что-то безжалостно-мелодичное, как свист бича.

- Барзоанцы! – хрипло выдохнул мальчик, расширив глаза. – Их там десятки! А таскают наши!

И только спустя несколько секунд его озарила вторая мысль, от которой в районе желудка заглодело:

- Но там же пираты кругом! И лодки! Нас же сразу заметят!

И тут же фейерверком вспыхнула третья мысль, добившая все надежды:

- Нам не успеть облить все три корабля за двадцать минут!!!..

* * *

- ...Может, обольем, сколько успеем? – неохотно предложила Илада в ответ на отчаянье Найза.

Костерок, разведенный ей, весело потрескивал, поедая их маскировочное сено не хуже лошади. Пламя сверкало то изумрудным, то сине-розовым, то плевалось лиловыми искрами – в зависимости от того, что мастер Горату ронял в огонь, ссыпая в котелок одну порцию ингредиентов за другой.

- Уйдут на остальных. При таком размере им и одного уцелевшего хватит, - хмуро проговорил Фалько.

- А если грести очень быстро? – вопросительно глянула Белка.

Она сидела рядом с дедом, помешивая адское зелье и время от времени то поднимая котелок на специальных выдвижных опорах, то опуская. Левую, распухшую и почерневшую половину лица она прикрывала свободной рукой, когда могла. А когда были заняты обе руки, как сейчас, девочка старалась повернуться к свету здоровой половиной, предупреждающе косясь на окружающих: «Только попробуйте, скажите что-нибудь!».

Гардекор покачал головой:

- Не выйдет. Даже если нас на веслах будет шестеро, как на пиратских шлюпках.

- А если... - глаза Найза, озаренного шальной идеей, вспыхнули ярче костра: – А если нам выстрелить из труб маслом с вашей смесью, а потом поджечь – тоже из труб, фейерверками?!

- Масло разбрызгается, - с сомнением моргнула служанка.

- Нет! Масло будет в бочках! Мы попадем бочкой в борт корабля, она разобьется...

- Или разобьет борт, получится дыра, и тогда продолжения не потребуется, - Эмирабель болезненно покривила в улыбке разбитые губы.

Алхимик расхохотался:

- А потом забьем мы заряд в трубу туго, и так угостим наших друзей, что поносит все мачты и ломает весла!

- Точно! Вы сможете?! – взволнованно подскочил мальчик.

- Если бы я был не алхимиком, а волшебником, который, к тому же, обучился на размысла по осадным орудиям!.. Конечно, смог бы! – хохотнул старик.

Физиономия Найза вытянулась:

- А... что тут такого... невыполнимого?

- Ничего! – улыбаясь и покачивая головой, словно только что услышал самую удачную шутку за год, проговорил Горату. – Если не считать, что я не могу вычислить угол, под которым бочка со смесью должна быть заброшена, чтобы поразить корабль, что я не имею достаточного количества подрывного порошка, способного забросить хотя бы одну бочку хотя бы на десять клозов, что я не уверен, что бочка при поджигании такого порошка не загорится тоже, или трубу не разорвет – а уж чего-чего, а этого нам не надо и в страшном сне, поверьте мне на слово! Еще причины назвать, или достаточно этих?

Алхимик с покровительственной усмешкой глянул на мальчугана, точно победил в жаркой дискуссии оппонента на кафедре в гильдии – и неожиданно потрепал его по поникшим вихрам.

- Но это была занимательная и оригинальная идея, молодой человек. Которая, как все такие идеи, пришла вовремя – но абсолютно без средств к своему воплощению.

Найз приосанился и даже улыбнулся – хоть и кривовато.

- Идеи идеями, а делать-то что теперь? – ворчливо вернула их к угрюмой действительности Илада. – Поджигать один?

Улыбки на лицах диверсантов растаяли. Они переглянулись, пожимая плечами и отводя глаза: ответ казался слишком очевидным.

- Конечно, если очень постараться, может, получится облить два... - неуверенно протянул гардекор – и вдруг заметил, что взгляды внучки и деда не отпустили друг друга, втянувшись в какой-то свой, непонятный чужим разговор.

Брови девочки поднялись и опустились пару раз, взгляд метнулся на что-то, расположенное среди завала алхимических сосудов вокруг костра. Брови старика неодобрительно сдвинулись. Брови Белки взлетели и застыли, глаза прищурились, будто оценивая цель. Ее дед зыркнул на сосуды, на котелок, на огонь – и насупился. Голова его медленно качнулась справа налево. Глаза девочки резко расширились, сверкая бесшабашным азартом...

- А я тебе говорю, что на текущей стадии эндотермической диффузии смеси Питла интервенция альтернативных субстанций...

Девочка вскочила, рывком поднимая котелок до груди:

- Альтернативных – да! Но если при гомогенной реакции, каковую мы проводим сейчас, гидратация ингибиторов, привнесенных на текущей стадии, будет проходить интенсивно, а не экстенсивно, что станет возможным при добавке адекватного катализатора!.. В итоге мы получим, как минимум, еще десять минут ко времени начала распада! Максимум – пятнадцать!

Если бы Эмирабель заговорила сейчас по-барзоански, или отрастила рога и копыта, или вознеслась на небо вместе с котелком, костром и куском пляжа, ошеломление и тишина не были бы столь полными – хотя и по разным причинам.

- Белка... - первым нашел, что сказать, старик. – Белка... Если ты не переживешь эту ночь... Наука тебе не простит.

- В первую очередь, меня не простишь ты, - скромно потупилась девочка, постреливая лукавым взором из-под ресниц. – А это для меня важнее того, что обо мне подумает какая-то старая гримза в прожженном реактивами фартуке.

Мастер Горату хотел что-то сказать – но только зыркнул на внучку с шутовской сердитостью и махнул рукой.

- Я тебя люблю, дедулечка! – просияла Эмирабель как солнышко – правда, чрезвычайно худое, ассиметричное и с огромным синяком на полдиска, но, как известно, и на солнце бывают пятна. – Вот увидишь, всё обязательно должно получиться!

И она, вручив опешившему деду котелок, бросилась откупоривать реторты и склянки.

- «Должно получиться»? – нашел голос и Фалько, и с не совсем наигранным ужасом возрился на Найза и Иладу: - Что этот маленький алхимический монстр имел в виду?

* * *

Лодка неслась к корме первого галеаса с небывалой скоростью, рассекая волны. Поджарая мускулистая фигура в зеленой кольчуге на голое тело сгибалась пополам и распрямлялась едва не в полный рост при каждом гребке. Найз вцепился руками в край банки, сосредоточив взгляд на бочонке, стиснутом между колен, и монотонно твердил:

- ...пятьдесят восемь... пятьдесят девять... шестьдесят – одиннадцатый раз... один... два... три...

С десяток минут назад он сделал довольно неприятное открытие: оказывается, человек может отсчитывать минуты вслух и одновременно мысленно изводить себя возможными вариантами катастрофы.

«Пираты нас увидят и убьют. Или потопят лодку. Или возьмут в плен. Или обстреляют, ранят и возьмут в плен. Или возьмут в плен и утопят. Или...»

Единственный вариант, не приходивший ему еще ни разу в голову, был «Пираты ничего нам не сделают, и мы всё успеем и спасемся», потому что с

каждой секундой он все яснее понимал, что такого исхода быть у их авантюры не могло по определению.

Было ли ему страшно?

Нет. Ему было жутко, до дрожи, до головокружения, до тошноты.

Если бы ему предложили вернуться, согласился бы он?

Нет.

Если бы его спросили, отчего, смог бы он ответить?

Тоже нет.

Потому что единственным ответом, пришедшим ему на ум, был бы «так надо», но что это объясняло, и объясняло ли хоть что-то, Найз не знал, и поэтому упрямо промолчал бы, сжимая пальцами теплый край доски до белизны костяшек.

Но никто его ни о чем не спрашивал, и вернуться не предлагал, и поэтому оставалось ему лишь твердить счет, как заведенному, и расширившимися глазами ощупывать пустынный левый борт галеаса: не заметили? не обратили внимания? не стреляют? не пустились в погоню?..

Обратили ли внимания пираты, занятые разгрузкой трофеев с правого борта, на выскочившую из темноты лодку с одиноким барзоанцем и мальчиком, было не понятно, но выяснять саботажники не стали. Лодка, вылетев из-за форштевня, плавно завернула и скользнула по обшивке носа, останавливаясь. Не дожидаясь команды, мальчик вытянул зубами пробку из доньшка бочонка и перевалил через борт. С глухим плеском бочка скрылась с глаз, но через несколько секунд медленно всплыла, точно больная рыба, и закачалась на волнах. Экспериментальная жидкость алхимиков стала разбегаться по воде нежно-бирюзовым маслянистым пятном. Дойдя до борта, оно прикрепило к дереву хрупким краешком и, словно плющ, зацепившийся усиком за шпалеру, поползло вдоль. Волны вздымались и опускались, и вместе с ними поднималась и опускалась жидкость Эмирабель, рисуя на темном мокром дереве странную ватерлинию.

- Сработало, - хрипло прошептал Найз, и впервые заметил, что позабыл не только считать, но и дышать.

- Да. Поехали дальше, - равнодушно кивнул Фалько.

Только человек, давно и хорошо его знавший, мог понять по его обманчиво-бесстрастному лицу, что гардекор только что сделал первый вдох после минуты затаенного дыхания – но не по неверию в искусство Эмирабель.

Фалько с высоты своего роста мог разглядеть то, что не увидел Найз: точно такую же бирюзовую ватерлинию волна нарисовала на обшивке и их лодки.

- Один, два, три!.. - спохватился мальчик, с усилием подвигая поближе следующую бочку. Фалько ободряюще подмигнул: «Давай, не спи!» - и снова налег на весла.

Второй галеас тоже стоял правым бортом вдоль берега, и погрузка награбленного также шла вовсю. Пираты на борту сноровисто тянули веревки, к которым были привязаны коровьи туши, мешки, сундуки, узлы, бочки – всё съедобное и несъедобное, приглянувшееся барзоанцам за их короткий, но плодотворный рейд. Сколько Найз ни всматривался в сновавшие фигуры, никого, хоть отдаленно похожего на эрегорцев или благородных гостей приметить не удалось. Не было или уже погрузили? А если погрузили, то когда мастер Горату подожжет корабли...

Эта мысль, простая, но страшная, снова заставила мальчика сбиться со счета. Он хотел спросить у Тигра, что тот думает, и не замечал ли где-нибудь пленных – но увидел пот, льющий с лица, ритмично вздувавшиеся мускулы на голых руках, сжатые от напряжения губы, сосредоточенно полузакрытые глаза – и прикусил язык.

С корабля что-то закричали.

Им?

Мальчик вскинул голову, но заметить кого-либо на фоне мешанины из снастей, почти сливавшейся с ночным небом, было невозможно. Оставалось

только надеяться, что окликали не их. Просто один пират вздумал что-то громко сказать другому. Или...

Тот же голос рявкнул с высоты нараспев что-то непроизносимое нормальными людьми – и в нос лодки вонзилась стрела.

Фалько выругался – тихо и без апломба, точно ждал этого. Найз побледнел и съежился, забыв все цифры разом, будто ожидал, что с секунды на секунду станет мишенью для десятка барзоанских арбалетчиков. Но вместо второй стрелы с кормы долетел всего лишь новый окрик, требовательный и раздраженный. Мальчик глянул на Тигра: что делать? И тут гардекор поднял голову и, не замедляя ни на мгновение ход их судна, выкрикнул что-то в ответ.

По-барзоански.

Найз изумленно моргнул, думая, что ослышался:

- Что... вы сказали?

- Не тебе... не отвлекайся... - сквозь стиснутые зубы пробормотал Фалько.

- Но это был не эрегорский язык!

- Не может быть! – фыркнул гардекор и сурово зыркнул на мальчика: - Сколько... времени... прошло?

- ...десять, двадцать, тридцать!.. – лихорадочным заговорил пацан, со стыдом соображая, сколько секунд или минут он потратил на пустяки – и сколько у них осталось. – Тридцать один, тридцать два...

С борта долетел новый окрик – правда, уже не гневный, скорее недоуменный.

Фалько поднял голову, снова проорал что-то певучее и быстрое, и зыркнул на Найза:

- Готов?

- Сорок один... сорок... да!

- Будем проходить мимо шлюпок... - стараясь не сбить дыхание, заговорил он, - втяни голову в плечи. Сделай испуганное лицо. Сбрасывай у носа. Останавливаться не буду. У следующего... сбрасывай две. Сразу у кормы. Плавать умеешь?

- Да! - соврал от неожиданности Найз.

- Нырять?

- Д-да...

- Сбросишь последнюю... сразу ныряем. Плыдем от берега прямо. Не выныривай... пока не станет невмоготу. Вынырнул... тут же снова ныряй. Понял?

- Но почему плыть от берега?! И зачем вообще выпрыгивать из лод...

- *Понял?* – сквозь стиснутые зубы прорычал Фалько.

Мальчик проглотил рвущиеся возражения и кивнул.

Чтоб выполнить указание Тигра по части лица, много усилий ему не потребовалось. Кожей чувствуя на себе взгляды всех пиратов, где бы они ни находились, очень просто было представить себя в толпе рабов или проткнутым стрелой подозрительного часового. И как будто простого страха смерти было мало, в голову вдруг пришла самая жуткая мысль: - *«Мы не успеем!»*

Спохватившись, что бросил счет, Найз попытался начать хотя бы с того места, где остановился, но тут они поравнялись со шлюпками у борта галеаса. Судорожно сглотнув сухим горлом, мальчик изобразил на лице высшую степень ужаса, поднял руки, закрывая ими голову – и, не в силах преодолеть любопытство, исподтишка скосил глаза на пиратов.

Под разгрузкой стояло две шлюпки. Одна только подошла, проседая едва не до края бортов под тяжестью трофеев. Вторая уже была почти пустая: шестеро барзоанцев – гребцов и грузчиков – привязывали последние мешки к свисавшим с борта веревкам и весело перекликались между собой. В тусклом свете фонарей Тигра было не отличить от настоящего пирата: все были с непокрытыми головами, коротко стрижены, на всех надеты одинаковые зеленые кольчуги на голое тело и

наручи из такого же металла – какие Тигр позаимствовал у одной из последних своих жертв, хотя назвать пиратов жертвами не поворачивался язык. «Но они же не знали, что встретят здесь Фалько», - неожиданно проскочила мысль, полная гордости и тепла, и Найз улыбнулся, беззаботно разрушая образ испуганного раба. И хоть остались пираты, осталась перспектива плавания и даже ныряния, остались арбалетки, выцеливающие их с борта, но на душе у мальчишки сразу стало необъяснимо спокойно.

Фалько здесь. Фалько с нами. А если Фалько с нами – кто против нас?

Со шлюпок долетел новый выкрик, и мальчик прикусил язык. Гардекор коротко ответил что-то, но пират, окликнувший их, не унимался. К нему присоединились другие. Новые вопросы – один за другим – посыпались словно град, и тишина, воцарившаяся вдруг на галеасе и шлюпке, резанула по ушам сильнее, чем рев сотен голосов.

- Кажется... сейчас будет... весело... - шало ухмыльнулся Фалько. – Эй, не уснул?

Найз пристыженно вскинул взгляд – и вовремя. Выдернув пробку, он торопливо перевалил бочку через борт. Та нырнула, грузно всплыла у форштевня, и мальчик увидел, как вокруг нее стало медленно расплзаться яркое бирюзовое пятно.

«Раньше оно не светилось...» - с холодком в душе подумал Найз и глянул на Тигра. Тот, словно прочитав мысли, нахмурился:

- Дозревает? Скоро начнет... разлагаться? Или как они... объясняли?

Сердце мальчика пропустило такт:

- Мы должны успеть! Скорей!

- Подтолкни, - фыркнул гардекор.

Найз вспыхнул, наклонился, чтобы подкатить оставшиеся бочонки, а еще больше – скрыть конфуз... и стрела, просвистев там, где была его голова, с мерзким дребезжанием впиалась в борт.

- Лежи! - прохрипел Фалько. – Стрельбище открывается!

- А вы?

- Как только найду... гребца на замену... сразу присоединюсь... к тебе, - кивнул он серьезно, и Найз почувствовал, как губы его растянулись в невольной улыбке.

Он соскользнул с банки, растянулся на настиле, подтянул к себе одну бочку, вторую, ослабил пробки, чтобы выдернуть их можно было без усилия – и замер, точно неподвижность могла уберечь от барзоанских арбалетов.

Фалько греб, налегая на весла что было сил, но тяжелая неповоротливая лодка не была предназначена для гонок – тем более, не с одиноким уставшим гребцом.

- Посмотри... где они... - надрываясь, прохрипел гардекор.

Мальчик приподнялся и выглянул из-за борта. Барзоанская шлюпка была клозах в двадцати от них и быстро настигала. Шестеро гребцов, работая веслами без особых усилий, сокращали расстояние между ними с каждой секундой.

- Совсем рядом! – отчаянно выкрикнул Найз, оглянулся...

Корма третьего галеаса нависала черной горой всего в десятке клозов впереди.

- Пробки вынь... рубахуними... и прыгай... - натужно скомандовал гардекор, вкладывая последние силы в давно проигранную гонку.

Лодка преследователей с треском врезалась в их корму. Найз рванул последнюю пробку и перевалился через борт вместе с бочонком, краем глаза успев заметить, как Тигр схватил весло и напал на пиратов.

Вода сомкнулась над его головой, заливая рот, глаза, уши... Ужас, испытанный недавно, вспыхнул заново – но на этот раз заставляя неистово молотить руками и ногами.

Вверх, вверх, вверх!..

Вода закончилась неожиданно, и он, еще не веря и не понимая, принялся хватать ртом воздух, колотя руками по волнам. Несколько секунд спустя мальчик успокоился, осознал, что если просто перебирать руками и ногами, то можно не утонуть – и в первый раз осмотреться по сторонам.

Лодки покачивались на волнах у самой кормы галеаса, почти не видные в его тени. На них, сверкая клинками, мельтешили темные фигуры. Человека с веслом было не разглядеть, но если шел бой, значит, Тигр был жив.

Взмахнув руками, кто-то упал.

У кого-то из рук выпал меч.

Что-то тяжелое пролетело над головами и ударилось в корму корабля...

«А-а-а, провались земля и небо!» - разнесся крик, заставляя сердце радостно забиться, сверкнула сталь взметнувшихся мечей – и тут же с оглушительным плеском кто-то рухнул в воду.

Тигр?!..

Люди, оставшиеся в лодках, дружно рванулись за упавшим – и отпрянули: в ореоле бирюзового пятна, ослепительного даже в блеклом свете месяца, всплыла бочка. Тела не было.

Тигр?..

Сердце мальчика замерло, и холод, точно подкравшийся из глубин океана, пополз по груди, стиснул горло и брызнул кипятком в глаза.

Тигр... как же так... Фалько... Тигр...

Момент истины пришел ясный, как белый день. Не было Тигра. Не было наемного убийцы. Не было вора и предателя. Был только один человек – капитан Бессмертных. Фалько. Всегда. А всё остальное – такая ерунда! Как он мог замечать ее вообще! Был Фалько – настоящий, живой, хоть какой! – а теперь его не стало!

Фалько!!!..

Найз всхлипнул, окунул в воду пылавшее лицо... и вдруг кто-то тронул его за плечо. От неожиданности мальчик погрузился с головой, в панике чувствуя, что снова идет ко дну...

Сильная рука вытащила его на поверхность, и голос Тигра тихо проговорил:

- Извини, визитную карточку вперед не прислал. Ну что, отплевался? Отбываем.

На поднятый Найзом плеск обернулись пираты. Выкрик по-барзоански подхватил еще с десятков голосов. Откуда-то сверху прилетело и вонзилось, буравя воду рядом с его лицом, что-то длинное. И еще, еще... Сухопутные рефлексy паренька заставили его метнуться в сторону и сжаться. Почувствовав, что тонет, он в ужасе замолотил руками и ногами.

Одна из стрел царапнула щеку гардекора.

- Палкой в глаз!.. Какого хромого Радетеля... - прорычал он, снова схватил мальчика за плечо, увлекая вниз – но тот вырвался, панически отплевываясь:

- Я!.. Не умею!..

Моментально всё поняв, Фалько рявкнул:

- Набери воздуха!!!

Еще несколько стрел просвистели мимо, с тихим шипением вгрызаясь в воду в считанных нолах от них. Не дожидаясь и не проверяя, выполнен ли его приказ, гардекор обхватил мальчишку за плечи и нырнул.

Перед самым погружением Найз услышал, как с берега донесся раскатистый грохот, и тьма озарилась огненными цветами фейерверков, которые со скоростью звездопада понеслись на вражеские корабли. И там, где раскаленные частички касались бирюзовой жидкости, она вскипала, выбрасывая фонтаны огня. Когда они вынырнули второй раз, задыхаясь и хватая ртом воздух, ночи больше не было: галеасы, шлюпки, и даже вода пылали адским бело-бирюзовым пламенем,

слепя глаза и отсекая от берега. Ни погони, ни мщения разъяренных барзоанцев не последовало: или у них появились занятия поинтереснее, или не осталось никого, кто мог бы связать гибель рейдеров со странной парой диверсантов.

* * *

Путь до берега в обход быстро догоравшего изумрудного костра занял у них почти час, минут десять из которого ушло на урок плавания для Найза. Если бы Фалько плыл один, несомненно, он добрался бы раньше, пока неторопливое декабрьское солнце еще собиралось с духом за горизонтом для нового дня. Но мальчик, слабый и неопытный пловец, быстро почувствовал, что силы его на исходе. Отдыхать на воде на виду у всех, когда первые лучи уже золотили край неба, было опасно, и гардекору пришлось подхватить его и тянуть за собой. Выбываясь из сил, чувствуя, что еще немного – и вытаскивать из воды придется уже его самого, Фалько плыл, то и дело меняя руки, но никакая тактика и техника не могли заместить отдыха – хотя бы короткого. Найз понимал это, и даже помогал, как умел, пока гардекор не рявкнул, чтобы тот прекратил, наконец, мешаться. Но ни толком обидеться, ни почувствовать себя униженным мальчик так и не смог, потому что счастье, настоящее на усталости и чувстве выполненного долга, сытой кошкой мурлыкало у него в душе.

Такое пожарище, даже если Аник до сих пор не добрался до капитана Дагона, должны были увидеть из самой Рэйтады. А это значит, скоро прискачет подмога и разгромит пиратов в пух и прах! Они победили! У них получилось! У них с Тигр... Нет, не с Тигром, с Фалько! *С Фалько!* Всё получилось – у них с Фалько!

А самое главное – Фалько вернулся.

И к своему изумлению мальчик вдруг понял, что ему всё равно, как и чем зарабатывает на жизнь человек, влекущий его по волнам через собственную

смертельную усталость. Что ему безразлично, украл ли он драгоценности Танара и герцогини из беседки. Что абсолютно не имеет значения, каков он, этот Сенон Третий – жесток или суров, умен или хитер, злопамятен или мудр. Главное было в том, что Фалько оставался Фалько, какое бы прозвище он ни носил и чем бы ни занимался. Это был человек, на рассказах о котором он вырос, которого любил, как отца, никогда им не виденного, и который направлял его по жизни, сам не зная об этом. Он существовал – и этого было достаточно.

Такое слово, как «прощение», не пришло Найзу на ум, но душа его вдруг расширилась до границ всего мира и первый раз за день вздохнула облегченно и счастливо.

Он простил.

Он принял бывшего капитана королевской гвардии таким, какой он есть – и будет теперь просто любить его, каков бы он ни был. Ведь идеалом сделал Фалько он сам. Он возомнил его недостижимым и непогрешимым кумиром, не имеющим права на ошибку – и подошел к живому человеку с мерками божества. А теперь пора было вспомнить, что Фалько – человек. Со своими слабостями, привычками и недостатками, но, самое главное – живой. И рядом.

С улыбкой Найз повернул голову, выглядывая, скоро ли берег – и увидел, как в предутреннем мраке впереди что-то пошевелилось. Он попытался крикнуть – но пересохшее от соли горло издало лишь тихий сип, а уже через секунду спина его коснулась дна.

- Приехали... - прохрипел гардекор, выпуская его из захвата, задыхаясь, опустился в прибой, перекатился на грудь и замер в изнеможении.

Найз закашлялся, завозился, пытаясь крикнуть – но поздно. Три фигуры вылепились из мрака и остановились рядом с измученными пловцами. Три меча уперлись в обнаженную спину Фалько, и мальчик почувствовал, что земля уплывает из-под него, проваливается, разверзается, отдавая могильным холодом и

тьмой... Один из барзоанцев наступил гардектору на запястье, склонился и потянул с пальца кольцо с головой тигра.

- Не брал бы ты его... - сипло проговорил гардекор, задрав голову и встречаясь взглядом с грабителем. – Несчастливое оно.

Но тот лишь рванул сильнее и рассмеялся. Другие заговорили враз, и певучая барзоанская речь зазвучала, как сталь на точильном кругу.

- Что... они говорят? – шепотом спросил мальчик.

- Что мы их пленники, - ответил Фалько, повернув к нему голову. – Но если они понесут меня... и дадут поспать... я согласен даже пойти к ним в рабство... часов на десять. А если покормят... то еще минут на тридцать.

Нести его, как выяснилось очень скоро, никто не собирался. Отвесив пленному несколько пинков под ребра и приставив мечи к шее, пираты дали понять, что у него есть два варианта: идти живым или лежать мертвым. Подумав над выбором – Найзу показалось, что почти всерьез – Фалько вздохнул и стал подниматься. Но, казалось, плавание отняло у него последние силы: как ни старался, он не мог встать даже на четвереньки. Ноги и руки его дрожали и подгибались, и гардекор раз за разом падал лицом в прибор.

- П-помоги... м-мне... - поднял он на мальчика мутный взгляд и промычал, в очередной раз растянувшись, точно пьяный.

- Да, сейчас, конечно!

Найз вскочил, костеря себя последними словами за то, что не догадался сам, опустился перед ним на одно колено и подставил плечо:

- Держитесь! Я сильный!

Фалько пробормотал что-то жалобное, перекинул руку через его шею, наваливаясь всем телом на спину, с трудом поднялся – и тут же схватился за живот, сделав мученическое лицо:

- Наглotalся... тошнит...

Барзоанцы с отвращением скривились. Командир патруля – офицер в коротком кожаном плаще с серебряной нашивкой – ткнул пальцем влево:

- Пащёал!

Фалько закивал, улыбаясь то ли приторно, то ли просто мерзко, и Найз сделал первые шаги, потрясенно дивясь перемене.

Офицер молча двинулся впереди. Воины еще раз оглядели добычу – двух обессиленных пленников, из имущества и одежды на которых были лишь короткие холщовые штаны, презрительно сморщились и зашагали сзади, угрюмо переговариваясь.

«Про корабли говорят», - догадался Найз и еле скрыл торжествующую улыбку.

В постепенно рассеивавшейся тьме он начал различать скалистый обрыв справа, уходивший краем в небо, галечный пляж, то сужавшийся до полуклоза, то разбегавшийся до ширины дворцовых ворот, мыс, рассекавший горизонт на полумрак и полусвет... Так вот где их вынесло! Там, где два часа назад они высадились, чтобы приготовить смесь!

И тут же старая-новая тревога кольнула в сердце: а где Илада? Где алхимик? Где Белка? Что с ними стало после залпа? Погибли? Были схвачены? Убежали? Но куда?..

Мальчик снова оглядел отвесные стены справа, волны слева, вспомнил каналы, впадавшие в залив и отсекавшие дорогу к бегству по берегу – и последняя надежда тихо угасла. Или схвачены, или погибли...

В очередном узком месте Фалько застонал особо душераздирающе, остановился, выпустил плечо Найза и, прижимая руки к желудку, согнулся и опустился на колени. Барзоанец, оказавшийся ближе всего, рыкнул что-то, поднял ногу для пинка... и вдруг растянулся на камнях с перерезанным сухожилием. Рывок, поворот, хруст – и меч его, сменивши владельца, зазвенел о меч второго пирата.

- В воду! – рявкнул гардекор, и мальчик, повинувшись не волей, а рефлексом, кинулся в волны.

Фалько обманным движением ушел от удара и обернулся. Молнией сверкнул метательный нож – и офицер повалился в прибой. Новый финт – и второй барзоанец рухнул лицом на камни. Раненый пират ухитрился поставить подножку и выхватить кинжал, но продлил свою жизнь ненадолго.

Гардекор поднялся, вытер меч о его штанину, и стянул с грязного пальца тигриное кольцо.

- Я ж говорил, что оно приносит несчастье, а ты не послушал, - меланхолично напомнил он труп.

Посчитав, что с эпитафиями на сегодня покончено, гардекор махнул Найзу вылезать, и стал деловито примериваться к сапогам одного барзоанца, штанам другого, оружию третьего... Выкарабкавшегося на берег мальчишку тоже поджидала персональная кучка снаряжения.

- Чего ты так долго? По воде соскучился? – хмыкнул гардекор, торопливо натягивая сапог.

- Там глубоко оказалось! Обрыв! – оправдываясь, Найз возбужденно ткнул пальцем в то место, откуда только что выбрался. – Кажется, подземная река вытекает!

Теперь, когда посветлело еще немного, стало заметно, что берег в этом месте уходит резко вниз, а вместо прибоя светлая масса пресной воды врзается в темные воды залива.

- Река?..

Фалько насторожился – а Найз улыбнулся вдруг и хлопнул себя по лбу рукой:

- Остолоп я! Не река это! Это речка-вонючка! – и, видя ошарашенное выражение на лице гардекора, торопливо заговорил: - Канал, который строители

отвели от реки под Дворцовый холм – для кухонь и слуг и всякого прочего! Воду брать и помои сливать! Говорят, он под всем дворцом проходит петлей!

- Д-да? Очень мило с его стороны...

Взгляд Фалько остановился на пару мгновений, ресницы опустились – верный признак, что гардекор что-то замышлял, как успел заметить мальчик – и не ошибся и в этот раз. Через несколько секунд гардекор, бросив сапоги под ноги Найзу, прыгнул в воду. Минуты четыре спустя, когда мальчик уже закончил серьезно беспокоиться и начинал открыто паниковать, вода под обрывом забурлила и, отфыркиваясь и отплевываясь, вынырнул Фалько.

- Подземный тоннель, - едва отдышавшись, сообщил он. – Нам туда.

* * *

Найз выбрался на узкий, покрытый чем-то склизким карниз и огляделся. Тоннель оправдывал самые худшие его ожидания. Низкие своды, выдолбленные в скале, заставляли склонять голову даже его. Неровные стены, покрытые пятнами светящейся плесени, оставляли следы на коже и одежде. Воды подземного рукава реки, казавшиеся черными, неспешно пропадали в зеве стока, через который они с Фалько попали сюда. Сделав несколько вдохов, мальчик поморщился от затхлого привкуса гнили и нечистот. Вот он какой – настоящий запах приключений, вспомнился Найзу разговор в начале их одиссеи.

Впрочем, при всех недостатках подземный ход обладал одним неоспоримым достоинством. Здесь не было барзоанцев, и первый раз за несколько часов можно было просто идти, не ожидая с минуты на минуту окрика, патруля или стрелы. А еще лучше – лечь и поспать. Ведь всё, что могли, они с Фалько сделали, и разве героям, только что потопившим рейдерский флот, не полагалось несколько часов сна?

Гардекор развязал плащ барзоанского офицера, достал два меча, ножны и ножи. Остальное, упаковав обратно, протянул Найзу:

- Держи, понесешь. Мне нужны свободные руки.

Мальчик принял узел – и снова взгляд его задержался на странном оранжево-черном кольце Фалько.

- Это из-за него ты постоянно называешь меня вором? – спросил гардекор, перехватив его пристальный взор.

Паренек вспыхнул до корней волос.

- Нет! Я... То есть... Я не называю... Не вас... не вором...

- Ну так вот. Если тебе действительно это так интересно, я не украл его, - тихо проговорил Фалько, двигаясь вперед, - а всего лишь вернул.

- Герцог Танар когда-то отобрал его у вас? – удивленно моргнул Найз. – Оно, должно быть, очень дорогое?

- Нет. Это простой камень – «тигриная шкура». В Эрегоре он не встречается, но в других краях он не дороже грубого нефрита или кровавика.

- Тогда зачем он его отнял?

- Некоторые люди отнимают не для того, чтобы было у них, а чтобы не было у другого, - гардекор пожал плечами. – Он знал, что кольцо дорого мне как память о... о человеке... который спас мне жизнь, когда я валялся на дороге между жизнью и смертью. Давно. Когда я еще был... свободен.

- А сейчас не свободны? – Найз удивленно моргнул.

- Сейчас – тоже свободен. Как ловчий сокол, - хмыкнул Фалько.

Найз вспомнил слова герцогини в черном и нахмурился:

- Та женщина... ночью в беседке... сказала, что вы... Назвала вас...

- А, Оглинда... Поговорить всегда было ее слабостью, - закаменело лицо гардекора.

Найз видел, что его спутник не настроен на откровенность, но что-то, будто сидевшее в засаде эти несколько часов, неумолимо дергало его за язык:

- Она говорила, что вы были рабом, и гладиатором, и наемным убийцей...

Но как вы оказались... когда дядя Лимба вас вынес...

- Так это был он? – Фалько резко взглянул на мальчишку и, не дожидаясь подтверждения, усмехнулся: - А ведь тебе действительно это интересно...

После минутного молчания, когда Найзу уже казалось, что беседа их завершена, гардекор тихо выдохнул:

- Ну, слушай, парень... если интересно. Хотя, на самом деле, ничего интересного нет. Меня подобрал на дороге караван бродячих торговцев, посчитав Лимбу за покойника. Они же стали меня выхаживать. Я долго валялся беспомощный, как слепой котенок, а когда стал хоть немного похож на человека, оказалось, что от Эрегора мы успели уйти далеко...

Фалько говорил ровным отсутствующим голосом, как будто рассказывал про кого-то другого или выдуманную историю из книжки. Будто ему и в самом деле было всё равно, что с ним случилось двадцать лет назад – или он старательно в этом кого-то убеждал.

Не исключено, что себя.

- ...Когда же я снова смог вставать и ходить, сразу выяснилось несколько фактов. Первый – что мы с женой караванщика любим друг друга. Второй – что караванщик отпускать ее не собирается. И третий – что самым надежным способом решить эту проблему он, как человек практичный, считает продажу меня в рабство. Например, барзоанцам, подвернувшемуся весьма кстати – или некстати, для кого как. Гребцы на галеры им требовались всегда. Дальше был длинный и скучный период, состоявший из побегов, побоев, работы, мятежей – в разном сочетании, пока вблизи от одного гельтанского порта мне не удалось бежать окончательно. Но судьба отчего-то решила, что у нее есть чувство юмора: первыми, кого я встретил на славных гельтанских берегах, были работорговцы. Они убедили меня, что я не создан для свободной жизни, и продали в гладиаторы. Что было дальше – ты слышал.

- Так кольцо – подарок... той женщины из каравана? – мучительно жалея, что не умел проваливаться сквозь камни, выдавил Найз.

Фалько кивнул.

- Она меня всё время поддразнивала, что с моей исполосованной физиономией я похож на тигра. А однажды принесла этот перстень.

- И вы... больше никогда не виделись?..

- Нет, - коротко ответил гардекор и, немного помолчав, еле слышно добавил: - Но долетали слухи... что она умерла.

- Извините... - еще больше сконфузился мальчик.

- С людьми это бывает, - одними губами усмехнулся Фалько и глянул на Найза: - Ну что, с «вором», кажется, мы разобрались? Что у нас осталось в списке? «Предатель»? Кого и когда я предавал?

- Нет, я вовсе... - мальчик не знал, куда деваться от стыда и смущения, но гардекор мягко похлопал его по спине:

- Выкладывай, парень. Не держи змею за пазухой.

Найз опустил глаза и, сосредоточенно глядя под ноги, точно на карнизе были написаны нужные слова, выдавил:

- Я... мне... не понятно было... как капитан Бессмертных мог... женщина в черном сказала... что за деньги... а Сенон... злой и жестокий...

- Как капитан Бессмертных мог предать идеалы молодости и за деньги продаться подлому садисту, или как там цветисто выразилась разлюбезная герцогиня? – хмыкнул гардекор.

Мальчик подавленно кивнул.

- Начнем с того, что идеализм в двадцать пять лет – нормальное состояние, а в сорок пять – признак душевного заболевания. Я похож на психа? – Фалько остро глянул на мальчика, и тот помотал головой.

- Что касается Сенона... - задумчиво поджав губы, продолжил гардекор. – Думаю, ты не знаешь, что до недавнего времени – а именно, пока он пять лет назад

не захватил престол – Гельтанию медленно убивали междоусобные войны. Предыдущий король был слаб, а его герцоги честолюбивы и беспринципны. Сенон отметил начало своего правления массовыми арестами и казнями самых энергичных герцогов и их приближенных. Так он привлек к себе знать помельче, гильдии и крестьян, больше всего страдавших от постоянной грызни высших аристократов. Но это не дало победы, а всего лишь уравнесило его силы с герцогскими. Наступил черед не открытых ударов, но интриг и заговоров. И тут как, нельзя кстати, старику Сенону пришелся ко двору новый телохранитель: удачливый, сообразительный, умелый, способный хранить тайны и просто обаятельный красавец в расцвете сил. Теперь Гельтания могла спать спокойно. Ну или те ее дети, которых я имел удовольствие навестить по поручению короля, – ухмыльнулся гардекор.

- Но какое вам дело до Гельтании? – недоуменно воскликнул Найз. – Они там издевались над вами, унижали вас, они...

Фалько усмехнулся:

- До Гельтании – никакого. Но, хоть тебе это и покажется странным, наемники тоже могут испытывать чувство благодарности.

- К кому?!

- К великому герцогу, завсегдатаю гладиаторских боев, ценителю хороших бойцов. Он вытащил меня из передраги с легкомысленной Оглиндой и ее мстительными братьями и взял телохранителем. Для вчерашнего гладиатора, к тому же едва не ставшего кормом для крокодилов Арены, это был немислимый скачок вверх. А когда герцог после удачного переворота вышел в короли, круг обязанностей его телохранителя немного расширился.

- И вы стали убивать по его приказу кого попало? – с сочувствием проговорил мальчик.

- Кого попало убивает ветрянка, - брюзгливо ответил Фалько. – А я стал блюстителем сильной королевской власти. В конце концов, если ты живешь в какой-то стране, то или заботься о ее благополучии, или проваливай в другую.

- Но вы же и вправду могли вернуться в Эрегор! – вспыхнули старым огнем глаза мальчишки. – Вы тут герой!

Гардекор приглушенно хохотнул:

- И как ты себе это представляешь? «Здравствуйте, я – офицер для щекотливых поручений короля Гельтании, бывший гладиатор и галерный раб, а вообще-то – тот самый Фалько, который памятник»? Нет, парень. Пусть капитан Бессмертных мирно покоится под своей стелой. Пусть в него играют дети и балаганные лицедеи. Бывает поздно, а бывает слишком поздно, и второй случай – мой. Фалько умер, Найз. Ты прав. Остался Тигр – другой человек, думающий другие мысли, совершающий другие поступки... Или не совершающий те, которые совершил бы Фалько. К тому же быть живым гардекором гораздо интереснее, чем живым памятником.

- Но, может, родственники по вас скучают? Родители? Братья? Сестры?..

- Не скучают, - тихо ответил гардекор. – Симарон позаботился об этом двадцать два года назад.

Он смолк, и некоторое время они шли, не проронив ни слова: мальчик – пригибаясь под неровными низкими сводами и то и дело поправляя сползавший узел, Фалько – рассеянно поигрывая ножом.

- А тебе не кажется, что теперь моя очередь задавать вопросы? - неожиданно улыбнулся гардекор.

- О чем? – удивленно моргнул Найз.

- Например, о старине Лимбе. Так нечестно: ты знаешь обо мне всё, а я о вас – ниче...

Не договорив, Фалько вдруг замер.

- Что?.. – настороженно расширив глаза, шепнул мальчик, но через секунду уже и сам услышал, как справа и чуть впереди, в липкой душной тьме бокового тоннеля, плеснула вода.

Фалько схватил его за плечо и притиснул к камню: «Не двигайся!», а сам, с мечом и ножом наготове, плавно устремился к зеву хода. Прикинув к стене, он прислушался, выглянул... и покашлял.

- Доброе утро, прекрасная Эмирабель, очаровательная Илада...

- Мастер Тигр! – голос служанки зазвенел от невыразимого облегчения. – Эмирабель, это мастер Тигр! Он нашел нас! Я же говорила! Теперь всё будет хорошо! А мальчик?..

- Я здесь! – Найз прыгнул в воду, и эхо радостного плюха на несколько секунд заполонило всё пространство.

Шорох дерева о камень – и в главный тоннель выплыла небольшая плоскодонка. На носу ее с шестом в руках стояла Белка – осунувшаяся, с опухшими глазами и раздутой сине-черной щекой. Рядом с ней сидела Илада, прижимая к груди правую руку, перевязанную до локтя каким-то тряпьем. Старого алхимика с ними не было.

- Мастер Горату?.. – поняв всё, уточнил Фалько на всякий случай.

Девочка вместо ответа уткнулась лицом в ладони и беззвучно зарыдала. Илада привлекла ее к себе здоровой рукой, посадила рядом, обняла и прижала к груди. Шест упал в воду, но про него никто и не вспомнил.

- Одна труба взорвалась, - тихо и устало заговорила служанка. – Мастера Горату убило на месте. Меня обожгло. Пока мы поняли, что старику ничем не поможешь – барзоанцы опамятовались, в нашу сторону побежали. А я даже весла взять не могу... Хорошо, что про речку-вонючку вспомнилось. Похватили из запасов, что успели – и сюда...

- А пираты, увидев мертвого, лодку и остатки припасов, решили, что он был один – и не стали больше никого искать, - медленно закончил Фалько и,

опустив глаза, поднял по эрегорскому обычаю ладони вверх: - Да примет Святой Радетель душу мастера Горату в свои длани.

- Да примет... - эхом повторили Найз и Илада.

Некоторое время в подземелье висела тишина, такая же темная и тяжелая, как мрак вокруг них. Первой нарушила ее девочка. Освободившись от объятий Илады, она повернулась к спутникам:

- Я... Спасибо... Уже всё в порядке.

Голос ее звучал глухо и безжизненно.

- Мы все соболезнаем тебе, Эмирабель, - мягко тронул ее за руку Фалько.

– Но ты можешь по праву гордиться твоими мужчинами: они были настоящими героями и умерли так, как многие могут только мечтать – защищая других. Они ушли победителями.

Белка, конвульсивно всхлипнув, снова уткнулась в плечо Иладе, обхватила ее и замерла – лишь вздрагивали плечи.

- Девочка... бедная моя девочка... ну же... ну... Белочка... милая... хорошая... славная... девочка моя... ласточка... маленькая девочка... - мягко, нараспев зашептала служанка, глядя ее по голове, и Эмирабель постепенно стала затихать.

Найз прикусил губу и опустил глаза: не зная, что говорить в таких случаях и что делать, он чувствовал себя необъяснимо виноватым – одним своим присутствием, тем, что был жив, цел – и ничего не мог исправить...

- Куда мы дальше? – шепотом спросил он Фалько, но Илада услышала.

- Прятаться тут будем, пока пиратов не перебьют! - горячо заговорила она, и неожиданно весь страх и боль, скопившиеся за ночь, заплескались в ее словах подступающими слезами. – Здесь мы в безопасности! Никто из барзоанцев про тоннели не знает! Искать они нас больше не ищут, вы же сами сказали! Значит, надо просто сидеть и ждать! Тут они нас никогда не найдут! Даже не догадаются! Не надо отсюда никуда уходить! Пожалуйста!..

Гардекор немного помолчал, задумчиво хмурясь и, наконец, поднял взгляд на товарищей:

- Это – самый разумный вариант. Но чтобы просидеть здесь день, может, несколько, нам понадобятся припасы не только алхимические. И еще нужны мази и чистые тряпки Иладе на перевязку.

Взгляд его остановился на служанке.

- Отсюда можно попасть на кухню?

- Конечно, можно! – с видимым облегчением закивала она. – Надо найти колодец. Там даже лестница есть. Скобы большие. Можно подняться осторожно, и...

- Так и поступим. И самое главное – осторожно.

Губы гардекора покривились в неуловимой ухмылке, заставившей сердце Найза подпрыгнуть в ожидании неведомо чего, но не прятки длиной в неделю.

- Знаешь, где это? – продолжил он.

- Да, я провожу! – радостно воскликнула Илада, но тут же скривилась от боли.

- И не бойся, самое главное, - Фалько встретился в ней глазами и ободряюще улыбнулся. – Всё будет хорошо.

* * *

До колодца, служившего поварам и прислуге для слива помоев, оказалось далековато – не менее получаса медленного пути на перегруженной плоскодонке. Позади то и дело оставались боковые тоннели, большие и маленькие: похоже, весь холм был изрыт ходами, как гелланский сыр. Когда мальчику уже начинало казаться, что плывут они бесконечно, что Илада заблудилась, и что холм скоро кончится вместе с каналом и они окажутся снаружи, лодка остановилась. Найз

глянул вверх и увидел в своде отверстие диаметром с клуз. Из одного его бока торчала широкая ржавая скоба – ступенька обещанной лестницы.

Фалько встал осторожно, чтобы не перевернуть неустойчивую лодчонку – и голова его оказалась внутри колодца. Он сдвинул пояса с мечами за спину, поднял руки, подтянулся, нашел ногами нижнюю скобу – и пропал из виду.

- А если там пираты? – обеспокоенно подняла голову Эмирабель.

Найз пренебрежительно выпятил нижнюю губу и повторил слова Фалько, слышанные давно – кажется, в прошлой жизни:

- Это их проблемы.

Девочка невольно улыбнулась, кривясь от боли в разбитых губах и лице:

- Ты в нем так уверен?

- Он самый лучший, - констатируя факт, гордо проговорил Найз.

- Ты давно его знаешь? – спросила Илада.

Мальчик помолчал несколько секунд и твердо ответил:

- С семи лет.

И, не понимая, какая нелегкая дергает его за язык, добавил:

- Это мой отец.

- У тебя очень хороший отец, Найз, - проговорила служанка, с чувством стискивая руку мальчика. – И он очень хорошо тебя воспитывает.

- Лучше всех, - расплылся в довольной улыбке мальчишка и встал. – Ждите здесь. Мы скоро вернемся.

И под встревоженное женское «постой, ты куда?!» встал на банку, ухватился за нижнюю скобу, подтянулся, перехватился – и пополз по каменной трубе вверх.

Когда он был где-то на середине, сверху донесся голос Фалько:

- Эй, там, на корабле! Отгребите в сторону! Считаю до пяти! Раз...

Мальчик услышал внизу обеспокоенные голоса, плеск воды, и на счет «шесть», едва не сбрасывая его с лестницы, мимо пролетело что-то большое и с

грузным плеском рухнуло в канал. И сразу же – еще одно, слегка задев его по макушке.

Найз, прижимаясь к скобам как можно плотнее и каждую секунду ожидая третьего, с удвоенной скоростью принялся карабкаться вверх, к замаячившему в проеме тусклому свету. Но самое главное – к запаху. Головокружительному аромату свежеспеченного хлеба, жареного мяса и еще чего-то такого, чему он и названия-то не знал, но чем, наверняка, только Святой Радетель угощал души праведников.

Когда его голова показалась над уровнем пола, первое, что он увидел – откинутую решетку, воронкообразное углубление в полу, и на краю – поджарую мускулистую фигуру с мечом в руке, стоявшую спиной к нему.

Заслышав шорох позади, Фалько мгновенно обернулся – и мученически закатив глаза, протянул руку:

- Вылезай...

- Их было двое? – Найз настороженно зыркнул по сторонам, но взгляд его наткнулся лишь на потерянно застывших кухарей.

- Двое, - рассеянно кивнул гардекор и повернулся к столпившимся людям. – Значит, около трех сотен, говорите...

- Около трех, да, вчера, - толстяк в белой куртке нервно прижал руки к груди. – Пленных кормить распоряжения не было, только пиратов, поэтому я точно знаю.

- А сегодня?

- Приказали завтрак готовить и на пленных тоже. Королям – мяса, а знати пожиже – хлеб да воду, - и для вящей убедительности повар ткнул себе за плечо.

Найз проследил взглядом за пухлым пальцем, в первый раз оглядывая место, куда он попал – и охнул. Никогда в жизни он даже не представлял, что на свете может быть такое огромное помещение, не говоря уже о том, что всё оно – кухня! Посредине стояли бесконечные столы, заставленные самой разнообразной

посудой, вдоль стены зияли, подобно воротам, огромные очаги, в которых можно было целиком зажарить быка, но все они, кроме десятков полутора, были холодны и пусты. В тех, что пылали огнем, кухонные собачки в колесах крутили вертела с насаженными на них бараньими тушами. Чуть дальше в печах за закрытыми заслонками пеклись хлеба. А какой при этом стоял запах!.. Потревоженный желудок заскулил, и мальчик смущенно зажал его руками.

Фалько обернулся к повару:

- Мастер... э-э-э...

- Планцер, - быстро подсказал хозяин кухни.

- Планцер, - повторил гардекор. – Мы были бы вам чрезвычайно признательны, если б для скромных борцов с пиратством на эрегорской земле вы отыскали бы хлеба, сыра, мяса, овощей и вина в количествах необходимых, но достаточных.

- А... Кхм. Конечно, - переведя с фальковского куртуазного на простой человеческий, толстяк повернулся к женщине в белом переднике, робко топтавшейся справа, и распорядился, как король при дворе: - Валтана, слышала? Собери. Да побольше!

- А еще на случай ожогов у вас должен быть сундучок?.. – вопросительно глянул гардекор.

Мастер Планцер величественно подал знак высокой худой кухарке с лицом, изрытым оспой:

- Принеси, Леза.

- И не забудьте хлебного вина и чистой ткани для перевязки, любезная Леза, - галантно добавил Фалько.

Когда припасы укладывались в корзину, гардекор оторвал горбушку черного и шлепнул на нее кусок мяса.

- Спускайся. Помоги Белке перевязать Иладу и поешьте, - невесть как умудряясь четко говорить с набитым ртом, приказал он Найзу. – Потом спите.

- А вы?

- Схожу, свежим воздухом подышу, - легкомысленно хмыкнул гардекор, точно речь и вправду шла о променаде после завтрака.

- Куда?

- Мастер Планцер расскажет, куда, - подмигнул повару Фалько и, пока не убедился, что мальчик спускается по колодцу с мешком и не слышит, не проронил ни слова.

* * *

Когда Найз вернулся на кухню, честно выполнив все поручения гардекора, кроме поспать, его еще не было.

Повара суетливо метались от столов к очагам, от очагов к печам и обратно, постоянно что-то роняли, теряли и путали, и всё это время то со страхом посматривали на двери, то хмуро косились на незваного гостя. Найз сначала возмутился таким отношением, но успокоившись, понял, что если придут барзоанцы в поисках своих товарищей, объяснить им пропажу и пятна свежей крови на полу будет очень непросто. Он хотел расспросить, куда подевался Фалько, но неприязненный взгляд мастера Планцера заставил слова застыть на языке. Поэтому мальчику ничего не оставалось, как выбрать местечко поспокойнее, присесть... и заснуть.

Долго ли он проспал, Найз не понял: голос Фалько внезапно зазвучал совсем рядом, повелительно и строго. Глаза парнишки моментально раскрылись и забегали, обводя кухню осоловелым взглядом.

- А, ты здесь, - остановился гардекор при виде него.

Лицо его было серьезно и сосредоточено.

- Что случилось? – вскочил Найз, нащупывая за поясом рукоятку кинжала, готовый и к бою, и к отступлению.

- Войско пришло из Рэятады.

- Откуда вы знаете?

- Поднимался на одну из башенок посмотреть, что вокруг делается.

Подошло тысячи три, гвардейцы и регулярные, под командованием капитана Дагона. Окружили всё, начали занимать парк. Туда барзоанцы их пустили без боя. Но во дворец эрегорцы пока не суются.

Кухонный люд, бросив валившиеся из рук дела, с боязливым возбуждением сгрудился вокруг гардекора.

- Будет штурм, выходит? – пряча дрожащие руки подмышки, спросил мастер-повар.

- Не думаю, - покачал головой Фалько. – Ваши высылали парламентаров, и переговоры вел не Дагон. Значит, надеются договориться.

- До чего?! Это ж убийцы! Колдуны проклятые! – Леза яростно сжала нож в кулаке. – Чего с ними говорить! Повесить на ограде всех до единого! За то, что они со стражниками сделали! А с Нелью! Мидленой! С другими!.. – голос кухарки сорвался.

- А что с ними случилось? – нахмурился Фалько.

- Перед тем, как они появились, все, кто держал в руках оружие, или просто нес его, да что оружие – ножи кухонные! – упали замертво! Ни с того, ни с сего! И кровь кругом... отовсюду... везде... А я только-только хлеб резать закончила и ножик отложила! А Нель его взяла! А Рика морковку чистил, там лезвие было величиной с мизинчик!..

Лезу, трясущуюся и белую, как саван, молча обняла стоявшая рядом кухарка.

- Если бы дворец не был доверху набит королями и прочей знатью, его обязательно стали бы штурмовать, - угрюмо продолжил гардекор. – Но теперь, сдается мне, ваши всего лишь предложили барзоанцам убраться в целости – при условии, что отпустят заложников. Но, похоже, те не согласились. Или не верят,

или на что-то рассчитывают. Я бы на их месте пригрозил убийством королей и потребовал новые корабли. Самое разумное со стороны ваших – корабли им эти предоставить, но такие, что продержатся на плаву максимум день. Потом барзоанцам придется высадиться на берег – всё еще эрегорский, кстати – в объятия гвардейцев и солдат.

- А что тогда будет с пленными?! – не вытерпел Найз.

- Воля Радетеля, - гардекор возвел руки горе – и тут же опустил. – Ну и моя, конечно, тоже. Сдается мне, пришла пора заканчивать валять дурака и начинать отрабатывать жалованье Сенона.

Поправив мечи на поясе, он отыскал глазами в толпе мастера Планцера:

- Где держат наших обожаемых монархов, вершителей судеб, наперсников фортуны и избранников Радетеля, вы, конечно, знаете?

- Обожаемых – не знаю, - мрачно хмыкнул повар, понемногу начинавший привыкать к манере гардекора изъясняться. – А вот всех остальных...

* * *

Сгибаясь под тяжестью короба, Найз тащился по коридору, изо всех сил стараясь не глазеть по сторонам на стены, обитые шелком, картины, охотничьи трофеи, гобелены... «Под ноги лучше смотри – того и гляди носом клюнешь», - то и дело сердито напоминал он себе. – «Настоящий поваренок это тыщу раз видал, пялиться не станет!»

Под ноги смотреть действительно стоило: вещи, приглянувшиеся пиратам, но потом сочтенные недостаточно ценными, устлали пол едва ли не сплошным ковром. Но еще больше смотрению под ноги способствовали то и дело проходившие мимо барзоанцы. Заслышав приближающиеся тяжелые шаги и звон снаряжения, Найз торопливо опускал глаза, втягивал голову в плечи и не выпрямлял спины, пока шаги не стихали за поворотом.

Со стороны их процессия выглядела обыденно: цепочка кухарей, сгибаясь под тяжестью корзин с едой, тащилась за высокомерным барзоанским воином.

Мельком уловив свое отражение в мутном зеркале комнатки, дверь которой была распахнута настежь, Найз покачал головой. Его бы сейчас не узнала и мама родная, впрочем, как и всех остальных кухарей и даже самого Фалько. Изображая последствия небольшого кухонного пожара, на сажу, масло и золу гардекор не поскупился. Пусть даже их маскарад носил следы попыток смыть копоть – таких же фальшивых, как и сам пожар – лица он скрывал от этого не хуже, а лучше. Хотя сколько еще можно было пройти по кишасшему пиратами дворцу, привлекая к себе лишь поверхностное внимание, мальчик думать боялся.

За прошедшие пять минут проходившие мимо пираты несколько раз останавливались поглазеть на них и даже что-то спрашивали, но Фалько, пренебрежительно тыча в них пальцем и смеясь, каждый раз отводил грозу.

Пока.

Певучий барзоанский говор донесся спереди неожиданно, и их колонна остановилась. Знакомый ледяной комок шевельнулся в желудке, Найз спешно ссутулился и украдкой выглянул из-под нависшей челки.

В нескольких шагах от него Фалько что-то нетерпеливо объяснял паре барзоанцев. Один, с перевязанной головой, морщился и слушал рассеянно, второй же поочередно косился то на эрегорцев, то на гардекора, и Найз с замиранием сердца заметил, что с каждым взглядом на Фалько лицо пирата приобретало всё более озадаченное выражение.

«Вспоминает, кто бы это мог быть!» - понял мальчишка – и тут же с холодком в душе увидел, как пират прищурился, нахмурился, пожевал губами, точно прикидывая, как бы поточнее задать вопрос... Что это будет за вопрос, как гардекору придется на него реагировать, и что случится дальше, знали все пятеро замерших от ужаса эрегорцев. Фалько, дружелюбно улыбаясь, скрестил руки на

груди, и пальцы его, точно невзначай, сомкнулись на рукояти метательного ножа, скрытого в левом наруче.

Повинуясь внезапному импульсу, Найз наклонился и, поправляя вновь сползший короб, дернул ремень,— но на этот раз изо всех сил. Короб подпрыгнул выше головы, бросил мальчика на пол, увлекая своей тяжестью, сорвался с плеча и ударил Лезу под коленки. Кухарка взвизгнула, шлепнулась, роняя корзину, но тут же вскочила – и отвесила Найзу яростную оплеуху. Эрегорские ругательства, простые и забористые, как дешевое вино, рекой полились на голову мальчишки. Остальные кухари, словно очнувшись от морока, загомонили наперебой... И тут на них налетел Фалько. Растолкав эрегорцев, он ухватил мальчика за шкирку, поставил на ноги, дал подзатыльник и грозно рыча, ткнул пальцем в короб – и вдоль по коридору.

- Больвань! Пащёал!

Найзу дважды повторять было не надо: закинув ношу за плечи, он побежал вперед, всем своим видом изображая раскаяние и рвение. Остальные кухари поспешили за ним. Махнув рукой ухмылявшимся барзоанцам, вслед за своими подопечными рванул и Фалько.

Догнав Найза, он замахнулся – и снова рука его опустилась на голову виновника переполоха. Со стороны это могло показаться очередным подзатыльником, но мальчик почувствовал, как загрубевшая ладонь ласково взьерошила его вихры, а с губ гардекора сорвалось еле слышное:

- Хорошо придумано.

Щеки Найза залила горячая краска удовольствия.

* * *

Они прошли еще с полсотни клозов по главному коридору, свернули направо, спустились по лестнице, и очутились еще в одном коридоре – темном, с

низкими, давящими сводами. Ни факелов, ни ламп, ни свечей на стенах, и только вдали – тусклое сияние одинокого фонаря.

И голоса.

Часовые!

Сердце мальчишки екнуло, ноги остановились, рука сама по себе потянулась под фартук за спрятанным кинжалом, но, вовремя одернув себя, он ухватился покрепче за ремень корзины и с самым равнодушным видом, какой смог принять, двинулся вперед. Туда, где голова их маленькой колонны уже остановилась, как бы невзначай загородив весь проход позади гардекора.

Проворно опустив корзину на пол, Найз протолкался сквозь кухарей и увидел, как Фалько с раздраженным видом объясняет что-то двум пиратам у двери, показывая то на прислугу, то на продукты, то куда-то в потолок, не иначе, как имея в виду командиров.

С отвращением оглядев чумазных эрегорцев, в темноте больше похожих на приспешников Долдыка, один часовой снял с пояса ключ и повернулся к двери. Второй, щурясь недоуменно, приблизился к Фалько и заглянул ему в лицо. Хотел ли он что-то сказать, так никто и не понял: рука гардекора неуловимо скользнула, сверкнуло короткое лезвие – и пират, захрипев, повалился. Второй барзоанец схватился за топор – но слишком поздно.

Глухо щелкнув замком, дверь отворилась. Фалько, не переступая порога, высоко поднял фонарь, освещая себя, столпившихся сзади людей, и два тела у входа.

- Ваши величества, с добрым утром. Прошу не пытаться меня убить – желающих и без вас слишком много. Те, кто хочет покинуть это гостеприимное помещение, сейчас должны будут следовать моим указаниям, и очень быстро. Остальных не смею тревожить.

Из-за косяка, справа и слева, не слишком уверенно выступили трое бородатых громил, сжимавших в кулаках какие-то деревяшки – ножки от столов, как показалось мальчишке.

- Ты не барзоанец? А эти люди кто?

- Это провокация!

- Кто ты и как сюда попал, если не в сговоре с этими мерзавцами?

И тут, протолкавшись сквозь пленных у входа, в круг света выглянул низкорослый сутулый старик. Один взгляд на фигуру вошедшего – и по лицу его пробежали восторг, изумление, радость... и тут же сменились показным недовольством.

- Ты заставил себя ждать, Тигр.

- Прошу прощения, ваше величество, - Фалько почтительно склонил голову. – В следующий раз, когда вас захватят три сотни пиратов, я постараюсь справиться с ними порасторопнее.

- Я очень на это надеюсь, - брюзгливо процедил старикан – и вдруг рассмеялся, обнажая мелкие крепкие зубы: - Палкой в глаз, Тигр! С тех пор, как я вытащил тебя с Арены, у меня не было ни единого случая пожалеть об этом!

- А у меня не было на это времени, - шкодно ухмыльнулся гардекор.

- Зачем нам рисковать с побегом, если можно просто дождаться, пока нас выкупят? – сердито выступил вперед бородатый мужчина.

- А вы уверены, ваше величество, что те, кто будет вести переговоры от вашей страны, не решат, что за вас попросили слишком много? – наивно приподнял брови гардекор. – И что новый правитель обойдется казне дешевле?

Бородач яростно зарычал, сжал кулаки, но Фалько, не обращая внимания, уже продолжал:

- К тому же у пиратов больше нет кораблей, а у ворот дворца топчутся в сомнениях три тысячи отборных эрегорских вояк. Но если начнется штурм, то из вредности, присущей барзоанцам, первыми его жертвами можете стать вы.

- Как – нет кораблей? – остановился в шаге от Фалько и ошалело заморгал бородатый.

- Сгорели, - гардекор сокрушенно развел руками. – Наверное, кто-то читал в постели при свечке и задремал. Началась качка, свеча упала...

- Сколько было рейдеров? Один? Два?

- Три галеаса.

В потрясенной тишине, на несколько мгновений воцарившейся на складе, мелкий дребезжащий смешок Сенона прозвучал как коровий колокольчик:

- Тому, кто докажет, что ты к этому не имеешь отношения, дам своего лучшего коня и полкоролевства в придачу!

- А что вы дадите тому, что имеет к этому отношение? – ухмыльнулся гардекор.

- Мою неумирающую благодарность, конечно. Что же еще? – хмыкнул в ответ Сенон.

- Новые штаны? – гардекор с комическим отвращением оглядел свой трофейный костюм.

- Если не очень дорогие, – нахмурился гелтанец.

- Клянусь лысиной Радетеля, Тигр... - потрясенно выдохнул бородач. – До сих пор я слышал только про одного человека, который мог бы потягаться с тобой... Но он двадцать лет как покойник, и уже не понятно, сказки про него вообще рассказывали или правду.

Фалько скроил разочарованную мину:

- Я не уникален... Какой пассаж... Вы омрачили мое утро, ваше величество.

- Если мы выберемся из этой передрыги живыми, я постараюсь тебе это компенсировать, - сверкнул зубами король. – А пока просто подумай, не переехать ли тебе в Эрегор.

- Я могу предложить тебе штаны из морского бархата или кожи виверны, на выбор! – торопливо вступил Сенон.

- И те, и другие? – прищурился Фалько, как барышник на ярмарке.

- По рукам! – обрадовался гелътанец.

Гардекор кивнул – и хитро подмигнул Дечебалу:

- Но думать-то мне всё равно никто не запретит.

После этого подготовка к выходу в свет, как Фалько изящно назвал предстоящий побег, пошла быстро. Шедевры портновского искусства безжалостно сдирались королевами с помощью кухарок, чтобы надеть принесенные в корзинах простые балахоны из дешевого льна. Драгоценности выбрасывались. Руки и лица обмазывались припасенной сажой и маслом. Атласные туфельки сменялись на грубые кожаные башмаки. Роскошные прически закрывались бесформенными чепцами.

В мужской половине шел схожий процесс: атлас, шелка и бархат менялись на лен и хлопок, сапоги и туфли – на башмаки. Двое королей поздоровее – Истары и Эрегора – торопливо натягивали трофейные кожаные штаны и кольчуги и застегивали наручи: возросшая колонна дворцовой прислуги не могла обходиться без новых конвоиров.

Когда приготовления подходили к концу, Фалько выглянул в коридор.

- Пусть посмотрит, - коротко кинул он Найзу, стоявшему у входа настороже, и снова скрылся в хранилище.

Мальчик, как было условлено, тихо свистнул два раза длинному поваренку, притаившемуся в темноте у самого спуска в подвал: выступаем, выглядывай, смотри в оба! Через несколько секунд донесся ответный свист – еле слышный, протяжный: всё спокойно.

- Никого не видно, - доложил гардекору мальчик.

- Ваши величества изволили закончить утренний туалет? – Фалько куртуазно возвысил голос и получил из темноты, дрожащей нервным возбуждением, замешанным на страхе, смешки и пару ругательств.

- Тогда выступаем, - отбросив шутки, выдохнул он, и от тона, холодного, как клинок, тьма моментально притихла. – Я иду впереди, их величества Дечебал и Росан в середине и сзади. Все остальные – возьмите в руки хоть что-то. Не хватает корзин и мешков – берите стулья, банкетки, табуретки – всё, что сможете унести. Толпа празднующейся прислуги привлечет больше внимания, чем вереница носильщиков. Глазами ни с кем не встречаться. На все вопросы пиратов отвечать «Не понимаю, мой господин». Если что-то случится – бегите к кухне за прислугой. Там вас встретят и проводят. Готовы?

Ответное «да, я боюсь, идем скорей, а может, остаться, они нас убьют, они не посмеют, готовы, будь мужчиной, я никуда не пойду» слились в единый нервный гул.

- Значит, готовы, - кивнул Фалько. – И да хранит нас Святой Радетель.

* * *

Через пару минут процессия вышла в верхний коридор. Впереди шествовал Фалько – весь спесь и презрение, как настоящий барзоанец, а за ним гуськом семенили потупившиеся кухарки и слуги, нагруженные всем, что удалось унести в одиночку с мебельного склада.

Не успел король Дечебал, замыкающий караван, отойти от входа в подземелье и на несколько клозов, как сзади донесся звон оружия и топот. Найз, снова шедший последним, оглянулся украдкой – и сердце его подпрыгнуло. Десятка полтора барзоанцев под предводительством гиганта в изукрашенной золотом кольчуге вынырнули из-за поворота. Взгляд командира недоуменно остановился на хвосте исчезающего за углом шествия, но, не задавая вопросов и

не замедляясь, отряд поспешил в подвал. Найз кинулся вперед предупредить Фалько, но тот, похоже, уже всё слышал и понял.

- Леза, – окликнул он высокую кухарку, – будет погоня. Ты помнишь, мы планировали?..

- Да, - кивнула та, и взгляд ее заметался по сторонам, оценивая и прокладывая новый маршрут. Через несколько секунд она уверенно ткнула пальцем влево: - Туда! Потом направо вверх – и дальше!

- Зачем?! Зачем туда?! – вмешалась молодая женщина с нервно расширенными глазами, и в голосе ее звенела подступающая истерика. – Кухня не там! Это знаю даже я!

- Им неизвестно, куда мы направляемся, - торопливо и громко, чтобы слышали все, заговорил гардекор. – Пойдя окольным путем, мы собьем их с толку – это раз. Во-вторых, запутаем в этих закоулках. А в-третьих, боковые коридоры в три раза уже, и один человек там сможет задержать целый отряд. Леза, веди! Стулья не бросаем!

- Но зачем нам...

- И сколько мы с ними должны бродить?!

- За кого ты нас прини...

- Выполняйте, если хотите жить! – рявкнул Фалько, но тут же галантно добавил: - Ваши величества.

Леза свернула в проход и заспешила по лестнице вверх. За ней, толкаясь и дрожа, бросились остальные женщины. Мужчины, изображавшие слуг, замыкали колонну, сжимая табуреты и стулья, как оружие. Самыми последними бежали Фалько, Росан и Дечебал, постоянно оглядываясь и прислушиваясь. Вот-вот... сейчас... с секунды на секунду...

Но секунды пролетали, а звука погони не было. Найзу уже начинало казаться, что и на этот раз удача повернулась к ним лицом, как вдруг в конце узкого коридора – там, откуда они только что пришли, клозах в восьмидесяти от

них – в странном молчании появился барзоанский отряд. Во главе его бежал с обнаженным мечом тот самый громила в роскошной кольчуге.

- Значит, тут и остановимся... - пробормотал Фалько и выкрикнул беглецам: - Бросайте мебель! Леза, уводи!

Под ноги бойцам посыпались стулья и табуреты, на глазах вырастая в легкую, но неуступчивую баррикаду.

- Ваши величества, - гардекор торопливо обернулся к королям, изображавшим пиратов, - приятно было познакомиться. До скорой встречи.

- Мы остаемся, - набычился Дечебал, перехватывая меч поудобней.

- Хочешь один себе всю славу загрести? – хищно ухмыльнулся Росан, следуя его примеру.

- Палкой в глаз! – взвился гардекор. – Вы должны сохранить себя для своих королевств!

- Нового короля найти можно, - нахмурился Дечебал, - а новую честь – никогда.

- Я тоже останусь! – Найз выхватил кинжал и встал рядом с Фалько.

Ладонь гардекора, дрогнув, прикоснулась к вихрам пацана:

- Уходи.

- Нет!

Но дискуссии не получилось: чьи-то сильные руки обхватили мальчишку за талию, вырвали оружие, взвалили на плечо и потащили прочь. Он попытался вывернуться, лягаясь и молотя кулаками, но что-то мягкое и увесистое опустилось ему на затылок – и всё вокруг поплыло во тьму. Последнее, что он услышал – яростный звон стали о сталь и бесшабашный веселый клич: «А-а-а-а-а, провались земля и небо!!!..»

* * *

Очнулся Найз о того, что его голова ритмично болталась, как язык какого-то странного колокола, то и дело ударяясь виском и щекой о что-то теплое, но не слишком мягкое. То ли внизу, то ли вверху плескалась вода. Пахло затхлой сыростью и сточными канавами.

«Речка-вонючка!» - словно подбросило мальчика – и тут же другая мысль вспыхнула фейерверком, обжигая и моментально приводя в чувства: - «Фалько!!! Где Фалько?!»

Кажется, последний вопрос он простонал вслух: несший его человек остановился, бережно снял с плеча и, взяв на руки, как грудного ребенка, заглянул в лицо:

- Очухался, малый?

- Где... - пробормотал мальчик, и глаза его забегали по лицам вокруг него, погруженным в душный полумрак.

- В подземном тоннеле, - ответил, как понял, бородатый силач, и Найз узнал в нем одного из освобожденных королей. – Идем к выходу.

- А где?.. те, кто остался? – не давая заветному имени сорваться с языка, проговорил мальчик с холодком недоброго предчувствия в груди.

- Дечебал был ранен, и Росан его вынес. Ваш поваренок дождался их за углом и вывел на кухню.

- А?..

- Тигр, если ты его имеешь в виду... - бородач опустил глаза. – Тигр нас не догнал. Но не догнали и барзоанцы.

Мальчик почувствовал, что всё вокруг закружилось, и судорожно сглотнул пересошим вдруг горлом:

- Дальше я сам пойду. Мне уже хорошо.

Король опустил его, и холодная вода бережно коснулась груди Найза, разгоняя в мозгу остатки мути.

- А мой кинжал где?

- Тебе он больше не понадобится, - ответил бородач. – Сейчас мы вынырнем из этой клоаки, и нас встретят эрегорские солдаты. Мы почти в безопасности.

- Вот именно – *мы* в безопасности! – резко сорвалось с языка мальчишки, и король нахмурился:

- Мне тоже очень жаль, но это война. А Тигр погиб как герой.

- Он не погиб!!! – яростно выкрикнул Найз, но король лишь покачал головой:

- Как ни печально, но герои тоже умирают, парень.

Решение вернуться созрело в голове мальчика мгновенно. Вывернувшись из-под сочувственно положенной на плечо руки, он отошел к карнизу, точно оглядываясь в поисках знакомых. Но, как ни странно, знакомые сами нашли его.

- Найз! – долетел из темноты взволнованный вскрик и, рассекая воду, к нему то ли побежала, то ли поплыла невысокая худощавая фигурка.

- Белка! – забыв на секунду даже о Фалько, улыбнулся паренек.

- Найз, я всё знаю. Они рассказали, когда спустились. Я... не могу в это поверить, – срывающимся голосом заговорила она, и в свете удалявшихся фонарей лицо ее исказилось болью. – Твой отец... Никто не говорит, но все думают, что он... Пресвятой Радетель, Найз... это... такое горе...

Мальчик поспешно отвернулся, чувствуя, что по щекам потекло что-то быстрое и горячее.

- Пойдем, - не зная, что сказать еще в такой момент и чувствуя, что не может просто уйти, неловко пробормотала Эмирабель. – Надо спешить.

- Я никуда не пойду! – яростно сжимая кулаки, оглянулся мальчишка. – Я возвращаюсь во дворец! Пока не увижу сам – он для меня живой!!!

- Но ты не знаешь, где они... где твоего отца... Как ты найдешь это место, я имею в виду, - растерянно проговорила девочка. – Тебя ведь оглушили, когда...

- Разберусь. И не вздумай кому-нибудь проболтаться, – Найз кольнул ее угрюмым мокрым взглядом.

- Не проболтаюсь, - лаконично кивнула Белка, развернулась и скрылась в темноте.

Когда вереница беглецов – королей и кухарей – закончилась и Найз тронулся в обратный путь, тоскливо гадая, как ему отыскать ход на кухню или хоть куда-нибудь, откуда можно выбраться в коридоры, вода за спиной заплескалась, и из тьмы вырисовалось две фигуры: высокая и пониже.

- Я уже иду. Еще минутку. Голова закружилась, - фальшиво соврал мальчик, и узнал в маленькой Белку, а в высокой – Лезу. За плечом у кухарки был мешок, а в руке – лампа. В кулаке у девочки, зажатый лезвием вверх, как какой-то священный меч, тускло блестел кинжал.

- Я с тобой, - непререкаемым тоном заявила Эмирабель и протянула ему оружие: - Держи. Это эру Тигр в лодке оставил. Значит, это твое.

- А?.. – Найз вопросительно глянул на женщину, потом на Белку – обвиняюще. – Я же просил тебя никому!..

- Я увидела, как вы поговорили, и Эмирабель пришла за мешком и ножом, и сама догадалась. Я вас провожу. Без меня вы ничего не найдете, - непреклонно произнесла Леза. – Тем более что пойдём мы не через кухню: последние, кто уходил, опустили решетку. Мне ее изнутри не поднять, а вам тем более. Да есть дорожка и покорооче к тому месту, где оставался твой отец.

Найз кивнул, и маленький отряд двинулся к цели в полном молчании – лишь плеск воды и редкий крысиный писк нарушали давящую, как весь Дворцовый холм, тишину. Пройдя немного, они свернули в один из боковых ходов. Здесь своды тоннеля уже не терялись во мраке, но нависали так, что ребятам нужно было сутулиться, чтобы ненароком не задеть головами какой-нибудь уступ, оставленный небрежными строителями. Бедной же служанке

приходилось идти, согнувшись чуть не вдвое, но при этом не сводя взгляда с потолка.

Спустя несколько десятков клозов и два поворота Леза остановилась под круглым отверстием в своде, выпрямилась – и мальчик понял, отчего кухарка повела их сюда: верхняя часть ее туловища сразу оказалась внутри колодца. Будь своды повыше, без плоскодонки им было б не дотянуться даже до нижних скоб.

Хотя этот колодец был не таким широким, как тот, что вел на кухню, в него всё же можно было протиснуться взрослому.

- Здесь, - проговорила она, задула фонарь, сунула в мешок, подтянулась с трудом, и начала подниматься, касаясь плечами неровно обтесанных стенок. За ней мальчик отправил Белку, сложив ей в качестве ступеньки руки замком. Последним полез сам, на ощупь находя ржавые узкие скобы, вбитые на непредсказуемых расстояниях – или еще не выпавшие от времени и влаги, как их соседки.

Гадать, куда их вела кухарка, пришлось недолго. Над головой Найза тускло засветился неровный круг, заскрипели петли, и Леза негромко сказала:

- Пришли.

Мальчик, шурясь от света и ни на секунду не забывая, где рукоять кинжала, вылез, присел на край и настороженно огляделся. Веники, швабры, щетки, тряпки, полки с разной хозяйственной дребеденью... Чулан. Под ногами зиял колодец для слива грязной воды и забора свежей, через который они и проникли вовнутрь. Он поднялся осторожно, чтобы не стукнуться о ворот с бадьей, сделал шаг и услышал смачное хлюпанье под ногами – а, вернее, в ботинках. Там, где стоял он и его спутницы, медленно собиралась лужа.

- Нас же так полдня спустя выследить можно будет! – отчаянно воскликнул Найз.

- Ничего, - успокоила его кухарка. – Место, где они дрались – за углом. Поглядим быстренько – и обратно в тоннели. Если кто что и углядит – пусть потом ищут рыбу в море.

Мальчик нахмурился, но не сказал ничего.

Леза разулась, на цыпочках подошла к двери и прислушалась. Найз тоже приложил ухо к гладкой филенчатой доске и затаил дыхание.

Тихо. Словно всё вымерло.

Или все умерли.

Отбросив крамольную мысль, он взялся за ручку и вопросительно глянул на женщину. Та кивнула.

Медленно, нол за нолом, стала появляться щель – и в спертый воздух чулана так же медленно стал просачиваться запах крови. Не в силах больше выносить муку неизвестности, Найз распахнул створку и выскочил в коридор. Поворот – и открывшийся вид заставил его остановиться. Волна железистого запаха ударила в нос, и мальчик подавился вдохом, закашлялся, и почувствовал, что желудок рвется на волю. Он думал, что к этому времени привык ко всему, и только теперь понял, как ошибался. «Наверное», - отстраненно подумал он, борясь с тошнотой, - «что-то похожее дядя Лимба видел у дверей Звездной башни...»

Преодолев оставшиеся клозы как в кошмарном сне, Найз замер, растерянно разглядывая наваленные поперек прохода тела. Мечи, топоры, одинаковые кольчуги, наручи, коричневые кожаные штаны и сапоги – и кровь, кровь, кровь... Ах, если бы и сейчас под грудой вражеских тел лежал Фалько – пусть израненный, без сознания, но живой! Чего бы он только ни отдал за это!!!..

- Давайте искать, быстрее, - раздался за спиной тихий нервный голос Лезы, и мальчик вздрогнул, выдернутый из нечаянного забытья.

«А если он там – мертвый?!» - хотелось воскликнуть ему, но, стиснув зубы, он лишь выдохнул:

- Давайте.

После того, как баррикаду из тел растащили, стало ясно, что Фалько там не было. Найз растерянно застыл, не зная, скорбеть ему или радоваться. Его нет среди убитых – значит, он жив? Но где он? Перебил всех, но не успел спуститься и теперь где-то прячется или что-то замышляет? Или его захватили барзоанцы? Святой Радетель, неужели здесь нет ничего, что могло бы подсказать правильный ответ?!..

Лихорадочно, почти отчаянно Найз осмотрелся еще раз – и взгляд его упал на единственного пирата, который лежал в стороне от общей кучи. Из горла его торчал метательный нож, последний, с которым Фалько не расставался и который он просто не мог оставить – особенно сейчас. И это означало...

В груди у мальчика медленно заledenело, потому что означать это могло только одно. Гардекор не смог его забрать.

- Идите назад, - сипло, не узнавая собственного голоса, проговорил Найз. – Я пойду его искать.

- Никуда ты не пойдешь! – Леза схватила его за запястье, но паренек вывернулся и зыркнул на нее так, что она отшатнулась. Кривясь от отвращения, он вытянул нож Фалько и вытер лезвие об одежду пирата.

- Отдам ему. Когда найду, - угрюмо произнес он и ожег спутниц враждебным взглядом: попробуйте только возразить!

- Найз, ты его не найдешь, это невозможно! Дворец огромный, и в нем полно барзоанцев! – жарко воскликнула Эмирабель, но мальчик не удостоил ее ответом. Сунув нож за пояс, он принялся стягивать мокрые ботинки.

- Ты чокнутый! Ты псих! Тебе жить надоело!!! – яростно прошипела Белка – и ухватила его за рукав: - Стой, я с тобой! Сейчас мешок принесу! Подожди!

- Эмирабель!.. – потрясенно охнула кухарка. – Я не пушу! Это самоубийство! Вы только заблудитесь и попадете им в лапы!

- Леза, не бойся за нас, всё будет хорошо, и спасибо тебе за помощь преогромное! – девочка пылко схватила ее за плечо, - Возвращайся! Если нас схватят, мы ни за что не разболтаем, как мы сюда попали! Мы скажем, что прятались тут всё время! Мы тебя не выдадим!

- Эмирабель! Найз! О чем вы думаете?!.. - Леза прижала руки к груди – и медленно опустила. – Святой Радетель... Кто и когда в тринадцать лет думал хоть о чем-то...

- Мне четырнадцать! – гордо фыркнула Белка и, не оглядываясь больше, побежала к чулану.

- Найз? – женщина неуверенно окликнула застывшего у стены мальчика. – Не ходи. Пожалуйста. Ты не Тигр и даже не тигренок. Это он мог, смеясь, сунуть голову в пасть крокодила – и тот подавился бы. А ты всего лишь мальчик из Песчаной слободы.

- А он – всего лишь мой отец, - тихо ответил Найз.

Леза замолчала, вперив взгляд в пол и мучительно кусая губы.

Зашлепали босые ступни по камню, и из-за угла выскочила Белка, прижимая к груди заветный мешок. Подбежав, она сунула его Найзу в руки:

- Подержи, пожалуйста. Я тоже нож хочу себе найти... и что-нибудь серебряное... и крабий глаз – хоть глазок на кольце бы, наши запасы кончились, а вдруг понадобится...

- Два ребенка-идиота и одна старая дура... - обреченно прошептала кухарка, подняла взгляд на мальчишку и выдохнула: – Идемте за мной. Я проведу вас туда, где их капитаны сидят. Мы им утром завтрак носили. Может, удастся что-нибудь разузнать.

- Да там вокруг барзоанцев, наверное, как собак нерезанных, – с сомнением нахмурился мальчик.

Женщина усмехнулась:

- Ничего, порежут скоро. И мы ведь в открытую не пойдем.

- А как? Под землей? – удивилась Эмирабель. – А разве в гостевых покоях есть колодцы?

- Перед тем, как ветрянка мне щеки перепыхала и я стала недостаточно хорошенькой для горничных, я ведь комнаты убирала. А горничные заходят в покои гостей по «крысиным коридорам». Это такие ходы в стене, - хмыкнула кухарка, – чтобы простолюдины благородным глаза не мозолили. Они идут из всех чуланов, кроме нашего. Наш – только для нас, прислуги.

- Тогда пойдем скорей! – Найз нетерпеливо шагнул вперед, но Леза покачала головой:

- Погодите. Я сейчас тоже... за оружием схожу. Своим.

Через минуту женщина вернулась, неся в руках швабру и ведро, на дне которого плескалась вода.

- Ты скажешь пиратам, что пришла у них убираться? – прыснула Эмирабель. – А мы – вытирать пыль?

- Именно, - покривились губы кухарки. – Ну что, пойдем? Но для начала заскочим в комнату к Мике, она за углом, а я женскую найду какую-нибудь. Переоденемся в сухое. Идти по дворцу как шайка утопленников не годится.

* * *

Первые несколько коридоров были наполнены лишь брошенными вещами и тишиной. В комнатухах прислуги брать было особо нечего, но и тут барзоанцы умудрились что-то найти – чтобы потом выкинуть. Но чем дальше крался маленький отряд, тем богаче становилось убранство коридоров, и тем больше отвергнутых трофеев валялось на полу. Мягко ступая по затоптанным портьерам, одеждам и гобеленам, они пробирались к центру дворца. Время от времени из боковых коридоров спереди или сзади доносились голоса и звон оружия, и тогда спасатели опрометью неслись к ближайшим распахнутым дверям и прятались.

Еще минут через десять Леза затянула их в полуоткрытые двери покоев, хотя в коридорах было всё тихо.

- Капитаны сидят налево за углом, на дальней стороне, в королевских покаях, - не глядя на ребят, зашептала она, и ее узкое некрасивое лицо закаменело. – Две комнаты. Вход один. Чулан, куда мы идем – вдоль по коридору, никуда не сворачивая, в тупике. Кажется, что никакой двери там нет, но она есть – просто толкните панель. Сам чулан длинный и темный, дверь в крысиные коридоры – в самом конце слева. Войдете...

- А вы? – не понимая, к чему клонит кухарка, забеспокоился Найз.

- Войдете – и налево, - не терпящим пререкания тоном оборвала его она. – Не помню, где у них дверь в сами покои, но отыщете. Будете выбирать – идите к другому чулану, а лучше на другой этаж.

- А ты куда?! – уже всё понимая и так, но не в силах признать очевидное, воскликнула девочка.

- А я поблизости штурма подожду. В веселой компании, - криво усмехнулась Леза. – Идемте. И запомните – чтобы проскочить коридор, у вас будет, может, несколько секунд.

- Но... - растерянно протянул Найз – но кухарка его не слушала. Подхватив ведро и швабру, она быстро выскользнула из комнаты и заспешила к перекрестью коридоров.

Еще не дойдя до угла, они услышали барзоанские голоса. Похоже, пираты стояли на месте и лениво переговаривались.

- Это часовые у капитанов. Трое их утром было, - шепнула женщина. – Когда я скажу «идите, ребятки» - не задерживайтесь!

И, не теряя больше ни секунды, она вышла почти на середину перекрестка, с грохотом опустила ведро и принялась возить тряпкой по полу, недовольно ворча.

Барзоанская речь оборвалась. Найз, даже не видя происходящего, с легкостью мог вообразить, как вытянулись лица пиратов при виде такого нелепого, нелогичного зрелища: рейд, штурм – и мытье полов?..

- Натоптали, идола поганые, немтыри слепошарые, не видят, куда на улице ступают, всю грязь в дом притащили, крысиное племя...

Дужка ведра яростно звякнула, шлепанье босых ног кухарки отдалилось на несколько клозов – и снова хлюпнула вода, плюхнулась мокрая тряпка на паркет, и барзоанцы загомонили.

Мальчик, напряженно прислушивавшийся к действию за углом и, что самое главное, к тишине за спиной, вдруг услышал, как направление пиратских голосов изменилось: теперь они звучали глуше, точно часовые отошли... или отвернулись. И не успел он подумать это, как голос Лезы, до сих пор бормотавший только ругательства, возвысился:

- ...ноги вам некому переломать, паразитам гадским, уродам *идите, ребятки!* несчастным, чтоб вам повылазило на той стороне да через эту, да в глотке застряло...

- Быстрее! – Найз ухватил Белку за руку и потянул вперед, будто с крыши прыгнул, не зная, что внизу – сено или камни.

Позади, из-за угла, где Леза осталась один на один с пиратами, донеслись грубые голоса – и сдавленный женский вскрик. Найз повернулся молниеносно, готовый забыть обо всем и броситься на помощь – и увидел отражение своих эмоций на лице Эмирабель. Следующая картина вспыхнула перед глазами в единый миг: не одна Леза, а они втроем корчатся в хватке барзоанцев, не достигнув ничего, одним прекрасодушным, но глупым порывом погубив себя и – самое главное – сделав напрасной жертву кухарки.

Как поступил бы Фалько?..

Белка отбросила мешок и, сжимая кулаки, рванулась назад – мальчик едва успел ухватить ее за запястье.

- Стой, - жестко приказал он – и девочка, на удивление, остановилась.

- Пусти! – опомнившись, прошипела она, но Найз заглянул ей в глаза и сильнее стиснул руку.

- Можешь считать меня трусом... но нам – туда, - мотнул он головой на скрытую дверь.

Девочка яростно прищурилась, набрала полную грудь воздуха... и выдохнула сквозь стиснутые зубы. Не говоря ни слова, она подхватила мешок и побежала к чулану. Найз помчался за ней, снова разрываемый противоречием между большой справедливостью цели и маленькой несправедливостью бездействия, как целую вечность назад в парке по дороге к Муравьиной слободке.

Не оглядываясь, Белка толкнула поверхность, казавшуюся сплошной стеной, и по периметру лепнины вырезалась щель приоткрывавшейся двери. Подбежавший мальчик налег – и дверь мягко распахнулась, рисуя на нежной зелени черный прямоугольник.

Сзади, из бокового коридора, донеслись голоса барзоанцев – резкие, сердитые... Приближающиеся.

- Сюда идут! – Найз, не теряя больше ни мгновения, бросился в незнакомую тьму, увлекая Эмирабель за собой и страстно надеясь, что какая-нибудь нерадивая горничная не оставила поперек дороги ведро или щетку.

Еще пара секунд – и дверь закрылась за ними, погружая чулан в полный мрак.

- Не двигайся с места! – предупреждающе прошипел он. – Фонарь у тебя?

- Сама знаю. Сама не знаю, - пробормотала Белка, отвечая по очереди на оба предложения, и глухо забрякала чем-то, перерывая внутренности мешка.

Мальчик ощутил, как в грудь ему ткнулось что-то небольшое и твердое.

- Подержи. Сейчас кресало найду.

Как только огонек затеплился, Найз отыскал взглядом лицо девочки. Оно было угрюмым и бледным, губы сжаты в напряженную ниточку. Он опустил глаза, отвернулся... и почувствовал на плече ее руку.

- Прости, - тихий шепот еле коснулся слуха. – Я знаю... ты был прав... а я нет... но... но...

Не находя слов для ответа, он лишь эхом ответил:

- Я знаю, - и добавил: - Идти надо. Пойдем.

* * *

Ребята огляделись. Длинная, клозов в пять комната убранством напоминала виденный ранее чулан прислуги, только у этой в самом конце была дверь. Сразу за ней направо и налево разбегались узкие коридоры шириной меньше клоза, в которых худому человеку с ведром в руке протиснуться можно было еле-еле. Желтоватые песчаниковые стены в тусклом свете лампы казались грязно-бурыми, точно в склепе.

Ребята двинулись налево, не сводя глаз со стены по правую руку: а что если двери тут тоже замаскированы, и они пройдут мимо и не заметят? Но волновались напрасно: дверь отыскалась уже через несколько клозов. В правой ее стороне была прибита скоба-ручка. Ни глазка, ни даже замочной скважины в ровной, как столешница, доске не нашлось. Осветив петли, Белка шепнула:

- На нас открывается, как та, в коридоре. С той стороны, наверное, ее тоже не видно.

Мальчик приложил палец к губам и жадно прильнул ухом к доске. Эмирабель последовала его примеру.

В комнате кто-то был, и, похоже, один. Приглушенные ковром или разбросанными вещами, из конца в конец глухо стучали шаги. Монотонно и тихо звучал голос, словно читал молитву. Время от времени что-то звякало негромко –

то медью о медь, то металлом о стекло, то что-то твердое стучало о дерево. Распахиваясь, чуть дзенькнула рама, и сквозь не видимую глазом щель едва уловимо потянуло сквозняком, принесшим дымок и запах, от которого мальчика едва не стошнило.

Жженные перья и смола.

Колдун.

- Ты сможешь проделать в доске дырочку, чтобы поглядеть? Где-нибудь в клوزه от пола? – как можно более равнодушно проговорил Найз, сунув в карманы предательски задрожавшие руки. – Если дверь открывать – заметят сразу.

Девочка уверенно кивнула, отошла на шаг, опустилась на колени и вывалила перед собой всё содержимое мешка. Спиртовка, маленькая тренога и такой же миниатюрный котелок были приведены в готовность за несколько секунд – и началась алхимия. В безмолвной сосредоточенности открывались и закрывались мешочки, коробочки, склянки с неизвестными веществами, летели в котелок щепотки, капли, комочки и гранулы... Найзу оставалось лишь следить за ловкими движениями рук Эмирабель и беспрестанно помешивать серо-голубое варево стеклянной палочкой, единственное поручение, с которым он мог справиться – и достойно справлялся.

Получившуюся массу – не более наперстка – Белка вывалила на медную монету в пять башен, быстро приложила к краю двери и придавила стеклянной палочкой. Дерево зашипело, и мальчик с изумлением увидел, как монета стала углубляться в доску, словно та была сделана из теста. Потянуло дымком с резким привкусом каленой меди. Через несколько секунд Эмирабель отдернула палочку и с облегчением выдохнула:

- Всё. Теперь пятак надо выковырять и аккуратненько прорезать оставшийся слой. Там, может, десятая часть нола. Пальцем ткнуть – и провалится.

Найз намек понял, взялся за метательный нож Фалько, и минуту спустя глазок в мастерскую барзоанского колдуна был готов. Смрад магии немедленно ударил в ноздри, защипал глаза, заполнил легкие... Мальчик, скривившись от отвращения, прильнул к отверстию – и тихо ругнулся:

- Палкой в глаз... Колонна всё загораживает...

Он сдвинулся влево, осторожно расширил отверстие ножом, снова прильнул, выгибая шею так и эдак... и замер.

- Что? Что там? – Белка нетерпеливо дернула его за рукав.

Найз отнял от двери белое как штукатурка лицо:

- Мертвец.

- И всё? – раздраженно фыркнула девочка, отодвинула его, глянула в глазок – и отпрянула. Зажимая рот ладонями, она успела отбежать на несколько шагов прежде, чем ее стошнило.

- К-кто... ч-что... з-зачем... - утирая рукавом губы, бормотала она – просто, чтобы не молчать: как ни старалась она забыть, жуткое зрелище стояло перед глазами, разгоняя все мысли.

- Магия крови, боли и смерти, - тихо прошептал Найз.

- Магия?! У пиратов есть маг?.. – слабо пискнула Эмирабель.

- А разве Илада тебе не рассказывала? Или кто-нибудь другой? Про то, как барзоанцы попали во дворец?

- Н-нет, - качнула головой Белка, и мальчик заметил, как от лица ее быстро отливает краска.

- Может, оно и к лучшему, - нахмурился он и снова припал к глазку.

На этот раз он был готов к тому, что увидит на полу, и усилием воли заставил себя не останавливать взгляд на бедняге. Каждая мелочь может оказаться значительной, сказал он себе, и принялся запоминать всё, что попадало в поле зрения, которое и полем-то назвать было нельзя: так, то ли клумба, то ли комок в цветочном горшке...

До дальней стены комнаты было клозов пятнадцать. У окна, распахнутого настежь, шторы были сорваны и свалены кучей чуть поодаль на небрежно скатанный ковер. Начиная от подоконника и дальше вглубь комнаты беспорядочно сгрудилось несколько столов. Все они были заставлены и завалены самыми странными предметами, сосудами, конструкциями и горелками, какие мальчик только мог представить. Недалеко стояла жаровня с высокой чашей, тускло отблескивавшей желто-оранжевым.

Найз не знал, как должен выглядеть кабинет волшебника. Но повидав мастерскую алхимиков, он с уверенностью мог сказать, что алхимики себя почувствовали бы в таком окружении очень уютно, и даже не нашли бы, наверное, различия – если бы не линии посреди комнаты. Черные и красные, местами полустертые, местами светящиеся слабым пульсирующим светом, покоящие на своих пересечениях черные и красные свечи, они затягивали паркет как безобразная паутина.

У стены, на полдороги к окну, наполовину загороженный еще одной колонной, красовался камин – неотъемлемая часть богатых домов на случай июльской прохлады. От него вверх шла туго натянутая веревка. Похоже, один ее конец был привязан к резным фигурам, украшавшим фасад, а второй уходил в самый центр потолка, закрытый ближней колонной. Подивившись такому нелепому способу подвешивать люстры, мальчик перевел взгляд на огромную кровать с матерчатым пологом, расположившуюся всего в нескольких шагах от потайной двери. Больше ничего и никого видно не было. А самое главное, на судьбу Фалько увиденное не проливало ни малейшего света.

Не желая так просто отступить, он снова пробежал взором по комнате – и едва не прикусил язык. У столов, где только что – он мог поклясться! – никого не было, спиной к ним стоял молодой светловолосый мужчина в багровом балахоне. Голова его была склонена, а локти старательно двигались, будто он что-то мял или лепил.

Маг?..

Чувствуя, как желудок, превратившийся в лед, медленно сползает в живот, мальчик затаил дыхание и замер.

Замер и человек у стола. Медленно опустив руки, он стал оборачиваться – и вдруг хлопнула дверь, ведущая в соседнюю комнату, зазвучали тяжелые шаги, и из-за колонны появился коренастый пират в серебристой кольчуге с золотыми украшениями: не иначе, капитан. Не доходя до колдуна пару шагов, он ткнул пальцем за окно и возбужденно заговорил, ухмыляясь. Маг ответил ему парой медленных высокомерных фраз, горделиво сложив руки на груди. Капитан кивнул на обезображенное тело, потом направо, на нечто, заслоненное колонной, и что-то спросил. Колдун покачал головой и улыбнулся. Наверное, так улыбались акулы перед тем, как оторвать от купальщика первый кусок. Похоже, капитан подумал об этом же, потому что попятился, бросил на прощанье короткую фразу, и торопливо вышел из комнаты, оставляя колдуна в одиночестве.

«Что-то замышляют! А если наши на штурм пойдут?..»

Найз вспомнил рассказ Лезы, тело Илиса в парке – и сердце его бешено заколотилось от смеси страха и ярости. «Мы должны помешать ему! Разбить его штуковины! Перевернуть столы! Взорвать эту комнату к Долдыку толстозадому, наконец, или поджечь, пока он не натворил бед! Надо спросить у Бел...»

Маг сделал шаг, пропал за ближней колонной, и через несколько секунд до слуха мальчишки донеслись звуки пощечин... и эрегорские слова – такие же хлесткие, как удары:

- Ну же! Давай! Возвращайся, скотина! Возвращайся! Мне некогда!

И тут до мальчика дошло. Вербка, привязанная к камину! На ней висела не люстра, а человек – новая жертва! И он был без сознания!

И тут же ничем не подкрепленная уверенность, твердокаменная, как все скалы Эрегора, вспыхнула и осталась в сердце Найза.

Это был Фалько!

Словно в бреду, мальчишка рванул на себя дверь и выскочил из укрытия. Впрочем, едва не налетев с разбегу на колонну, он быстро пришел в себя, замер в ужасе от собственной глупости, лихорадочно огляделся... Слева, вплотную между колоннами, этой и дальней левой, изгибался полумесяцем длинный пухлый диван. Не видя иного укрытия, Найз бросился на пол, дополз до бока, обитого серым бархатом, протиснулся в щель между ним и колонной, выглянул осторожно – и застыл.

Подвешенный за связанные руки, на веревке, перекинутой через крюк для люстры, едва касаясь пола носками сапог, висел барзоанец. Из плеча его торчала арбалетная стрела. Традиционная зеленая кольчуга напоминала изъеденную оголодавшей молью старую кофту. Голова безжизненно упала на грудь. Короткие черные волосы слиплись от крови. Запекшаяся кровь была везде – на лице, плечах, руках, груди, и мальчик даже засомневался, жив ли человек, как вдруг тот застонал.

- Ага, я так и думал, живой, - самодовольно хмыкнул чародей, приподнимая за подбородок голову пленника. – Капитана Бессмертных так просто не убить...

Сердце Найза пропустило такт. Это и вправду Фалько!!!

- ...Осталось только проверить, надолго ли хватит его бессмертия, - и юный маг захохотал мелким дребезжащим смешком старика. Озадаченный несоответствием, мальчик нахмурился, силясь понять, что бы это могло значить. А колдун тем временем продолжал, медленно потирая руки, точно в предвкушении чего-то приятного:

- Ты, наверное, гадаешь, для чего мне понадобился? Или не гадаешь? Помнишь? Ага, по глазам вижу, помнишь! Бедолага, что валяется у тебя за спиной, с полчаса назад подкормил мой амулет – и егохватило на маленький сюрпризик для местных вояк, - маг кивнул на маленький кривоногий столик у окна, ранее заслоненный колонной. На нем возвышался крупный мутно-серый

кристалл, похожий на якорь. – Старое доброе приветствие на входах для людей с оружием. Штурм, ха-ха! Жаль, что окна выходят во двор и я не увидел своими глазами, как они горели... Но капитан Аранбаар мне всё рассказал...

«Помнит? Фалько? Но как?.. Откуда? Может, они были знакомы, когда Фалько был рабом у барзоанцев?..» - недоумение Найза росло с каждой фразой чародея.

- ...Да-а, как в старые добрые времена, в последний день правления старого маразматика Рица... Как они тогда горели, как горели... - мечтательно покачал головой чародей – и мальчик едва не вскрикнул.

«Рица?! Последний день правления?! Но ведь Рица убил... и его гвардию... и его придворных, оставшихся верными королю... убил... Рица... Значит... Значит это... Не может быть! Это не может быть Симарон!!!...»

Найз ощутил, что весь испытанный им доселе ужас был всего лишь страхом маленького ребенка перед неизвестной козявкой.

Фалько с трудом пошевелил разбитыми губами:

- Это... действительно... ты?.. Волосатая... задница... Долдыка... и все его... мурги... Думали... спровадили... тебя...

Колдун вновь захихикал, в высшей степени довольный:

- Думал червяк, что он змея, да куры склевали! Неплохая была попытка, но не вам со мной тягаться, даже вооружившись трухлявой палкой какого-то дряхлого слепого идиота! Хотя должен вас поблагодарить: до этого у меня было тело старика, а теперь... - он гордо выкатил могучую грудь.

- Откуда...

- Один барзоанский сопляк вообразил себя магом и решил, что может бесплатно использовать мои опыт и знания, - презрительно хмыкнул Симарон.

- И чем... он... заплатил?

- Собой, как видишь, - колдун повел крутыми плечами и с размаху ударил пленного, наслаждаясь юношеской силой. – Ну как, нравится, капитан?

- Так себе... Он тебя... всё-таки... обсчитал, - отдышавшись, прохрипел Фалько.

Симарон злобно оскалился:

- Это было только начало, ублюдок! Сейчас я послушаю, как ты запоешь!

- Не умею... петь... Долдык... на ухо... наступил, - дерзко сверкнул глазами гардекор.

- Ничего. Научим, - колдун растянул губы в жутковатом подобии улыбки, взял одной рукой со столика кристалл, приложил другую ко лбу пленного и проговорил что-то вполголоса. Фалько вздрогнул, и амулет из серого моментально стал бледно-розовым.

- Ага, есть... – маг водрузил кристалл обратно, нежно провел кончиками пальцев по граням, точно любуясь, и взялся за стрелу, торчавшую из левого плеча гардекора. – Я мог бы просто вытащить ее, и ты истек бы кровью за час, но я благотворительностью не занимаюсь. Поэтому... почувствуй вкус того, что для тебя уготовано, капитан. И о чем я мечтал каждую проклятую секунду этих проклятых двадцати лет.

Пальцы Симарона повернулись, древко затрещало, медленно ломаясь, и мальчик услышал, как Фалько судорожно втянул воздух сквозь стиснутые зубы – но не издал ни звука. Кристалл на столе на секунду налился багрянцем, снова побледнел – но мальчик мог бы поклясться, что розовый стал на оттенок темнее.

- Итак, с чего мы начнем? Огонь или сталь? – чародей ласково заглянул в глаза гардекору. – Хм... Трудный выбор... А может... и то, и другое?

Он щелкнул пальцами – и невидное доселе пламя в жаровне выметнулось к потолку, осыпая комнату горелой краской. Протянул руку – и кинжал из ее чаши поднялся и плавно опустился ему на ладонь. Раскаленное докрасна лезвие светилось, заставляя померкнуть и без того неяркий день, дымилась рукоять, обмотанная кожей, но Симарон сомкнул на ней пальцы и улыбнулся:

- Приступим, о храбрый капитан?

Перед глазами Найза поплыли алые круги бешенства, рука метнулась к кинжалу у пояса: воткнуть клинок в колдуна – и провалились земля и небо!.. Сверля мага горящим ненавистью взором, он вскочил – и рухнул ничком, едва не вскрикнув. Кто-то худой бесшумно налетел сзади, сбил с ног и придавил к ковру невеликой, но костлявой массой. Холодная влажная рука закрыла ему рот, а в ухо горячодохнуло:

- Тс-с!

Найз, ослепленный гневом, попытался было стряхнуть с себя Белку – ибо кто это мог еще быть! – но она прошипела:

- Я п-придумала! – и потянула его к их убежищу. Рука ее дрожала, как у больного лихорадкой.

Понимая логику Эмирабель и губительность своего порыва, но, тем не менее, чувствуя, как каждая клеточка его тела, каждая капля души всё равно рвется на помощь Фалько, мальчик зажмурился, усилием воли заставляя себя выбросить из головы нелепую авантюру, выдохнул и дернул плечом: «Отпусти». Девочка настороженно послушалась. Он нашел ее глаза взглядом и вопросительно прищурился: «Что придумала?» Она мотнула головой в сторону не видимой теперь двери в стене: «Там скажу». Губы ее тряслись, точно наружу рвались слова – или слезы. Найз обеспокоенно нахмурился: «Что случилось?» Она исступленно затрясла головой: «Ничего!» Мальчик стиснул зубы, отбрасывая невысказанные вопросы, поднялся и, согнувшись в три погибели, молча побежал к укрытию. А за спиной его, пронзая сердце не хуже любого кинжала, звучал вкрадчивый голос Симарона:

- ...Тебе не кажется, что для тигра на твоей смазливой мордашке маловато полос?..

Едва панель мягко прикрылась, мальчик буквально набросился на Белку:

- Что?! Что ты придумала?! Быстрее!

- Я... - Эмирабель жалко заморгала. – П-пока ничего, н-но...

- Ты соврала! – разъяренно прорычал Найз.

- Ч-чтобы утащить тебя оттуда! – на секунду забыв дрожать, огрызнулась та.

- Он убьет его!

- А заодно и т-тебя!

- Может, у меня получилось бы! – Найз оттолкнул девочку и рванулся к двери.

- А если нет – кто ему п-поможет тогда?! – яростно прошипела Эмирабель, и Найз, беззвучно застонав, сжал кулаки – и опустил. Она была права. Он не имел права на неудачу. Сейчас он должен не действовать, а думать!..

- Мы не можем его убить, слишком далеко для внезапного нападения, ты права... - мучительно кусая губы, заговорил он. – Если бы мы могли его отвлечь и перерезать веревку у камина...

И тут его осенило.

- Дверь!!! Дверь в соседнюю комнату была открыта! И если бы ты там смогла устроить заварушку...

- Я? Т-там? Как?! – Белка в панике оглянулась, точно ожидала увидеть выскакивающих из засады пиратов.

Найз недоуменно нахмурился: что-то с ней стало не так. Но выпрашивать девичьи секреты времени не было, и он горячо продолжал:

- Надо незаметно подбросить туда какую-нибудь твою взрывающуюся штучку! Из-за дивана можно закатить в приоткрытые створки! – глаза его загорелись азартом не хуже любого фейерверка. – И когда там начнется суматоха, Симарон обязательно выскочит посмотреть, я обрежу веревку, и мы утащим...

Мальчик осекся на полуслове, увидев, как вытянулось лицо Эмирабель.

- К-кто?.. Что... ты с-сказал?.. Тут было плохо с-слышно, что они говорили... и я п-подумала... решила... что н-неправильно понимаю... п-потому что невозможно... п-потому что... Но это правда?.. Не фокусы? Летающий н-нож,

и... и... Это н-настоящий?.. Настоящий?.. – не решаясь выговорить жуткое имя, которым уже третий десяток лет пугали не только детей, но и взрослых, Белка растерянно замолкла и уставилась на Найза в отчаянной мольбе: «Скажи, что мне послышалось! Скажи, что ты пошутил!..» - зная ответ.

И он не смог соврать. Не ей. Не сейчас.

- Настоящий, - неохотно кивнул Найз. – Какой-то барзоанский маг вызвал его дух... и поплатился своим телом.

Глаза Эмирабель расширились:

- Так з-значит... значит... П-пресвятой милосердный Радетель!.. И ты думаешь... что с-самого С-симарона... можно победить при помощи какой-то дурацкой... в-взрывчатки?! – впервые за время их знакомства Белка выглядела по-настоящему слабой и испуганной, как следовало бы нормальной девчонке уже много часов назад.

- Конечно, можно! – мальчик ободряюще взял ее за плечи и заглянул в глаза. – Ведь ты же умная, как... как сто алхимиков!

- Н-найз... - еле слышно, как мышонок, пискнула Эмирабель, и мальчик услышал, как стучат ее зубы. – Ты ничего не п-понимаешь. Я – в-всего лишь ученица... А это – м-маг. И не п-просто... а сам... Найз, наша г-гильдия была вырезана п-при нем... А там были т-такие с-светила... я не достойна даже п-пробирки за ними мыть! Они подняли в-восстание... и он всех... П-помнишь того покойника? – она мотнула головой в сторону зала. – Только он мёртвый... А они т-такие жили! До с-самой его смерти в Лесном! Понимаешь, что это значит – жить *таким*?! П-полтора года!!!..

Мальчика передернуло от ужаса, а Эмирабель продолжала, дрожа и заикаясь, не в силах остановиться:

- Д-дед один уцелел. Чудом. М-моя мама его выходила. Он п-про всё рассказывал, когда н-напивался... Каждые выходные почти... Про всё... Как Симарон... как они... как он их... Пресвятой милосердный Радетель!.. Я уснуть

не могла часами!.. Найз, мы обречены! Наша п-попытка обречена! У нас ничего не в-выйдет... Это б-бесполезно...

Сердца мальчика сжалось: видеть нестигаемую упрямую Белку сломанной единственным словом, трижды проклятым именем, было невыносимо. Тем более, когда он нуждался в ней больше всего на свете!

- У нас всё выйдет! Обязательно! Вот увидишь! Ну же! Садись, делай! – чувствуя, что любые утешения сейчас неуместны, встряхнул он ее – но получил в ответ лишь потухший испуганный взгляд.

- Н-найз. Это н-невозможно, - сжавшись в жалкий комочек, тоскливо прошептала она. – Чтобы ты... один против... С-симарона...

- У принца Амзы вышло!

- У принца Амзы был Ф-фалько...

- У нас тоже есть Фалько! - мальчик яростно вцепился ей в плечи. – Тигр – это Фалько! Он жив! Он не погиб в Лесном! И мы должны помочь ему выжить сейчас! Понимаешь?! Сейчас!!!

- Твой отец – Фалько?! То есть, Фалько – твой отец?!.. – Белка ошарашенно вытаращила глаза.

- Да... то есть, нет... то есть, я тебе потом всё объясню! – лихорадочно затараторил Найз. – А сейчас ты должна сделать эту штуку, пока он жив!!! Время идет! Ну же! Ради своего деда! Пожалуйста!..

До крови прикусив дрожащую губу, Эмирабель закивала:

- С-сделаю. И ты... это... Здорово соврал. Я едва не поверила. И очень вовремя, главное. Спасибо.

- Я не вру! – сердито прошипел Найз и покраснел.

- П-поверю, когда увижу принца Амзу, - ее губы дрогнули в кривой улыбке, и она потянулась за своим мешком. – Я сейчас. И прости меня... я вела себя... как истеричка.

Найз не знал, кто такие истерички, но побоялся, что это очень оскорбительное слово, и не стал уточнять. Ему хотелось не обижать ее лишний раз, а поддержать, сказать, что на ее месте в панику ударился бы любой человек, особенно если он девочка, и что Белка еще быстро оправилась, и что всё обязательно у них будет хорошо, хотя вот теперь он точно врёт – но вслух произнес лишь:

- Если надо что-то помешать – я готов. Только быстрее!

* * *

Найз сидел за колонной, согнувшись в три погибели, стиснув кинжал в кулаке, и с замиранием сердца следил, как колышется свисавшее на пол покрывало: это Белка ползла к двери под пухлым диваном-полумесяцем. Позади остался шкаф, чайный столик с прибором и зеркало в человеческий рост, давшее ребятам в последний момент немало поводов для дурных предчувствий. Видно ли будет в него из центра комнаты, как шевелится покрывало, задеваемое крадущимся под диваном человеком, а если видно, то посмотрит колдун в эту сторону или нет?..

Еще пара клозов – и Эмирабель доберется до колонны, обогнет, и выйдет на крайнюю позицию для завершающего удара. Она решила сделать свой сюрприз круглым, чтобы можно было покатить, и размером с кулак – чтобы хватило мощности не просто напускать дыма и искр, а устроить такую неразбериху, чтобы Симарон выбежал поглядеть наверняка. Теперь же оставался самый пустяк: попасть им в щель между створками шириной нолов в пятнадцать на расстоянии в два клоза. А если учесть, что долдыково яблочко, как обозвала его сама создательница, должно было взорваться от малейшего столкновения с твердой поверхностью...

Эмирабель выскользнула из-под дивана, приникла к гладкому мрамору колонны, отвела руку с взрывчаткой и застыла, точно сама превратилась в камень.

Секунда... вторая... третья...

«Быстрее, быстрее, ну быстрее же!»

...четвертая... пятая...

«Да не спи же ты!!!» - едва ли не вслух взвыл Найз – и тут Белка сделала плавное движение кистью. Мягкий зелено-бурый комок отделился от ее пальцев, покатился... и пропал из виду.

«Если она промазала, сейчас тут такое будет...» - с сердцем, выбивающим барабанную дробь, только и успел подумать мальчишка, как оглушительный взрыв потряс стены. Полумрак зала на миг осветила черно-багровая вспышка – и дубовые створки с грохотом и треском захлопнулись. С потолка посыпалась лепнина, из соседнего зала донесся дикий рев, а из щели под дверью ударил бурый дым вперемешку с клубами пыли. На пол за колонной что-то со звоном упало, и голос Симарона визгливо выкрикнул:

- Арбалет им всем в задницу!!! Идиоты!!!

Маг сорвался с места и побежал с дробным сухим перестуком подковок по дереву, разъяренно толкнул створки, отпрянул на секунду от ударившего в лицо жара и дыма – и нырнул в эпицентр светопреставления.

Не мешкая ни мгновения, Найз вскочил и бросился к камину. Преодолев несколько клозов за пару секунд, он полоснул кинжалом по веревке, и она лопнула под его натиском. Слева раздался глухой звук падающего тела. Мальчик кинулся к Фалько. Из-за дальней колонны к нему уже неслась Эмирабель. Несколько точных движений – и веревка, стягивавшая запястья раненого, сдалась. Торопя друг друга, они подхватили его, подставили плечи, подняли...

Певучий барзоанский говор прозвучал за их спинами как сталь, выходящая из ножен. Найз в ужасе оглянулся и увидел уже знакомого коротышку в роскошной кольчуге. В руке его был меч.

- Палкой в глаз... - прошипела Белка.

- Веди, я его задержу! – рука мальчишки метнулась к кинжалу у пояса – и наткнулась на руку чужую.

В следующую секунду Фалько выскользнул из их захвата и бросился на пол, едва не сбивая пирата. Тот отпрыгнул, одновременно пытаясь достать врага мечом. Гардекор извернулся, взмахнул ногами, точно ножницами, ударил барзоанца одновременно под коленки и по лодыжкам спереди – и пират шлепнулся на пол, где его встретил клинок противника. Вырвав меч из не разжавшихся еще пальцев пирата, Фалько рявкнул:

- Помогите встать!

Найз и Белка, в оцепенении наблюдавшие за схваткой, бросились на подмогу.

- Спасибо, - из-под маски копоти и крови блеснула улыбка, и дыхание Найза перехватило от счастья.

- Пойдемте, скорей! – он мотнул головой в сторону тайного хода. Гардекор оперся на подставленные плечи и, прихрамывая, заковылял к спасению.

Где-то в коридоре раздались крики и звон оружия.

- К нам? – нервно вскинула глаза Белка.

Фалько нахмурился, вслушиваясь.

- Кричат, что штурм начался. Солдаты во дворце.

- Но заклятье на входе?.. – Найз растерянно глянул на темно-розовый кристалл.

- Как-то обошли, - кривясь от боли при каждом слове, хмыкнул гардекор. – Я бы на их месте прошел под землей. Сначала закинул оружие. Потом пролез сам. На всякий слу...

Полумрак в комнате вспыхнул алым, и в стену перед беглецами ударился ослепительный шар, окатывая брызгами жидкого огня, горящего шелка и расплавленного камня. Комната наполнилась дымом. Ребята вскрикнули,

захлопали по одежде, сбивая искры, гардекор молниеносно обернулся – меч готов к бою...

- И далеко ли собрались, дорогие гости? – картинно скрестив руки на груди, у распахнутых створок в соседний зал, закопченный и пустой, стоял Симарон. Зловеще очерчивая силуэт, вокруг его головы и плеч роились багровые искры.

Уловив какой-то сигнал или по наитию, Фалько отшвырнул своих спасителей, кинулся на пол – и в то же мгновение второй сгусток пламени пролетел там, где они только что стояли, и с грохотом взорвался.

Найз почувствовал, как неведомая сила оторвала его от пола, метнула вверх и вбок – и тут же что-то поймало его и с треском разрывающейся ткани опустило на нечто мягкое. Рядом шлепнулся кто-то еще. Сверху посыпались горящие клочья ткани, и уже через секунду вокруг запылало всё.

Мальчик, оглушенный, наугад выметнул руку вправо, где барахтался другой человек, и пальцы его сомкнулись на тонком запястье Белки. Не теряя ни мгновения, он рванул ее с кровати, упал на тлеющий ковер, увлекая девочку за собой, покатился, сбивая пламя с одежды и рыча от боли, налетел на что-то твердое, вскочил...

Камин!

Где Фалько?!

Новый огненный шар ударил в барельефы вверху и справа, осыпая всё мириадами раскаленных осколков и клочьями горячей ткани. Мальчик, задыхаясь и кашляя, снова замолотил руками по одежде, сбивая огонь, одновременно нашаривая гардекора взглядом среди клубов дыма и обломков мебели, горевших лиловым пламенем. Различить хоть что-то наверняка было невозможно: в свете жуткого огня живыми казались и руины, и пыль, и дым. Но если летали огненные шары Симарона – Фалько был жив!

В надежде поймать глоток свежего воздуха из окна мальчик повернул голову вправо – и ахнул, костеря себя болваном и тупицей. В проеме между окнами в дальнем конце покоев тлел ровным светом бледно-розовый огонек.

Амулет!

Не раздумывая больше, Найз устремился к нему. Перепрыгивая через груды мусора, раскуроченной мебели, балки рухнувших перекрытий, он мчался к цели, как одержимый. Несколько раз ошметки жидкого пламени пролетали рядом, прожигая дыры в полу, оставляя капли на одежде и коже, взрываясь и швыряя его о камни, но мальчишка, стиснув зубы, поднимался и снова бежал к кристаллу. Один раз ему показалось, что в клубах дыма мелькнула ухмыляющаяся физиономия колдуна, понимавшего его намерения, но ничуть не обеспокоенного – но тут же пропала.

Обожженный, иссеченный осколками всего, что только можно было расколоть в этой комнате, последнюю пару клозов мальчик проехал на животе по битому стеклу: лиловый шар врезался в простенок в нескольких нолах за его спиной и вылетел на улицу, вырвав часть стены. Не думая о страхе и не чувствуя боли, Найз вскочил, схватил со столика амулет, и что было силы грохнул об пол. Кристалл отскочил от паркета, целый и невредимый. Мальчик выругался, отыскал среди мусора камень, ударил несколько раз – остервенело, неистово – но на поверхности не осталось и царапины, а кровавые следы от порезанных, обожженных ладоней побледнели и впитались на глазах, заставляя кристалл светиться ярче. Издевательский смех Симарона на несколько мгновений заглушил даже грохот взрыва его заряда.

«Принцу Амзе понадобился волшебный посох отшельника, чтобы разбить Шар Судьбы! Магию может уничтожить только другая магия!» - вспыхнуло воспоминание, и с ним в душу холодом полилось отчаяние. – «Всё бесполез...»

- Попробуй этим! – из дыма вынырнула Белка, сжимая в кулаке железный прут.

- Его не разбить просто так! Надо, чтобы... – воскликнул мальчик, но Эмирабель не дослушала. Оттолкнув его, она упала на колени перед амулетом, размахнулась и обрушила на него всю накопившуюся ярость и гнев.

Розовые осколки, стремительно сереющие в полете, брызнули во все стороны, и страшный, пронзительный крик потряс стены покоев. Воздух завибрировал, полыхнуло лиловым, ударила тугая волна, снося и переворачивая всё на своем пути, выбрасывая на улицу рамы, куски мебели, камни... Найз почувствовал, как летит вверх тормашками, врежется в стену, падает – и всё пропадает во тьме...

* * *

Когда он очнулся и смог приоткрыть глаза, первым, кого он увидел, был Симарон. Он стоял клочах в пяти от него, повернувшись в пол-оборота. От расшитого золотом балахона остались горелые клочья, на раны было жутко смотреть, но на одежде – вернее, тех тряпках, что от нее оставались, не было ни кровинки. Точно всё, что случилось с телом, его не касалось, колдун улыбался. В одной руке он сжимал нож. В другой...

Сердце Найза замерло.

Другой рукой маг держал Белку, заломив ей руку за спину, и лезвие упиралось ей в горло. Потому что перед ним, окровавленный, обожженный, еле держась на ногах от ран и усталости, стоял Фалько. Левая его рука беспомощно висела вдоль тела. В правой он держал меч.

- ...ты меня знаешь. Брось, и подальше.

- Нет. Именно потому... что знаю, - прохрипел и закашлялся гардекор, и на губах его показалась кровь.

- У тебя нет выбора, капитан, - чуть более раздраженно произнес Симарон.
– Или ты бросаешь свою железяку и проваливаешь, или я перережу ей глотку. И я не буду считать до трех. Я просто...

Похоже было, что он надавил. Белка дернулась в ужасе, Найз рванулся, но в ту же секунду в затылке вспыхнула боль, точно воткнули раскаленные кинжалы, всё вокруг закружилось, завертелось... Мальчик рухнул на кучу камней.

- Бросай! Мне терять нечего! – злобно прошипел чародей.

Найз, ни на миг не оставлявший попытки подняться, увидел, как из-под лезвия ножа упали крупные капли крови.

Гардекор опустил глаза и выронил меч.

- Дальше! – яростно рявкнул колдун.

Фалько послушно наклонился, пальцы его коснулись рукояти...

Стремительный выпад почти перерубил лодыжку колдуна – но в то же мгновение рука того выметнулась и вонзила нож гардекору в грудь. Оба противника рухнули рядом – Симарон не выпуская ножа и девочки, Фалько – неподвижно уткнувшись лицом в пол. Выпавший меч ненужным лежал за его спиной.

- Нет!!!.. – отчаянный крик вырвался сразу из двух глоток.

- Я убью тебя, я убью тебя, я убью тебя!!! – едва не теряя сознание от жгучей боли, не понимая, где верх, где низ, и где он сам, мальчик пополз по грудам мусора.

- Если ты не остановишься, я прирежу ее, - холодно обернулся Симарон. – А потом и тебя.

Найз замер. Белка забилась, вырываясь – но рука Симарона с ножом ухватила ее за волосы и развернула голову к себе:

- Смотри на меня! Смотри мне в глаза, тварь!

Девочка разъяренно плюнула в него, получила в ответ пощечину, и тут же чародей с силой приблизил к ее лицу свое:

- Смотри... мне... в глаза... мерзавка...

- Я... - неожиданно тонко пискнула Эмирабель. – Я... я... я...

Мальчик с ужасом увидел, как глаза ее расширились и остановились, ненависть на лице начала медленно сменяться равнодушием, рот приоткрылся, как у слабоумной...

Симарон выдохнул облегченно и быстро заговорил. Слова его – не барзоанские и не эрегорские – потекли плавно и ритмично, как равнинная река, обмывая боль, унося скорбь, растворяя память... Мальчик почувствовал, как всё – абсолютно всё! – становится ему безразлично, глаза закрываются сами собой, и даже зарождающиеся над головами Белки и колдуна тревожные лиловые звездочки не могли разбудить былые тревоги.

Спать... Забыть... Хорошо...

Не спать! Нет! Что он делает?! Что делает колдун?!..

Сияясь разогнать морок, он вскинул голову, закричал долго и отчаянно «Эмирабель!!!» - и вдруг увидел, как Фалько шевельнулся. Рука его поползла к обломку стрелы в плече. Окровавленные, обожженные пальцы сомкнулись на древке, и рванули, выдирая из плоти десяток нолов дерева, увенчанных зазубренным наконечником. Рука гардекора чуть протянулась – и похлопала колдуна по плечу.

- Эй... на корабле...

Под влиянием дурмана собственного заклинания, не понимая, что делает и зачем, Симарон обернулся – и Фалько изо всех оставшихся сил вонзил обломок ему в глаз.

Колдун дернулся, руки его метнулись к лицу, схватились за стрелу – и обмякли. Изрубленное тело вытянулось и замерло, обретя последний покой.

- В расчете... - скривились губы гардекора в подобии улыбки. Глаза его закрылись

- Фалько, не умирай, Фалько, Фалько!!! – наплевав на слепящую боль и на взбесившийся под его ногами пол, мальчик вскочил, упал, снова вскочил, сделал несколько шагов, повалился, опять поднялся, ни на секунду не переставая кричать, точно мог так удержать гардекора на этом свете: - Фалько, пожалуйста, Фалько!!!..

- Фалько!.. – растерянная, с мутным взглядом, Белка поднялась, не понимая до конца, что случилось с ней, с Симароном и со всеми остальными, но иступленно твердя, как заклинание: - Фалько! Подожди, не умирай!!!..

Опустившись на колени, она склонилась над раненым, взяла его голову в ладони и заговорила – быстро, взволнованно, глотая окончания:

- Фалько, не умирай, не надо, пожалуйста, Фалько, живи, ты ведь Бессмертный, ты герой, ты самый лучший в мире, Фалько, пожалуйста, прошу тебя, Фалько!.. – горячие слезы бежали по щекам, промывая дорожки в грязи и копоти, и дрожь то и дело пробегала по ее телу. – Фалько... умоляю тебя... прошу... Фалько... не надо... Не надо! Не умирай!!!..

Глаза капитана едва приоткрылись, и слабая улыбка коснулась разбитых губ:

- Герои... не умирают...

С этими словами судорога боли пробежала по его изуродованному лицу и ушла, оставляя его расслабленным и безмятежным, как у спящего. Голова его бессильно упала набок, а из уголка губ потекла струйка крови.

Девочка всхлипнула и бросилась ему на грудь, содрогаясь от беззвучных рыданий. И внезапно из-под ладоней, все еще прижатых к вискам Фалько, точно робкий туман заструились крошечные золотистые искорки...

* * *

Игривый утренний ветерок переметал по кладбищу из конца в конец землю, похожую на песок, и песок, похожий на пыль, осаждая их тонким желтым слоем на сапогах, одежде и лицах. Не спеша, словно в предчувствии долгого знойного дня, поднималось солнце. Стремясь успеть до жары выкопать еще одну могилу, ушли копари, закончив здесь дело. Разошлись немногочисленные нищие, получив традиционные пироги и монеты. А люди, собравшиеся вокруг высокого ровного холмика с песчаниковой стелой в изголовье, покидать его не торопились.

Высокий гвардейский офицер, седовласый и усатый. Такой же высокий черноволосый мужчина с двумя шрамами на лице и перекрещенными мечами за спиной. Два мальчика: один помладше, в куртке цветов эрегорского флага, другой постарше, в простой, но добротной одежде, с кинжалом у пояса. Худенькая невысокая девочка лет четырнадцати в коричневом дорожном платье. Капитан королевской гвардии Эрегора Дагон, офицер для особых поручений короля Гельтании Тигр, их оруженосцы Аник и Найз и королевская стипендиатка Эмирабель.

Со дня штурма Летнего дворца прошел почти месяц. За это время Фалько, к изумлению всех придворных докторов, успел полностью поправиться, сбежать от их назойливого внимания, спрятаться у Лимбы, устроить трехдневную попойку на всю слободу, а когда капитан Дагон явился из дворца за почетным гостем короны – спoitь и его.

Аник и Найз получили предложение стать оруженосцами Дагона, и мальчик помладше своим шансом воспользовался. Найз же, поблагодарив, вежливо отказался, чем заработал славу сумасшедшего не только в Песчаной слободе, но и в королевской гвардии. Но что ему было за дело до мнений рэйтадцев, когда он должен был отправиться в Гельтанию оруженосцем самого Фалько! Мать его, узнав о намерении сына, попричитала, поохала, поплакала тайком и в открытую, но вскоре успокоилась. Материнское сердце знало, что сын ее не предназначен для мирной слободской жизни. Получив для себя и дочери

Филы места горничных в Летнем дворце, она утешилась и быстро вошла в свежую колею. Об этом позаботились ее новые подруги – Леза и Илада.

Но самый крутой поворот случился в жизни Эмирабель. Подозрение о магических способностях девочки зародилось в душе Дечебала Второго, удивленного чудесным излечением гельтанского офицера. Несколько дней – и у телохранителя Сенона от ранений, полученных во дворце, не осталось даже шрамов. Сам же Дечебал, ежечасно окруженный врачами, всё еще страдал от неопасной, но глубокой раны.

После применения своего нового дара на короле Белка в панике хотела бежать из города той же ночью, но не успела. Вечером пришел капитан Дагон и предложил сделку: корона платит ей содержание якобы на постижение тонкостей алхимии за границей. В действительности же Эмирабель Ронди, единственная дочь Никаша Ронди, потомственного алхимика, и Ануш Саратон, потомственной ведьмы, уезжает в поисках мага, который мог бы научить ее всем премудростям своего искусства. По окончании обучения она должна будет вернуться и тайно служить в новой роли правящему дому Эрегора. Оставшаяся за одну ночь круглой сиротой без привязанностей, она легко согласилась, хотя так и не поняла, чего король Дечебал желал больше: обучить ее или избавиться от нее, пока не свыкнется с мыслью о пользе магии, а самое главное – о безопасности магов.

Лимбе тоже нашлось место в этой утренней встрече перед прощанием. Место под стелой. Накануне отъезда Фалько и Найза старик тихо умер во сне, абсолютно счастливый и пьяный.

- Ну что, пора? – глянув на солнце, первым нарушил молчание Дагон. – Ваш караван, наверное, уже выходит из города.

- Догоним, - кивнул Фалько. Набрав пригоршню земли, он бросил ее на могилу: - Прямого пути тебе к Святому Радетелю, старина. И спасибо за всё – еще раз. Лучше сказать на одно «спасибо» больше, чем на одно меньше, говаривал

ты. А тебе, сколько их ни говори, лишние не будут точно. Иди с миром, дружище. Когда-нибудь, может, снова встретимся.

- Иди с миром, - эхом повторили остальные, и на быстро высыхающий холмик полетели последние горсти земли, похожей на песок, или песка, похожего на пыль.

- Ну, что ж. И вам до встречи, ребята, - он облапил Дагона и озорно взлохматил аккуратно причесанные вихры Аника. – Это гора с горой не сходится, а человек с человеком...

- Счастливого пути, капитан! – Дагон по-дружески ударил его кулаком в плечо.

- Счастливого пути... - пожелал Аник и, понизив голос до шепота и воровато оглянувшись, договорил: - ...капитан Фалько!

Серьезно глянув друг на друга, будто уже успели забыть, мальчики одновременно протянули руки для пожатия – и так же одновременно, отбросив вдруг церемонии, обнялись и на секунду застыли.

- Ну, счастливо... Фалько, - шепнул на ухо другу Аник.

- Бывай, оруженосец капитана королевской гвардии! - помимо воли, Найз улыбнулся во весь рот. – Ты не представляешь, как я за тебя рад! Но не очень-то зазнавайся!

- Сам под ноги смотреть не забывай! – задиристо фыркнул рыжий мальчишка, и друзья рассмеялись.

- Пойдем, парень, - Фалько приобнял своего оруженосца за плечи и кивнул Белке, неузнаваемо-серьезной в дорожном наряде: - Прекрасная Эмирабель, время.

За кладбищенскими воротами их поджидали кони: гнедой такканский жеребец Фалько, рыжий мул Найза и белые пони – для Белки и ее дядьки, старого слуги дома Ронди. Оставалось лишь заехать во дворец, забрать вьючных лошадей с багажом и присоединиться к торговому каравану, идущему в Гельтанию.

«Наверное, когда мечты кажутся скучными по сравнению с действительностью, это и есть счастье», - подумал Найз, прищипывая мула.

Новая страница книги их жизней начинала переворачиваться.